современный любовный роман

Юлия Прим

[re]Play

18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Юлия Прим
Replay

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38008923
SelfPub; 2018

Аннотация

Вчера у меня было все. Любящие родители, жених и большие планы на будущее. Сейчас нет ничего. Теперь я просто дорогая вещь для одного и «принцесса» для другого. Недешевая игрушка, которую каждый день проверяют на прочность. Все, что я хочу – переиграть жизнь, вернуться к отправной точке, нажать «replay» и предотвратить случившееся.Серия "Адюльтер". Книга вторая. Отдельная история.Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог 5
Глава 1 14
Глава 2 47
Глава 3 62
Глава 4 87
Глава 5 118
Глава 6 146
Глава 7 187
Глава 8 206
Конец ознакомительного фрагмента. 228

В оформлении обложки использована фотография автора PublicDomainPNG с https://pixabay.com

Пролог

Выход на бис. Оглушающий гул аплодисментов, отдающийся болью в висках. Ослепляющий свет софитов, закрывающий глаза мокрой пленкой из подступающих слёз. Низкий поклон, спасительно держась за руку участника труппы. Удовлетворенная улыбка на лице. Вымученная, требующая затраты оставшихся сил. Красивая маска, подавляющая сковывающий сознание страх… Я здесь! Не прячусь, забившись в угол. И всё ещё имею право на управление хоть какой-то частью своей никчемной жизни… Наивная идиотка… Интуиция все эти дни твердит, что затишье далеко не конец этой гнусной истории. Меня не оставят в покое… Накаченная анальгетиками, бестолково пытаюсь доказать свою независимость. Назло ему или всё же ради себя, не сорвав расписание, вышла на сцену и, превозмогая боль, смогла отыграть до конца.

Резко гаснущий свет. Гул разговоров, усилившийся в толпе зрителей, покидающих свои места. Боязливый взгляд в темноту пустеющего зала. Кулисы медленно ползут по полозьям, издающим легкий скрип. Словно музыка из фильма, не предвещающего хорошего конца. Отпускаю руки, чувствуя нарастающую дрожь, пробивающую всё тело. Физически ощущаю его давящий взгляд, каленым железом прошедший по коже. Из первых рядов. Из мглы, повисшей в

зале. Направленный лишь на меня… Мотаю головой, кривясь от простреливающей боли, скидывая наваждение. Его здесь нет! Не может быть! Не способен приблизиться и близко… после всего! Баженов должен быть занят другим. Объяснять следователю, что моё заявление – липа чистой воды. Или, как минимум, загружать адвоката поиском лазеек, чтобы снять с его "чистого имени" грозящие статьи… Дура! Господи, какая же я была дура, наивно рассказывая служителям закона причины моего появления в больнице… Надо было молчать! Не поддаваться эмоциям. Взыгравшей ненависти и желанию отомстить, отыграться. Его денег достаточно, чтобы изъять все бумаги. Замять дело за недостатком улик или перевести подозрение на кого-то другого.

Твою мать! Надо было сразу бежать. Написать отказ от госпитализации и сваливать из города на следующее же утро! Не тратить впустую драгоценные дни! Не надеяться, что он проглотит мой выпад. Кто я такая, чтобы он, не обозлившись пуще прежнего, а лишь пожурив за провинность, отпустил меня? Ему проще свернуть мне шею… С улыбкой на губах расправиться с обнаглевшей сукой, решившей, будто она способна играть на равных и сбросить с плеч его цепкие лапы. Будто она в силах потребовать свободу, позабыв о непогашенном долге. Сбежать от него, не оставив что-то взамен… Надо было исчезнуть… Безмозглая дура! Не важно, как и куда! Рвануть на зелёный в любой выезд из города и затеряться на просторах страны. Только ведь мне обещали

защиту. Доблестные представители закона, истекавшие слюной в момент моего рассказа, требовавшие мелких подробностей, от которых у меня срабатывает рвотный рефлекс. Смаковавшие слова и ухмылявшиеся моей реакции. Только мне было уже всё равно… А сейчас…

Для чего я сегодня вышла на сцену? Не попросила замены и не подала заявление об уходе? Оставив на всякий случай дорожную сумку в гримерке… Бесстрашная! Верящая в то, что не одна. Наивная.

Закрытие сезона. Последний спектакль. Выход на бис. Повисшая в зале тишина и опустевшая сцена. Все разбрелись по своим каморкам. У всех свои заботы, дела. Без толку стоять здесь одной. Как ни старайся оттянуть момент, он не изменится. Разворачиваюсь в сторону выхода. Отзвук шагов в хитросплетении узких коридоров отдается зловещим эхом. Приглушенный свет. Пересохшие губы под грузом толстого слоя грима и помады, иссушенной обрывистым дыханием. Два дня я ждала, что за мной придут. Пряталась дома, не одергивая штор. С наступлением темноты не включая света. Вздрагивая от каждого звука. Слышала несуществующие шаги, доносившиеся из-за входной двери, словно кто-то выжидал, насколько хватит моего терпения не покидать устрашающего своей мнимой безопасностью жилища. А я трусливо сидела внутри, запершись на все замки, которые всё равно не смогут спасти в случае вторжения. У людей Баженова свой стиль – врываться без стука, буквально снося двери с

петель.

Сидела и надеялась, что после моего заявления он не рискнет действовать в открытую… Но больше всего ждала лишь одного звонка. От того, кто вхож в круг высокопоставленной мрази, все эти месяцы испытывавшей меня на прочность. Выбивавшей эмоции, раз не смог добиться желаемого за счёт бесчисленных накоплений, хранящихся на его счетах, даже чувства благодарности за его "бескорыстную" помощь. Ждала с тревогой на сердце. Веря, что я не ошиблась… Что он не такой, как все те, с кем мне это время приходилось общаться. Ждала… а уверенность таяла, словно сигаретный дым, наполнявший мои лёгкие. Оставаясь дома всё больше потому, что он не знал, где ещё меня стоит искать.

Только всё это было зря. Ни одного звонка, сообщающего о месте встречи. Ни одной весточки о его местонахождении. Лишь та фраза от медсестры в больницы, что похожий на него парень в ту ночь приходил… Испугался? Или и у него есть своя цена? Всеволод дорожит своей свободой и явно расщедрился суммой откупных или добился молчания иным способом. Да плевать… Мир жесток и циничен. Не в первый раз я ошибаюсь на этом… Только… Сейчас мне точно несдобровать, как бы умело не выпрашивала прощение, валяясь в ногах.

Идиотка! Что с меня взять? Слишком гордая, чтобы признать себя вещью. Выкупленной за круглую сумму, словно лот на торгах. Возможно, он слишком переборщил с вы-

колачиванием из меня этого факта. Самолично уничтожил инстинкт самосохранения. Заставил просчитывать ситуацию наперёд в желании выбраться из порочного круга. Искать варианты, обесценив компанию отца, выставив за гроши складские помещения, намереваясь побыстрей рассчитаться… Усмехаюсь, смахивая вновь подступающие к глазам слезы. Проще было бы найти киллера. Более быстро и безопасно… Ладно, не спорю, идея глупа… Я повела себя более бестолково, поверив тому, кто обещал, что вместе мы справимся. Начнём новую жизнь. Только вдвоём. Заново. С чистого листа. Поверила… и ошиблась. Собрав вещи на первое время, замазав выступивший на скуле синяк, отправилась в театр на свой последний спектакль. Ещё не зная, что буду делать дальше. В каком направлении отправлюсь и куда. Оставив перед началом заявление об уходе на столе управляющего, привычными штрихами нанесла грим и, стараясь не стонать от боли, пронизывающей всё тело, влезла в платье. Баженов мастер во всём. На коже, не считая припухлости скулы, ни единого следа. Он легко выуживает ту информацию, которая ему нужна. Не позволяя подняться с колен и распрямить спину. Выплевывая ласкающие его слух слова "единственный… неповторимый…", вместо желания прокричать во всё горло "ублюдок". Глотая слёзы, ставшие комом в горле, повторять до потери сознания, поддерживая нужную интонацию в голосе, "твоя…"

Приоткрываю дверь гримерки, вцепившись в ручку дро-

жащими руками, боясь увидеть в маленькой комнате его статный профиль: узкие губы, растянутые в хищную улыбку, и глаза, оголяющие до самых костей. Как он ухмыляется моему страху, чувствуя его запах при каждом появлении рядом. Наслаждается им, словно любимым напитком. Ждет моих бессмысленных оправданий, нелепых фраз, срывающихся с непослушных губ.

Моя бестолковая попытка сбежать от Баженова лишь подтверждает его превосходство. Наказание не заставит себя ждать. Все мои обвинения рухнут, неподтвержденные показаниями его свиты. Идея не увенчалась успехом, и попытка вернуть свою жизнь к той беззаботности, к тому моменту, когда в ней не было ни единого упоминания о нем, потерпела фиаско… Воспоминания не выкинуть из памяти, и события не повернуть вспять. Они будут преследовать меня оставшиеся дни, вызывая очередной приступ слёз.

Толкаю дверь и упираюсь глазами в недоуменную коллегу, сидящую возле своего зеркала, подсвеченного десятками мелких ламп. Медленно выдыхаю, заставляя её нахмуриться ещё больше. Начинаю нервно смеяться, едва не оседая на месте, заметив у окна большую корзину белых роз, украшенных красными сияющими стразами, словно брызгами крови. Внутри торчит записка, перевязанная алой лентой. Голос срывается в стон раненного зверя. Он… здесь… И нет времени на бегство. Я вновь облажалась, поверив, что на шаг его обошла.

Резко поднимаюсь, скидывая платье. Морщусь от боли в области ребер и живота, сдерживая слезы и стискивая до скрежета зубы. Опускаю голову от заинтересованного взгляда, изучающего меня. Молча натягиваю джинсы, отбрасывая в сторону сценический наряд.

– Всеволод? – настороженно спрашивает Лана, задумчиво хмуря лоб и слегка прищурив глаза.

Киваю в ответ, продолжая впопыхах собираться. Завязываю в тугой хвост на затылке непослушные локоны, щедро сдобренные блестящим лаком. Быстрыми движениями салфетки, с напором ходящей по коже, смываю грим. На лету подхватываю дорожную сумку, смахивая в неё свою косметику с полки. Я бегу. Это видно невооруженным взглядом. Она лишь кривится, наблюдая за мной, не спрашивая, зачем и куда.

Молча встаёт, выкладывая рядом со мной ключ от черного входа и несколько крупных купюр из своего кошелька. Стопорюсь, глядя на них, медленно поднимая изумленные глаза. Актерская среда пропитана конкуренцией, жаждой урвать своё место. Быть первым. Любыми путями. Каждый сам за себя. Здесь редко встретишь сочувствие и сострадание.

– Бери, – хмыкает сердито. – Так и знала, что связь с ним выйдет тебе боком. Купи билет подальше и отсидись, пока не найдёт новую игрушку и не забудет про тебя.

– Спасибо, – шепчу дрожащими губами, то и дело облизы-

вая пересохшие от загнанного дыхания. Порываюсь податься вперёд и обнять её. Но не находя отклика во взгляде, хватаю ручку сумки и, зажав деньги с ключом в другой руке, направляюсь к двери.

Открываю, резко зажмуривая доселе широко открытые глаза, словно от вспышки света, обжигающей сетчатку. Глубоко выдыхаю, пытаясь вернуть себе хоть долю показного спокойствия, слыша над ухом приторно сладкое:

– Далеко собралась, красавица? – фыркает и, разжимая мою руку, забирает ключ и наличность. – Ты предсказуема. Думаешь, я не оставил кого-то из ребят у заднего входа?

– Кирилл… – шепчу, прикрывая дрожащие губы ладонью. – Прошу тебя, отпусти меня. Скажи ему, что не нашёл меня, – срываюсь на крик, умоляя. – Пожалуйста! Обрадуй, что я умерла!

Проводит медленно пальцами по щеке, точно успокаивая. Произносит тихим голосом, будто общается со слабоумной или совсем маленьким ребенком:

– Пока не увидит твоё бездыханное тело, не успокоится. Иди за мной по своей воле, иначе заставлю, приложив силу.

Забирает из ослабшей руки дорожную сумку, отступая от двери и плавно подталкивая меня вперёд.

– И всё-таки не понимаю, чем ты его так зацепила? Всеволод тебя явно переоценивает.

– Попробуй сказать это ему, сразу получишь в челюсть, – бесстрашно выплевываю в сторону оппонента, осознавая

всю безысходность. Бросаю взгляд в сторону привлекательного блондина, упакованного в изящный черный костюм. Словно секретный агент из голливудского фильма. Скалящийся белоснежной улыбкой в ответ и имеющий странного оттенка серо-голубые глаза. Точно две льдинки, отражающие пустоту души. Он терпеть не может меня, так же, как и всех предыдущих Баженовских, или тех, кто есть кроме. Считая женщин одними из низших созданий, которых способна носить на себе наша планета.

Плачь я сейчас, кричи или пытайся сбежать – результат будет один. Так же, как и все в команде Баженова, Кирилл, в плане эмоций, не пробиваем. Всеволод подбирает людей, отражающих его самого. Сочувствия и помощи от них не дождаться, они не… Да и к чёрту их всех! Тот, на кого я надеялась, выходит тоже подвёл меня…

– Держись ближе, – приобнимает за талию, вызывая тем самым ещё большее отторжение и желание броситься прочь. Только уперевшись в закрытую стеклянную дверь парадного выхода, далеко убежать не получится. Устремляю взгляд вдаль, замечая напротив его машину, смиряясь со своей участью и понимая, что скрыться от него уже невозможно…

Глава 1

(Кристина)

– Ванечка… – затаив на губах улыбку, шепчу тихо, словно в пустоте скрытого сумраком двора нас могут услышать. Горячие губы двигаются по моей шее, щекоча своим прикосновением, заставляя ежиться и смеяться. Закрываюсь ладонью от его поцелуев, неспособная от них увернуться. Вырваться из захвата стальных рук, не позволяющих сдвинуться с места. Требовательных, беспрепятственно блуждающих по поверхности моего тела и всё же не переходящих черту дозволенного… Я специально попросила не парковаться возле подъезда, мотивируя своё желание прогуляться знакомыми ему узкими дорожками и забитыми автомобилями свободными местами… А на деле… С каждым днём мне всё сложнее оставаться с ним наедине, не поддаваясь напору… Или желанию… Сам чёрт сломит ногу, пытаясь разобраться в наших отношениях. Чего хочет он, чего я… Всё переплелось воедино, стирая грани межличностного пространства. Не оставляя особого выбора. Дав лишь несколько вариантов развития событий.

Пробую сыграть на остатках рационализма, нежно улыбаясь своему визави. Ласково произношу, замедляя резкое дыхание:

– Потерпи ещё немного… – прикрываю глаза, подставляя

веки прохладному весеннему ветру. Резко вздрагиваю, ощущая его рывок к себе, сдавливающий оковами рёбра, и грохочущий в висках от непроизвольного испуга пульс. Плавно выдыхаю, пытаясь утихомирить загнанное сердце. Действую медленно, словно боясь спровоцировать "рецидив". Плавно поглаживаю его по щеке, буквально кончиками пальцев. Улыбаясь очередному недоумению, в которое он меня ввергает за этот вечер. Наблюдаю отрицательное качание головой. По-детски поджатые губы, которые и вовсе идут вразрез с его образом уверенного в себе, с легкостью получающего желаемое… самца.

Едва не прыскаю со смеху от лихо закрученной мысли. Пошловатенько вышло… Только как ещё назвать этого парня, когда за ним увивается километровая свита лиц женского пола? А шатен с шоколадно-сладкими глазами, стоящий напротив меня, обладающий едва ли не голливудской улыбкой и баритоном, вводящим в легкий транс, из всех выбрал именно меня… Может быть потому, что я не была в этой очереди желающих прикоснуться к прекрасному, а занималась, как казалось, чем-то более важным?

Обиженный взгляд, наблюдающий за каждым моим движением, никак не стыкуется с привычным всем образом. Это сбивает с толку. Вводит в ступор, и всё же… Отчего-то внутри растекается сладкая нега. Становится легко и приятно… Неужели таким обычным, простым его знаю лишь я? И если он настолько доверяет мне, чтобы открыться, то…

– Крис, – произносит на выдохе, упираясь глазами в глаза. – Сколько ты ещё намерена меня мучить?

Поджимаю губы, откликаясь более яркой улыбкой, смотря на него взглядом, полным недоумения. Играю? Немного. Скрываю истинные чувства, не желая в который раз вдаваться в дискуссии. Заменяю понятия более простыми. Наивно хлопая глазками. Порой, строя из себя полную дуру, которую легко можно обойти.

Хмурится, не получая желаемого ответа, и проговаривает, с прищуром глядя в глаза:

– Ты сказала?

– Почти… – процеживаю тихо, не опуская вниз уголки губ. – Ванечка… – вкладываю в голос ощутимую нежность, растягивая слова по слогам. – Ты же знаешь моего отца… Давай завтра, после… – не успеваю обронить окончание фразы, подчиняясь натиску его губ, подавляющих любые попытки к сопротивлению. Сжимает руки сильнее, забираясь прохладными пальцами под кромку свитера и покрывая мурашками кожу. Ежусь, подаваясь лишь ближе. Пытаясь урвать от его дыхания капельку столь необходимого тепла.

– Завтра подаём заявление и едем отмечать? – уточняет буквально на выдохе, впиваясь губами в озябшую шею. Поглаживая спину крепкими пальцами и запуская под слои одежды ещё больше блуждающего холодка.

– Я не в курсе планов родителей на день, – слегка отворачиваюсь в сторону, не желая в очередной раз искать оправ-

дание. Тихо произнося вместо привычных фраз:

– Ты же помнишь наш уговор?

Кивает в ответ. Довольно резко. Несдержанно. Вновь утыкается губами в шею и, медленно оголив ворот, ведет ими по коже влажную дорожку к плечу. Тело вмиг пробивает ознобом. Льну к его груди, пытаясь согреться.

– Вань… перестань, пожалуйста… Дай мне немного времени. Я не хочу так…

– Крис, – шепчет, наращивая громкость отстранённого голоса. – Мы собирались завтра подать заявление. И всё-равно ты держишь меня на расстоянии. Что изменится через этот месяц?

– Многое, – напрягаюсь, вновь натыкаясь на его недопонимание. – Для меня это важно… Я хочу, чтобы ты был единственным мужчиной в моей жизни. Это время… Вань, разве я многого прошу? – вздыхаю натяжно, ощущая, что разговор вполне способен перейти в бурную ссору. И это накануне моего дня. Неужели меня сложно понять? Почувствовать, что значит для меня этот шаг? Порой кажется, что для него грядущая свадьба и вовсе ничего не значит. Словно пари. Очередной пункт в достижении цели. А я, как и большинство девушек моего возраста, мечтала о ней. Продумывала в деталях картинку, которую желала бы видеть… Для меня это не банальное торжество, а неразрывная связь. Одна. Единственная. На всю жизнь. С мужчиной, способным заменить мне весь мир. Раз и навсегда отбив желание искать

что-то лучшее.

Связь с тем, кто отчасти будет похож на моего отца. В его умении любить… Я хочу настоящую свадьбу, а не бутафорию. С первой брачной ночью. Моей! Неповторимой! Действительно первой! Запоминающейся и несравнимой с очередными эпизодами из коротких интрижек моего избранника.

Смотрю в эти тёмные, исследующие мой взгляд глаза, понимая, что в данный момент рассуждать с ним о моём восприятии невозможно. Он не слышит меня, желая довольствоваться большим, чем я могу предложить. Молчу, гоня от себя назойливые мысли о том, что в своём выборе я не права… Повелась, как и все, на красивую упаковку, не решившись достоверно узнать, что таится внутри? Нет… Эти полгода его ухаживаний были очень приятными. Живыми. Яркими. Я и сама толком не поняла, когда именно успела влюбиться в этого парня. Столь старательно игнорируя его из-за шагающей впереди репутации бабника.

Сын компаньона отца, из приличной, обеспеченной семьи и завсегдатай самых злачных мест… Со мной он был абсолютно другим. Милым. Простым. Ваня даже пытался подружиться с моей семьёй… Папа предвзято отнесся к моему "увлечению". Возможно, поэтому я до сих пор не говорила с ним о наших столь далеко идущих планах.

– Ванюш, я, пожалуй, пойду, – расцепляю ослабившие хватку руки, до сих пор обнимавшие меня. Взъерошиваю

волосы, будто смутившись под его взглядом, наблюдающим исподлобья. Смотрю на вытянутые в жесткую линию губы, словно затаившие в себе немой вопрос. Молчаливо спешу покинуть напряженное пространство, выдавливая из себя подобие милой улыбки. Смягчая ситуацию, слегка прикасаюсь к щеке пересохшими от ветра губами. Прикрывая глаза от бьющего в нос, столь манящего цитрусового запаха. В нём всё идеально. Продуманно. Всё, если не брать в расчет доводы моего отца о совершаемой глупости…

– Уже поздно. Мне надо выспаться.

Перехватывает мою руку, удерживая от бегства. Фиксирует подбородок в два пальца, наклоняясь, нависает надо мной сверху. Прикасается губами, плавно втягивая мои в себя. Лаская небо языком. Оплетаю шею руками, прикрывая от удовольствия глаза. Наслаждаясь моментом, удаляющим из сознания практически все мысли. И я уже не нахожу недостатков этого момента. Разыгравшийся вокруг нас ветер, обдувающий прохладой со всех сторон, лишь охлаждает жар моих горящих щек.

Ощущаю рядом тепло близкого человека, которого за столь недолгое время вполне могу назвать своим… ставшим любимым, родным… Звонок мобильного в кармане заставляет на миг оторваться от столь сладкой ласки. Распахиваю глаза, немного обиженно поджав губы.

– Мне пора, – шепчу тихо, привстав на мысочки. Оставляю на его щеке влажный отпечаток своих губ и отстраняюсь

в сторону.

– Я заеду утром, – отвечает, всё также храня в голосе остатки недовольства. – И мы…

– Обязательно поедем, – перебиваю с улыбкой, плавно отступая назад.

– Кристин, ты обещала, – парирует сухо.

– Я поговорю, – с улыбкой на губах киваю в ответ. – Ванюш, – легким движением руки посылаю в его сторону воздушный поцелуй. – Обещаю. Честно.

Ухожу под его грузное дыхание, повторяющее ритм моих шагов. Не оборачиваюсь более, нажимая кнопку ответа на аппарате. Не желая испытывать абонента на прочность и заставлять звонить его вновь.

– Владимир Александрович, – произношу ласково и немного игриво. – Конечно, бегу. Уже практически поднимаюсь, – улыбаюсь, слыша в ответ напряженные нотки, таящие в себе неподдельное беспокойство. Смягчаю голос, насколько это возможно, практически шепча: – Да, папочка…

Захлопываю за собой подъездную дверь, оставляя позади прохладу весеннего вечера. Нажимаю на телефоне отбой, прикасаясь спиной к холодному железу, и, наконец-таки завершив трудный день, протяжно устало вздыхаю. Сердце до сих пор грохочет в висках, а завтрашний обещает быть ещё более богат на события, эмоции, переживания. С трудом верится… мне почти восемнадцать! Странная цифра, несущая за собой некое великолепие. Особую притягательность

и страх взросления.

От меня чего-то ожидают… Словно я в один миг должна измениться до неузнаваемости! Что-то переосмыслить в своей жизни. Построить далеко идущие планы… Разве возможно изменить жизнь в один день? Когда не чувствуешь перемен от ещё одного дня рождения. Почему-то особенного. Хотя… Возможно, он и действительно станет таким. Стоит лишь слегка… постараться. Заставить себя проникнуться ощущением праздника, заразившего всех. Принять его, искренне благодаря за заботу… Только вот предчувствие чего-то плохого не идёт из головы.

Плавно выдыхаю, считая до десяти. Это всё нервы. Подготовка к премьере. Время, неумолимо бегущее к серьезным экзаменам в вузе. Длительные, выматывающие репетиции, отбирающие все силы и… Кривлюсь, предвкушая реакцию отца на мои слова, отточенные в уме фразы, доведенные до совершенства… грядущая свадьба…

Отхожу от двери, начиная дрожать. Смутно понимая, чем именно обязана столь ощутимой реакции организма. То ли страх перед неизвестностью настолько велик, то ли слишком продрогла. Взбегаю по лестнице на третий этаж, игнорируя лифт. Звонко стучу каблучками по плитке, ведущей к двери. Заглушаю звуком шагов, отдающимся эхом в пустом подъезде, собственные мысли. Растягиваю улыбку пошире, опуская вниз ручку двери. Качаю головой, обреченно вздыхая. Не заперто. Меня ждут, и мучительный разговор не перенести.

Яркий свет включен в холле. Из зала доносится звук телевизора, а из приоткрытой двери кабинета вдали слышен довольно громкий, строгий голос отца:

– Кристюш, зайди ко мне.

– Конечно, – бросаю звонко, целуя на ходу вышедшую на шум маму.

– Он не в настроении. Места себе не находит последние часы, – шепчет тихо, прикасаясь губами к моей щеке. – Ты вновь задержалась допоздна…

– Мамуль, я предупреждала, – фыркаю, нервно закусывая опухшие губы.

– Как Ваня? – уточняет с теплой улыбкой.

– Нормально, – озираюсь в сторону приоткрытой двери. – Я уже не маленькая… – канючу, глядя в её ласковые глаза.

– Конечно, милая, – улыбается нежно. – Только вот для отца… Он сильно переживает за тебя. Боится, чтобы не натворила глупостей и позже не сожалела.

– Я у вас умница, – усмехаюсь, слегка приобнимая. – Держи за меня кулачки. Пошла.

Сбрасываю туфли в сторону, на мысочках пробегая по ведущему к заветной двери мягкому ковру. Слыша за спиной тихий шепот, ласкающий слух:

– Я люблю тебя.

Отзываюсь взаимностью одними губами, не роняя и звука, открывая на полную резную дверь. Мощную, строгую, отражающую, как ничто другое, своего владельца. Вход в свя-

тая святых, где он проводит более половины своего времени, находясь дома. Просчитывая, возводя в жизнь грандиозные планы. Не пуская нас с мамой в "свой мир". Четко разделяя два абсолютно разных понятия: "семья " и "работа".

Вхожу, практически не дыша. Замираю в дверях, притупляя свой страх перед грядущим разговором. Как можно бояться этого красивого мужчину, на которого хочется равняться, смотреть, затаив улыбку в глазах и молча восхищаться им! Седина на висках придаёт ему неповторимую статность. Короткий ежик темных волос идеально гармонирует с классическим костюмом, который он до сих пор не сменил на более "домашний" наряд. Высокий лоб напряжен при взгляде в экран ноутбука. Губы сложены вместе, а глаза отражают в себе усталость вкупе с неподдельным отблеском беспокойства.

Тихо прохожу вглубь строгого кабинета, не имеющего лишних деталей. Присаживаюсь на резной стул по другую сторону стола, моментально переводя внимание на себя.

– Кристюш, – вздыхает устало и бросает взгляд на часы. – Скоро полночь… Ты опять прохлаждалась с ним вместо отдыха?

– Папуль… – протягиваю, обиженно поджав губы. – Ваня встретил меня возле театра. Я не задержалась надолго…

– У тебя на носу экзамены, – произносит, захлопывая ноутбук и потирая пальцами переносицу. Выдержав небольшую паузу, с недовольством в голосе продолжает:

– Не понимаю, что ты в нём нашла.

– Всё, что мне надо, – с осторожной улыбкой заключаю тихо. – Пап… мы решили пожениться… – поджимаю губы, опуская взгляд в пол.

– Этого ещё не хватало, – бросает резко, хмуря брови.

Испуганно поднимаю глаза, боясь ему перечить. Тяжело вздыхает, смягчая голос до того тембра, что укутывает нежностью, проникая в душу.

– Кристюш… для подобного шага ты слишком молода и действуешь совсем не разумно.

Сглатываю ставшие комом в горле слова, тушуясь в начале фразы, и лишь обреченно произношу:

– Папуль, я…

– Он даже не удосужился объявить мне эту новость вместе с тобой, – перебивает холодным голосом, едва не заставляя съежиться и вжаться в спинку стула. Искать бессмысленные оправдания чужим поступкам в надежде, что он правильно их поймёт. Примет так, как чувствую данную ситуация я.

– Не говорю уже о родительском благословении и официальной просьбе твоей руки. В вашем поколении это уже не принято?

– Папуль… – жалобно протягиваю, глядя в глаза. – Ваня знает, что ты от него не в восторге. Он хотел поговорить с тобой, только я попросила…

– Милая, – перебивает, пронзая суровым взглядом. Переворачивая под ним внутри меня всё вверх тормашками. –

Мужчина ценен поступками. А твой парень… На что он способен, кроме шатаний по клубам и траты денег отца, оплачивающего вдобавок его престижное обучение, с которого его уже давно выкинули бы, если б не ежегодно поступающие на счета Вуза спонсорские взносы? Ему уже двадцать три. Какая жизнь тебя ждёт? Неужели ты думаешь, что это не беспокоит меня?

– Я люблю тебя, – улыбаюсь неловко, пытаясь надломить этот учительский тон. Прекрасно зная, что человеку, рожденному управлять большим количеством людей, порой достаточно сложно переключиться со своего привычного "рассматривания сквозь увеличительное стекло" каждого встречного и любой происходящей вокруг ситуации.

Встаёт со своего места и обходит широкий дубовый стол. Присаживается передо мной на корточки, вбирая ладони в свои, тихо шепча:

– Я тебя тоже, родная. Больше всего на свете, – поджимаю губы, сдерживая поступающие к глазам слёзы умиления. Ощущая теплоту его рук и столь приятное чувство от этой близости… Настолько сильное. Тихое. Невесомое. Не возникающее больше ни с кем… Смиренное. Осязание его любви. Искренней и необъятной.

– Кристюш, – окутывает нежностью усталого голоса, пронизывая ею насквозь. Вызывая ответную улыбку и желание его слушать. Выполнить любую просьбу именно так, как он скажет. Потому что это будет правильно… В такие моменты

мне хочется равняться на этого человека и быть достойной его. Ни в коем случае не огорчая своими поступками. Соответствовать ожиданиям в преддверии… сама толком не зная чего. Своего совершеннолетия?

Сердце испуганно трепещет под ребрами, не предвещая хорошего. Обрывается, резко заглушая ритм, чувствуя его слова:

– Я желаю тебе лишь лучшего. И если это действительно твой выбор… – затихает, переводя дыхание и сжимая мои руки в своих, тихо продолжает, – ты всегда можешь рассчитывать на нас с мамой, – вздыхает, оставляя на моих пальцах прикосновение своих губ. – Как бы мне ни было трудно это принять, мы всегда поддержим тебя.

– Спасибо, пап, – выдавливаю из себя дрожащим голосом, всё-таки роняя скатывающиеся по щекам на губы солёные слёзы.

– Беги спать, – заключает тихо, вытирая их легким движением руки и слегка взъерошивая мои волосы. – Завтра насыщенный день. Ты должна отдохнуть.

Наклоняюсь ниже, обрамляя его лицо ладонями. Оставляю на щеке невесомый поцелуй. Поднимается тихо, плавно поглаживая меня по голове, повторяя на выдохе:

– Беги спать, маленькая. Уже поздно.

Привстаю с места, лишь кивая в ответ. Покинув кабинет, следую в свою комнату. На секунды задерживаюсь в дверях зала, желая маме спокойной ночи. Ловя в ответ мягкую

улыбку и нежное:

– Доброй ночи, моя хорошая.

Ласковый, умиротворяющий голос, несущий в себе ощущение тихого счастья и спокойствия, которым наполняет моё трепыхающееся в груди сердце.

Засыпаю почти мгновенно, выкинув из головы преследующие долгие дни беспокойные мысли. Отдавшись ожиданию нового дня. Бесспорно лучшего. Неповторимого. Моего.

Темнота вокруг. Звук шагов, отдающиеся эхом. Большое помещение. Не вижу, но знаю это наверняка. Плотная тканная повязка на глазах скрывает убранство и осознание, где именно я нахожусь.

Тёплая родная ладонь, сжимающая моё запястье, явно чувствует бешено стучащий под кожей пульс и лёгкий озноб перед неизвестностью.

Пальцы разжимаются, ослабляя захват. Рефлекторно вздрагиваю, чувствуя на затылке руки, развязывающие плотный узел толстого материала. Перед глазами ярко вспыхивает свет. Улыбаюсь, зажмуриваясь и после часто моргая, слыша оглушающий гул голосов, сливающийся воедино в неброской фразе:

– С днём рождения!

Смущенно прикрываю губы рукой, растягивая улыбку под ней ещё шире. Осматриваюсь вокруг, замечая бессчетное количество шаров, украшающих высокий потолок, разнообразие цветов на столиках, соединенных в большую букву "п"

и множество знакомых, друзей и вовсе не знакомых мне ранее людей, собранных родителями по поводу моего празднества.

Смеюсь, обнимая маму с отцом. Едва сдерживая слёзы радости, пробивающиеся на щеки из-под густо накрашенных ресниц.

– Спасибо вам, – шепчу, не способная в этот момент сказать что-то ещё. – За всё… – срываюсь на дрожь в тихом голосе, произнося очередные признания в любви.

Гости расходятся по своим местам, постепенно освобождая пространство рядом с нами. Остаются только друзья, поочередно и вместе обнимающие меня. Вводящие в полный восторг своим присутствием рядом, словами, пробирающими до слёз и ощущением радости, заставляющей меня буквально светиться изнутри.

Вздрагиваю от прикосновения рук, ложащихся чуть ниже груди. Плавно разворачивающих меня на месте. Заставляя вновь улыбнуться, посмотрев в знакомые до мелочей глаза. Шоколадные, сладкие, как и сам владелец. Оплетаю его шею руками, слыша возле уха едва различимое в мотиве мелодии играющих неподалёку музыкантов:

– Моя очередь тебя поздравлять, малышка.

Разжимает мои пальцы, вызывая своими движениями глубокий вдох. Ощущая буквально на языке привкус его аромата. Притягательного и терпкого. Манящего…

Опускается на одно колено, вытаскивая из кармана своего

классического пиджака, накинутого поверх яркой футболки и темных джинс, маленькую коробочку, обшитую красным бархатом. Замираю, поджав губы, слыша заветное:

– Крис, ты согласна выйти за меня?

Улыбаюсь недоуменно: я ожидала этого жеста и всё равно оказалась к нему не готова.

Смотрю на него среди друзей, призывно протягивающих долгое:

– И-и-и?

Родителей, напряжённо и взволнованно наблюдающих за моей реакцией. Множество людей, ожидающих моего ответа. Приоткрываю крышечку яркой коробочки, затаив дыхание, и, на выдохе притягивая всеобщее внимание, шепчу тихое:

– Да.

Привстает под оглушающие крики друзей и аккуратно надевает мне на палец кольцо. Обнимает настолько сильно, что выбивает остатки воздуха из лёгких. Прикасается губами к моим. Сдержанно. Едва дотрагиваясь. Не позволяя на публике лишнего, но пронзая горящим взглядом, говорящем об истинных чувствах. Смеюсь, обнимая в ответ. Неужели возможно быть более счастливой, чем сейчас? В данный момент. С теми, кто мной дорожит. Не оставит в беде. Не предаст… Боже! Что за пессимизм лезет в голову! С теми, кто меня действительно любит!

Занимаем места рядом с родителями. Смущенно пони-

маю, что его родных в этом зале нет. Отчего-то становится не по себе. Вроде всё как хотелось, но… вовсе идёт не так…

Пожелания, тосты льются рекой со всех сторон. Медленные танцы сменяются один за другим. Отвлекая от тягостных мыслей и втягивая в ощущение праздника. Моего. Новые знакомства, в которые меня окунает отец. Комплименты. Приятные слуху слова. Голова кругом. Несколько бокалов вина делают своё дело, внося в сознание легкую поволоку. Оказываюсь в руках отца, выводящего меня в центр зала под очередную спокойную композицию. Нахожусь в состоянии полёта, ласково прижимаясь к нему. Бесконечно благодарю за устроенный праздник. Неожиданный, именно в таком формате. Резко контрастирующий с теми домашними вечерами, к которым я столь привыкла. Яркий, торжественный, ослепляющий гаммой впечатлений. Досконально продуманный и украшенный присутствием близких людей…

– Кристюш, мне давно пора было познакомить тебя с некоторыми людьми, – напрягаюсь, вслушиваясь сквозь музыку в серьезные слова. Произносит размеренно, словно предрекая что-то плохое. – Пусть ты и не выбрала своей жизненной целью продолжить моё дело… Эти связи когда-нибудь могут тебе пригодиться.

Странное чувство охватывает буквально с головы до пят. Хочется обнять его крепко и успокоить, сказав, что его беспокойство на мой счёт вовсе не обоснованно! Всё обязательно будет хорошо! Не стоит, не удосужившись выпустить ме-

ня за борт, натягивать на пояс спасательный круг.

– Папочка… – роняю бессвязно, пытаясь безболезненно облачить свои мысли в слова.

– Ты у меня такая большая… – дезориентирует, крепче прижимая к себе. Легко и плавно ведя в танце. Вспыхнувшей нежностью и теплотой в голосе, лаская слух. – Никак не могу смириться с мыслью, что моя маленькая девочка так быстро выросла… Мы с мамой всегда пытались дать тебе только лучшее. Прости, если что-то было не так, – прижимаюсь к его щеке, чувствуя вновь предательски настигающие слезы.

– Перестань, пожалуйста, – дую на глаза, опаляя его кожу дыханием. Крепче прежнего сжимаю объятия. – Я вас очень люблю! И всегда буду оставаться твоей маленькой девочкой, которой нужна твоя поддержка и забота! Не могу представить себе, как бы смогла без неё жить… – глубоко вдыхаю родной запах, на автомате переставляя ноги, каким-то чудом не отдавливая при этом его. Мастерски ведомая бережной рукой. Удерживаемая, едва ли не на весу, и ощущающая непробиваемую опору.

– Папочка, я так благодарна за всё, что вы с мамой делаете!

– Не забывай о нас, когда выйдешь замуж… – слышу грустный отклик, проскальзывающий в его голосе, разбавленный тяжелым дыханием.

Музыка медленно затихает, а отцовские объятия усиливают свою хватку. Голос, звучащий до этого полушепотом, в

повисшей паузе меж композиций шквалом обрушивается на меня, отражаясь гаммой эмоций в глубине подсознания.

– Береги себя. Ты для нас всё.

Не сдерживаю всхлипа, утыкаясь в его плечо. Ощущая резкое напряжение, прокатившееся по телу, и слыша совсем рядом сладкий голос, пугающий своей показной доброжелательностью:

– Владимир Александрович, Вы позволите украсть именинницу на один танец?

Поднимаю глаза, вглядываясь в абсолютно незнакомое лицо. Приходится приподнять голову, чтобы как следует рассмотреть гостя. Стальной взгляд проникает насквозь, заставляя едва ли не съежиться. Лёгкий прищур не скрывает жесткости, а горящий взгляд пристально наблюдает за моей реакцией на его слова. Губы сложены в подобие улыбки. Притягивающей и пугающей одновременно. Короткий ёжик русых волос, идеально выбритые щеки и дорогой костюм кричат о статусности незнакомца. Вводят в задумчивость. Кто он такой? И почему я никогда не видела его раньше, раз этот мужчина приближён к отцу настолько, чтобы быть приглашенным сегодня на моё торжество?

Высокий лоб слегка нахмурен. Гость ожидает ответа, который не спешит быть озвучен. Его улыбка становится лишь шире, переводя тяжелый взгляд с меня на отца. Облегчённо вздыхаю, словно скинув многотонный груз с плеч. Успокаиваюсь, оставшись без лишнего внимания. Крепкие руки на

моей спине ослабляют захват. Спохватываюсь вмиг, ощущая себя беззащитной. Слыша словно сквозь стену напряженный папин голос:

– Конечно. Кристина, Всеволод Баженов, мой компаньон, – берёт меня за руку, вкладывая её в ладонь стоящего рядом мужчины, тихо произнося у самого уха:

– Держись от него подальше.

Пытаюсь натянуто улыбнуться, смутно понимая происходящее. Это напутствие имеет отношение к танцу? Прозвучало двояко… вызвав дрожь, холодком пробежавшую по позвоночнику. Не припомню ранее подобного скрытного поведения отца.

Ощущаю на своей руке обжигающее прикосновение губ и удерживающие крепким замком пальцы, не позволяющие из него вырваться.

– Ты не против? – кладёт руку на талию, сокращая дистанцию до приличного минимума. Упираюсь грудью в его пиджак, распахнутый на белой рубашке. Нервно сглатываю, всё также пытаясь закрепить на лице улыбку, сползающую с губ. От него пахнет силой. Мощью. Властью. Дорогим парфюмом, смешанным с запахом кожи. Бьющим в нос ароматом самодостаточности. Так пахнет страх. Мой. С трудом скрываемый за показным спокойствием, рассыпающимся на крупицы с каждой секундой.

Превосходство. Его нельзя сыграть. Таким, как он, надо стать. Или родиться…

Ведёт в танце. Уверенно. Напористо. Буквально поджимая под себя. Смущенно молчу, глядя в сторону, нестерпимо ожидая финальных аккордов. Ощущаю на талии по-хозяйски расположившиеся руки. Не переходящие видимую грань, но и не следующие нормам, прописанным этикетом.

Хочу на воздух! Отдышаться и побыть одной. Дрожу в его руках, понимая, что он вполне способен чувствовать этот непонятный, незнакомый доселе страх. Тревогу.

– Не слишком ли ты поторопилась с ответом? – слышу нарочито ласковое, вызывающее из моих мыслей.

– Простите, что? – недоумённо поднимаю на него взгляд. И словно обжегшись о его довольное выражение лица и лукавую улыбку, мгновенно отворачиваюсь в сторону, ища, за какую деталь интерьера можно зацепиться, тем самым спрятав свои глаза.

– Предлагаю на "ты", – давит ухмылкой, читающейся в голосе, будто издевательски произнося, – я не настолько тебя старше, чтобы заслужить столь почётное обращение.

Смотрю на него, нахмурившись пуще прежнего. Скептически рассматривая того, кто, в данный момент ловко ведя в танце, крепко обнимает меня. Словно бьюсь о стеклянную стену… Серьезный вид без тени улыбки разбавляют глубокие глаза. Задумчивые и в то же время, будто издевающиеся надо мной. Смотрящие с долей… презрения? Нет. Чёрт! Даже не подобрать слов для описания этого странного блеска, с которым, не теряя времени, столь детально осматривает

меня…

Я навскидку прикидываю его возраст. Тридцать… два… пять? Не знаю. Взгляд вводит в недоумение. Обычно цифры прописаны именно в глазах… А здесь… Без толку гадать. Слишком сильный, пронизывающий, сосредоточенный, выдержанный, точно дорогое вино. Он намного младше отца, но почему-то тот словно чувствует себя в его присутствии неуверенно… Да что за бред? Это вовсе не похоже на папу. И эти слова… Знает, кто стоит перед ним, в отличие от меня?

Этот Всеволод выглядит достаточно привлекательным. Если не считать того чувства, что вызывает его присутствие рядом. Мурашки, покрывающие мелкой коркой всё тело, и дрожь, пробирающая напряженные мышцы. Не испытывала подобного ранее, и новизна ощущений в данный момент не так уж приятна.

– Посмотри вправо, – шепчет на ухо, склонившись надо мной, задевая губами висок. Одёргиваюсь назад от горячего прикосновения. Удерживает в руках, открыто ухмыляясь моему испуганному взгляду. Отвожу глаза, в спешке ища то, что он хотел мне показать. Выхватываю в толпе знакомую фигуру в компании одной из моих подруг, вновь слыша этот голос, пробивающий мозг разрядами тока:

– Он с ней спит, – комментирует сдержанно, словно делится впечатлением от закусок, поданных к столу, или нескончаемой музыке, давно ставшей меня напрягать.

– Что вы несёте? – чуть ли не выкрикиваю, резко останав-

ливаясь на месте и едва не налетая на пару, танцующую возле нас.

– Я просил мне не выкать, – наигранно кривится, закатывая глаза. – Посмотри на этот масляный взгляд. Сытый. Довольный. Хозяйский. Могу поспорить, что он с ней спит, – ухмыляется дерзко, слегка сужая глаза. Добавляя надменно, – в отличие от тебя.

Резко высвобождаю свою руку, ощущая накрывающую волну злости на малознакомого человека, растягивающего на своих губах широкую улыбку, при этом оставаясь холодным, непроницаемым для эмоций в глазах.

– Твой отец был прав, не скупясь в эпитетах при твоём описании… – скалится более прежнего, стоя ровно напротив и смотря мне в глаза. – Если ты ещё и играешь так же хорошо, как борешься сейчас сама с собой, пытаясь опровергнуть мои слова, ты действительно бесценна.

– Они просто хорошо знакомы! – выпаливаю злостно. – А моя жизнь и вовсе Вас не касается!

Наклоняется ближе, заговорщически маня к себе пальцем. Кривлюсь, по-детски поджимая губы, но отчего-то не покидая этого проклятого места, словно приросла, слушаю его последнюю фразу.

– Присмотрись к своему окружению. Уверен, после ты вспомнишь меня. Я редко ошибаюсь насчёт предательства.

Разворачиваюсь на пятках, не страшась сломать каблуки. Ухожу или сбегаю вглубь толпы, желая вмиг затеряться от

этого взгляда. Ощущая его спиной. Словно прилипший ко мне. Холодный. Тяжёлый. Давящий и неприятный.

Через силу улыбаюсь знакомым, спасительно вцепляясь в руку отца, и только рядом с ним понемногу расслабляясь.

– Кристюш, всё в порядке? – настороженно спрашивает, присматриваясь ко мне.

– Да, спасибо, – отвечаю, ещё немного дрожа.

– Уверена? – произносит без тени улыбки.

Опускаю вниз уголки губ, надломлено уточняя:

– Папуль, кто он такой?

Вздыхает, впиваясь в меня взглядом с нескрываемым беспокойством в глазах:

– Помни, что я тебе говорил. Он акула. Такие, если учуяли своё, в "живых" не оставляют.

Я смотрю ему в глаза и пытаюсь понять реальность вещей, которые он хочет до меня донести. Хмурюсь, не в силах озвучить свои мысли, разрывающие сознание надвое в невозможности правильно обличить их в слова. Голова кругом. Отчаянно хочется дернуть стоп-кран, резко подавшись назад, и выкинуть из памяти случайную встречу.

Под пристальным взглядом отца порываюсь из последних сил улыбнуться, замирая на середине столь нелегкого действа. Отвожу глаза в сторону, упираясь взглядом в жениха, явно упражняющегося в своём красноречии пред моими подругами. Натяжно выдыхаю и залпом выпиваю стоящий напротив бокал. Не задумываясь при этом о том, как выгляжу

со стороны. В какой-то момент и вовсе желая стать для всех неприметной.

– С днём рождения, дорогая, – знакомый голос раздаётся поблизости.

По-родственному приобнимает сзади склонившийся надо мной распорядитель отца.

– Спасибо, Павел Давыдович, – роняю тихо.

Отодвинув в сторону неприглядные мысли, пытаюсь вновь стать самой собой. Сбросить гнёт недавней встречи, вернувшись к привычному окружению и людям, милым моему взгляду.

– Поздравляю вдвойне, – произносит открыто. – И тебя, Вов, так сказать, с приобретением сына.

Добродушно пожимает руку отцу, похлопывая его по спине. Натянуто улыбаюсь, прослеживая его грустную мину. Он не настолько спорит с этим браком, позволяя мне выбрать самой. А родители Вани даже не пришли… будто им и вовсе безразличны наши отношения. Отворачиваюсь в досаде, слыша от этого человека, по обыденности говорящего то, что у него на уме, ещё более угнетающее слух:

– Жаль, что Астаховы в длительном отъезде. Объединение ваших семей в данный момент сыграло бы нам на руку.

Недовольно поднимаю на него глаза, пытаясь понять, о чём идёт речь. Рассматривать мою свадьбу в контексте бизнеса настолько пошло, фривольно и дико… Папа бы никогда не позволил считать мою жизнь удачно отмеченным пунк-

том на пути к той или иной высокой цели. А Павел?! Практически родной мне человек, которого помню с раннего детства… Чтоб его! Видит в этом выгоду в обход человеческих чувств. Сплошные нули, индексирующие сумму чека! Да, не спорю, этот веселый, даже милый на вид толстячок невысокого роста бесспорно верен отцу. Он бессменный руководитель, долгое время идущий с ним рука об руку, прекрасно знающий своё дело. Но пускать мою жизнь во благо бизнеса!

– Прекрати о работе, – резко останавливает его папа, поясняя жесткостью взгляда, что тема закрыта. – У меня пока только дочь. Одна.

– Понял, Вов, не дурак, – тушуется, плавно отступая назад, при этом мило обращаясь ко мне. – Ты, Кристин, не стесняйся, если что. Любая правовая поддержка и прочие нюансы. Обращайся. Брак – непростая штука. Тем более в вашем положении… А эти вопросы в фирме лежат на мне.

– Я подумаю, Павел Давыдович, – отвечаю тихо, перехватывая за долю секунды до этого руку отца, желающего вновь пресечь любые разговоры, касающиеся дел.

– Я, пожалуй, пойду, – и исчезает с поля зрения быстрее брошенных в воздух слов.

Поджав губы, смотрю на отца, не скрывающего своего недовольства.

– Папуль, – со всей нежностью в голосе, желая отогреть его сложный взгляд, произношу, глядя в холодный омут его глаз.

– Можно я тоже исчезну пораньше, не дожидаясь финальных титров этого празднества?

– Отчалишь с друзьями? – уточняет бесстрастно.

– Нет, – выдаю подобие улыбки, пряча за ней истинные чувства и желание побыть одной, скинув груз лишних эмоций этого дня. – Поеду домой, если ты не против.

– Конечно, милая, – смягчается, отогревая нотками теплоты, проскальзывающей в голосе. – Я вызову водителя, только вначале мне бы хотелось преподнести тебе наш с мамой подарок.

– С превеликим удовольствием распечатаю его, – смеюсь, искренне и нежно улыбаясь ему.

– Это сделать будет довольно трудно, – ухмыляется, оттаивая до того состояния, которое я столь сильно люблю. Скидывая защитный слой непробиваемости. И вновь становясь знакомым, родным, именно моим столь неповторимым папулей.

Привстаёт, сжимая в своих пальцах мою руку, плавно утягивая за собой, заставляя подняться. Подчиняюсь, звонко смеясь, увлекаемая через полный гостей зал к выходу. Останавливается у дверей, вынимая из кармана серебристый телефон. Смотрю сквозь стекло на залитый огнями двор, украшенный десятками разнообразных цветов. Не вслушиваюсь в разговор, отрешившись от ситуации. Созерцая лишь приятную взгляду картинку.

Оборачиваюсь, слыша звук приближающихся сзади ша-

гов. Тонких каблучков, звенящих в узком пространстве. Приобнимаю маму свободной рукой, плавно выдыхая и погружаясь в атмосферу спокойствия, присущую этим двум людям в момент нахождения вместе.

Выходим на улицу, минуя тех немногочисленных гостей, решивших, как и мы, покинуть на время столь душное пространство. Кто-то медленно курит, спрятавшись за выступом, кто-то ведёт неспешный разговор, вырвавшись из зала в тишину прохладного вечера.

– Закрой глаза, – тихо просит отец, слегка напрягая на моих свои пальцы.

Безропотно подчиняюсь, удерживаемая с двух сторон родными людьми. Слышу звук тормозов, раздающихся буквально в паре метров от нас. Непроизвольно вздрагиваю от повисшей вокруг паузы, различая тихое:

– Открывай, Кристюш. Уже можно.

Большой алый бант – первое, что притягивает взгляд на вершине белоснежного авто. Поджимаю губы, широко улыбаясь. Чувствуя объятия, усилившиеся с двух сторон, и нежное, практически в унисон, сплетение голосов:

– С днём рождения, родная.

Восторженно оглядываю седан, сверкающий в отблеске ярких огней, и буквально одними губами шепчу тихое:

– Спасибо…

Прикрываю освобожденными руками дрожащие губы. Мои слова не способны отразить и доли благодарности, пе-

реполняющей душу. Любуюсь приятной картинкой, замечая на её фоне профиль, который невозможно ни с кем спутать. Господин Баженов шествует статно. Неспешно. Словно выплывая из-за угла хитросплетенного здания.

Подходит практически впритык ко мне, стирая с губ застывшую доселе улыбку, произнося приторно сладко:

– Ещё раз поздравляю, юная леди, – прикладывается губами к моей руке, плавно переводя взгляд на застывшего истуканом отца.

– Спешу откланяться, Владимир Александрович. Был рад приглашению. Понимаете сами, дела, – отпускает мою ладонь, так и застывшую в воздухе, томно произнося, прожигая взглядом насквозь, глядя в глаза, – мой подарок не настолько масштабен, но, думаю, Вы легко найдёте его в груде других, распознав и без наличия карточки.

Напрягаюсь сильнее, ощущая охватывающую всё тело дурноту. Едва ли не пошатываясь, стою, отдавая этому последние силы. Не свожу глаз с удаляющейся фигуры, следующей к дорогому чёрному авто, припаркованному поблизости. Лишь на секунду перевожу внимание на статного блондина в классическом костюме, на короткий миг пересекаясь с его взглядом, выслужливым и надменно ухмыляющимся мне в ответ. Непроизвольно морщусь, наблюдая за тем, как он, продолжая скалиться, распахивает пассажирскую дверь при приближении хозяина.

Отворачиваюсь в сторону, уводя глаза. Ухожу в зал, едва

выдержав отрезок времени, соответствующий допустимым нормам приличия. Стараюсь держаться спокойно. Не выказывая своего рвения вернуться назад. Устремляюсь к куче подарков, сложенных аккуратной стопкой на двух свободных столах. Перебираю цветные коробки, перевязанные аккуратными бантиками. Наскоро просматриваю карточки, подписанные красивым курсивом. Отбрасываю в сторону ненужное, устало потирая глаза. Света недостаточно, моргание ламп бьёт по сетчатке, заставляя периодически жмуриться.

Натыкаюсь на несколько неопознанных коробочек, разительно отличающихся по внешнему виду. Откладываю в сторону громоздкую ярко-розовую, пестрящую своей вульгарностью. Замираю, взирая на две небольшие, не имеющие прикрепленных карточек: золотая, переливающаяся в свете софитов, меняющих в тембр музыки свой цвет и белая, перевязанная алым бантиком.

Открываю поочередно, натяжно хмурясь над увиденным. В первой на мягком бархате лежит подвеска, мерцающая отблесками сотен разноцветных искр, присущих огранке чистейшего бриллианта. Во второй – идентичное по размеру, выполненное то ли в серебре, то ли в белом золоте подобие буквы "Л".

"Легко распознать без наличия карточки!" – пульсирует заезженной фразой в висках. Фыркаю тихо. Какой из них от него? Да и почему, чёрт возьми, это настолько меня волнует? Не могу объяснить. А коленки предательски начинают дро-

жать, словно в предвкушении чего-то плохого.

Вытаскиваю камень, закрепленный на бархатной подушке, замечая на дне вдвое сложенный мягкий листок. Просматриваю, отстраняя от себя по глади стола. Приковывая взгляд к странной букве или символу, не находящему отклика или распознавания в мыслях. Что это? Знак? Иероглиф? Ни с чем не сравнимо… Искаженное написание буквы, словно прототипом его выбраны плоскогубцы. Выкованные из сверкающего металла и обтесанные со всех сторон. Странный и непонятный подарок, нисколько не радующий глаз. Кулон, закрепленный на короткой цепочке аналогичного цвета, навскидку по своей длине едва не обтягивающей шею. Хмурюсь. Больше смахивает на удавку или короткую шлейку. Напрягаюсь, крутя безделушку в руках. Что она значит? Имеет ли вообще вложенный смысл? Кто б подсказал…

Укладываю в коробку, отодвигая в сторонку к груде многочисленных подарков, так и не поняв замысел подарка. Наверное, я не настолько эрудированна, чтоб прочесть послание, вложенное между строк… Быть может, его и нет вовсе, и вся эта гнетущая напряженность лишь плод моей бурно разыгравшейся фантазии?

Вздрагиваю от прикосновения рук, скрепляющихся вокруг моей талии. И медленно выдыхаю, почувствовав знакомый запах.

– Рассматриваешь подарки? – отзывается тихо, задевая губами оголённой кожи на плече.

– Павел Давыдович обещал удивить своим выбором в этом году, – произношу, натягивая на своих губах лучшую из своих улыбок. Пытаясь забыть мандраж, прокатившийся по телу ещё доли секунд назад. Вру не краснея, зная, что он не видит моего взгляда.

– Давай уйдём отсюда, – отвечает, запечатлевая на теле ещё один поцелуй. – Сбежим ото всех и скроемся подальше от лишних глаз.

– Вань, я устала, – сухо отзываюсь, съёживаясь под его прикосновениями. Ощущая холодный озноб каждой клеточкой тела. Отчего-то хочется скинуть с себя его руки, натыкаясь на навязчивые мысли о том, что до меня они могли так же обнимать кого-то другого… Хмурюсь, опуская уголки губ. Как абсолютно незнакомому человеку удалось, чёрт возьми, в одночасье зафиксировать в моём сознании эту мысль, не приходившую ранее? Я была уверена в том, кого выбираю в мужья? Нет! Я ему верила! Его глазам. Не искала подвоха. Не думала о том, с кем он был в те дни, когда мы не вместе… Почему? Ваня не давал повода? Или я просто не хотела их замечать… А этот дьявольский тембр, уверенный и надменный, заставил смотреть на то, чего я вовсе не хочу видеть. И это разъедает меня изнутри…

– Бросаешь меня одного? – разворачивает к себе, недовольно ухмыляясь.

Опускаю взгляд, высвобождаясь из рук.

– Отчего ж одного? В компании близких друзей и по-

друг, – ершусь в ответ, чувствуя нарастающую внутри злость на всю ситуацию в целом. Не хочу его ревновать, а веду себя как истеричка, видящая повод для скандала там, где его нет. Мне надо успокоиться… Надо остыть. Переосмыслить. Подумать. Ухожу в сторону, не слыша тех слов, что он сквозь грохочущие в висках басы музыки бросает мне вслед. Иду к отцу, заботливо вызвавшему водителя, не оборачиваясь к жениху. Чувствуя себя разбитой. Опустошенной. Взволнованной и … будто чего-то ожидающей. Словно это не конец долгого вечера и всех моих неприятностей, а ещё лишь их самое начало.

Глава 2

Со дня моего дня рождения совсем незаметно промелькнула неделя. Жизнь планомерно вернулась к привычному ритму. Дом. Учёба. Театр… Суета, царившая вокруг меня в течение последних недель, рассеялась сама по себе. Устрашающие ожидания неизбежности сгинули, уступив в душе место смирению. От меня не ожидали невозможного и, казалось, вовсе не напрягали излишним вниманием.

Полное затишье… Ваня всё чаще появлялся в доме родителей, принимающих его с долей теплоты и открытости. Я всё больше удивлялась отцу, ведущему себя в эти моменты вполне естественно и свободно. Не сверля, по привычке, рентгеновским взглядом моего избранника, а спокойно беседуя с ним на отвлеченные темы. Мама закармливала Ваню пирожками собственного приготовления и потчевала историями из моего детства, подкрепляя рассказы многочисленными несуразными фото, вгонявшими меня в краску.

И вроде бы всё хорошо. Отчасти хочется сплюнуть через левое плечо, боясь саму себя сглазить… А сердце отчего-то стучит в нервном ритме, предчувствуя, не веря, что буря после затишья стабильности минует, не заставив себя ждать. Всё слишком гладко. Идеально. Не естественно. И от этого хочется взвыть… То ли я слишком мнительна, то ли… не могу поверить в то, что достойна тихого счастья. Или моё

внутреннее состояние зависит от того, что я не чувствую и доли этого радостного отклика в своей душе?

Брожу по бесчисленным магазинам торгового центра, пытаясь скоротать свободное время. Кривлюсь своему отражению в зеркальных витринах. Если хоть немного быть честной с самой собой, просто не желаю раньше положенного возвращаться в эту тихую гавань, напрягающую спокойствием и показным уютом. Словно каждый из трёх близких мне людей пытается ежеминутно выставить напоказ свои лучшие качества, смиренно принимая друг друга и не выражая истинного восприятия, дабы не обидеть или не задеть им меня. Натянуто улыбаюсь им в этот момент, ощущая себя маленьким ребенком, пред которым разыгрывают дешевый спектакль. Сказку, в которой все вокруг счастливы…

Хмурюсь от странности своего восприятия. Я знаю на себе отношения, преобладающие в закулисье, и они отнюдь не схожи с разыгрываемой перед зрителями картинкой. Утопия слишком зыбка, несопоставима с действительностью. Она рушится одним неловким движением или вскользь брошенным словом. Этого ли я жду? Объяснения действий? Выяснения правил непонятой мною игры?

До свадьбы чуть более трех недель. Папа всё чаще заводит разговоры о том, что неплохо бы было остаться жить с ними. Мотивируя тем, что квартира Вани расположена не так близко к месту моей учёбы, да и мне с помощью родителей будет проще срастись со своей новой ролью… Ролью! Именно

так он именует смену моего статуса. И это слово всё больше выводит меня из себя! Впервые за долгое время я не хочу играть на публику. Моя жизнь – не прописанный сценарий к дешевому сериалу! В ней нет заученных диалогов и фальшивых улыбок… Нет. Хотя и искренних не так много… Но я не живу так, как предписано кем-то свыше… Хочется твердить это день ото дня, повторяя избитую фразу самой себе. Только отчего-то уверенности в истине этого заключения во мне не прибавляется. Как и ощущения счастья…

Хожу заторможенная, словно глядя на всё со стороны и абсолютно не чувствуя себя участником происходящего. Мама сетует на предсвадебный мандраж, замечая изменения в моем настроении, хотя, как по мне, я играю свою роль хорошей дочери вполне достоверно. Идеально. Играю. Вместо того чтобы жить и наслаждаться долгожданным моментом. И всё это происходит с того самого дня…

Глупости! Надо брать себя в руки! Никогда бы не подумала, что замужество может настолько изменить образ мыслей, а ведь фактически я ещё свободна… Или дело здесь вовсе не в свадьбе…? Хмыкаю себе под нос, качая головой. Какая дурь только не затмит разум от безделья!

Перед глазами тупик. Не заметив, я прошла весь длинный коридор торгового центра, напичканного десятками разносортных магазинов. Впереди яркая надпись на белом фоне, гласящая вызывающе "Love Forever".

Свадебный салон, притягивающий взгляд красиво обстав-

ленными витринами. Белыми пышными кружевными платьями, затянутыми на темно-красных манекенах, и неброским декором молочных тонов, разбавленным россыпью алых сердец. Улыбаюсь, глядя на манящую красоту. Если это не знак, тогда что же? Глубоко выдыхаю, делая уверенный шаг в приоткрытые прозрачные двери. Прохожу вглубь, цепляя взглядом различные фасоны платьев. Строгие, нежные и кричащие своей броскостью.

– Хотите примерить что-то определенное? – мягким оттенком раздаётся за моей спиной голос.

Рассеянно улыбаюсь, неловко кивая в ответ.

– Можно вот это, – указываю поворотом головы и взмахом ресниц на нежное, тонкое, невесомое кружево, до бедер обтягивающее манекен, а ниже рассыпающееся волнами неброско переливающегося фатина.

– Мой размер… – затихаю, не успев произнести до конца, сбитая с толку едва ли не нежностью в голосе, наполняющей речь консультанта.

– Проходите в примерочную, я всё сейчас Вам принесу.

Застенчиво улыбаясь в ответ, следую в сторону подсвеченного теплыми огнями подиума и ниш, отделенных от общего пространства салона плотной белой драпировкой. Раздеваюсь, критически осматривая своё отражение в зеркале. Поджимаю губы, хмуря брови, не находя отклика предвкушения в пустоте глаз.

Ведь я хотела этой свадьбы? Мечтала о ней… Скепти-

чески фыркаю, взъерошивая непослушные волосы. Почему сейчас эта мысль приходит на ум лишь в прошедшем времени? Правильнее было бы дрожать от скорого приближения столь приятного жизненного момента и думать о настоящем. Утверждать, что именно этого я и хочу..!

Слышу мягкий стук о перегородку. Выдавливаю из себя улыбку, поворачиваясь в сторону милой блондинки, протягивающей мне витиеватую вешалку, на мягких плечиках которой висит платье, похожее на мечту. Невесомое. Сотканное, словно из паутины. Выдыхаю, слегка смыкая ресницы. Покорно принимаю в свои руки драгоценный наряд. Расстёгиваю молнию, которая ползёт вниз настолько легко, "разрезая" надвое материал, словно она смазана маслом. Аккуратно сминаю в руках ткань, надевая податливое кружево. Оно льнёт к телу, ложась по изгибам точно вторая кожа. Нежно. Бархатисто. Приятно.

Поворачиваюсь спиной к широко улыбающемуся консультанту, помогающему застегнуть платье. Тихо приподнимаю уголки губ, ловя отблеск удовлетворения в своём отражении. Любуюсь, плавно поворачиваясь к зеркалу боком.

Это… всё та же я, что и пару минут назад. Только… в глазах появилась некая поволока таинственности, утонченности… обольщения.

Сглатываю, собираясь с мыслями, едва не шепча, медленно произношу:

– Оно…

– Идеально, – с улыбкой завершает блондинка.

– Вы правы, – довольно смеюсь, одобрительно кивая в ответ. Сердце восторженно отбивает ускоренный ритм, а мне в этот момент хочется обнять весь мир, поделившись хоть толикой этого магического момента. Неужели мне удалось урвать хоть немного того настроения, в котором должна пребывать поистине счастливая женщина?

– Пройдите в зал: там больше света и зеркала отражают все достоинства этого платья.

Послушно шагаю вперёд, осекаемая глухим звонком мобильного, доносящегося из сумки.

– Извините, – произношу, смутившись, ища на дне вибрирующий аппарат, ускользающий из дрожащих, непослушных пальцев. Хмурюсь, взирая на неизвестный номер. Плавно нажимаю ответ, медленно прикладывая телефон к уху.

– Кристина Владимировна, – уточняет озорной голос, имеющий настораживающий нахальный оттенок. – Не могли бы Вы подсказать, где находитесь в данный момент?

– Я.... – напрягаюсь, пытаясь вспомнить, кому принадлежит столь слащавый тон. Никто из знакомых не стыкуется с образом, что вырисовывается перед глазами в представлении оппонента.

– Перед кем, скажите на милость, я обязана отсчитываться? – заявляю не менее дерзко.

– Хм… – выдаёт тихий смешок, не скрываемый шумным дыханием, доносящимся из трубки. – Позвольте предста-

виться, Левицкий Кирилл Леонидович, – важно проговаривает каждое слово, не меняя издевательский тон.

– Я Вас не знаю, – буркаю в ответ, занося палец в желании нажать отбой.

– Да и я тебя не особо, – одергивает нагло. – Говори, куда ехать. Мне велено передать тебе небольшой презент.

– От кого? – настороженно уточняю, гадая, стоит ли говорить незнакомцу адрес или всё же прервать разговор?

– Не приеду – не узнаешь, – саркастически вторит в ответ.

Молча злюсь, борясь с самой собой. Какого чёрта он мне "тыкает"? Да кто это вообще такой? И что за странные подарки от неизвестных людей? А может…? Нет. Ваня не привлекает людей со стороны в желании сделать какой-то сюрприз. И… он уверен, что до позднего вечера я занята.

– Кристина… – заминается на полуслове, точно нехотя произнося, – Владимировна… моё время довольно дорого стоит и терять его на глупые уговоры мне не с руки.

– Планерная, – отвечаю, непроизвольно напрягаясь. – Я в торговом центре на втором этаже.

Отключается, едва бесстрастно произнеся:

– Буду через десять минут. Я совсем рядом.

Обречённо поджав губы, смотрю на своё отражение в зеркале, подзывая тактично отошедшую в момент разговора девушку-консультанта.

– Помогите, пожалуйста, мне его снять, – потеряв былой задор, обвожу усталым взмахом руки столь приятно сидящее

на теле платье.

– С ним что-то не так? – грустно уточняет, убирая улыбку с губ.

– Нет, – приободряю с толикой ласки в ответ. – Платье бесподобно… – усмехаюсь, опуская в пол пустые глаза, тихо завершая, – это со мной что-то не то…

Не успеваю переодеться назад в свои вещи, настигаемая новым звонком. Нажимаю кнопку, слыша в ответ менее елейный тембр, словно тому, кто скрывается по ту сторону аппарата, надоело быть "милым" и деликатным. В голос проникает более естественная, жесткая, деловая манера общения. Без очередного приветствия слышу строгое, словно команда:

– Уточни, в какую сторону мне идти.

– Прямо, до упора, – проговариваю быстро, рывком натягивая на бедра узкие джинсы.

– Свадебный салон, – фыркает в голос, – мог бы и сам догадаться.

Недовольно откидываю в сторону телефон, пытаясь, как можно быстрее накинуть на плечи рубашку и застегнуть бессчётное количество мелких пуговиц. Кривлюсь, не попадая пальцами в петли. Угораздило же меня выбрать сегодня столь неудобный наряд!

– Чем я могу вам помочь?

Слышу совсем близко ставший медовым голос блондинки, старательно обхаживающей нового клиента.

– В другое б время, в другом месте, красавица, очень бы помогла… – сладко протягивает ставший уже знакомым голос. Повышаясь на несколько тонов выше, произносит насмешливо, – милая, ты здесь?

Резко одергиваю занавес кабинки, раздраженно вылетая в зал. Стопорюсь, едва не отступая назад, натыкаясь взглядом на лукаво прищуренные глаза.

Да что происходит вокруг? Какого чёрта он здесь забыл? Зрительная память меня не подводит, и узнать его из толпы, всего лишь раз пересекаясь до этого, я б смогла в два счета! Только что он здесь делает? Из всех, кого я могла представить обладателем этого голоса в трубке, ни за чтоб не подумала на него! Даже мысли не промелькнуло! Нас ничто не связывает. И никто! Так было бы вернее сказать… С какой стати этому холеному блондину в классическом костюме, выглядящему словно подарок, обернутый в красивую упаковку, меня искать? Что я натворила для этого, чёрт возьми…? Про какой презент он мне говорил? Пусть отправит обратно! Не обижусь, если сопроводит возврат не вполне цензурными фразами..! Я только недавно смогла избавиться от навязчивых мыслей, касаемых встречи с его начальником, как он, словно выпрыгнувший чёрт из старой табакерки, решил напомнить о себе вновь! Возвратить меня к тому моменту, когда он, точно демон-искуситель, спокойно нашептывал мне простые слова, отдающиеся эхом в сознании. Покрывая тело дрожью, от которой вставали дыбом мельчай-

шие волоски.

Все эти дни я слишком старательно пыталась не думать о его фразах… о том, имеют ли они истинный смысл, подкрепление фактами… Старалась. Тщетно… И сейчас меня вновь кидают в этот капкан. Тень его присутствия рядом вырывает из реальности. Кружит вокруг вихрем эмоций, от которого так и хочется оградиться, плотно скрепив ресницы и захлопнув распахнутую настежь дверь.

Блондин подходит ближе, оставляя в стороне растерянно и напыщенно взирающую на меня девушку-консультанта. Томно произнося:

– Родная, ты испытываешь моё терпение.

Протягивает руку вперёд, явно намереваясь соединить со своей мою. Одергиваю ладонь, пряча её за спиной и медленно, не произнося ни звука, чувствуя себя арестантом, прохожу мимо него к выходу. Останавливаюсь через десятки метров у лавочки, стоящей в центре широкого коридора, заполненного занятыми собой людьми. Закричи я сейчас – мало кто отзовется, услышит… Господи, что за блажь лезет в голову… Не станет же он делать со мной что-то плохое?! А страх медленно по телу лезет всё выше, сковывая непослушные ноги и стискивая горло, заставляя тем самым часто, коротко дышать.

Не оборачиваясь, сажусь на край скамейки, всё это время, чувствуя, как идущий позади своим взглядом выжигает дыру в моём затылке.

– Чем обязана Вашим визитом? – уточняю, стараясь бесстрастно смотреть в глаза собеседника, присаживающегося напротив. Пытаюсь держать под замком эмоции, готовые вылиться через край.

Мандраж, пронизывающий тело, достиг своего апогея, и руки, спрятанные между колен, ощутимо предательски дрожат.

Откровенно усмехаясь, смотрит в глаза, надламливая во мне иллюзорно—крепкую стену, которой я от него так хочу оградиться. Медленно выдыхаю, пытаясь сохранить показное спокойствие. Тихо замираю, ожидая ответа.

Сверлит взглядом, точно испытывая меня на прочность. Молча рассматривает, ощутимо скользя по контурам моего тела, словно снимает размеры или делает детальный набросок. Не выдаёт и доли эмоций отсутствием мимики и мимолетных жестов.

Если это составляющая его работы, включающая моральное подавление, она выполнено великолепно!

На секунду крепко сжав пальцы, сбросив шлейф напряжения, витающий вокруг нас, медленно водружаю на лице хрупкую маску неуязвимости, растягивая на губах одну из своих лучших улыбок. Хочется верить, что в данный момент он не находит в ней фальши. Играть всегда надо честно. Уверяя себя в том, что в этот миг ты живёшь.

– У меня для тебя презент, – заносит руку за пазуху пиджака, выуживая небольшую по своему объему, плотную бе-

лую папку, перевязанную алой лентой. Плавно протягивает мне, приковывая взгляд к своей руке, держащей толстый конверт.

– Можешь считать это щедрым предсвадебным подарком, – издевательской интонацией наполняет каждое слово, отдающееся дробью в висках. – Понятия не имею, к чему Всеволоду этот излишний геморрой, но… – ухмыляется широко, приоткрывая свой блестящий оскал. – Возможно, это жест доброй воли… Как знать. Для каждого шага есть свои причины.

Кладёт папку на мои колени, так и не дождавшись момента, когда я протяну в ответ руку, чтобы её забрать. Не произнося более и звука, встаёт и вальяжно удаляется в сторону эскалатора, ведущего на первый этаж.

Лишь оставшись одна среди бесчисленного скопления безразличных людей, громко сглатываю, орошая пересохшее от напряжения горло. Дрожащими пальцами развязываю плотный, неподатливый узел. Приоткрываю верх туго набитого картона, находя внутри стопку фотографий, пестрящих яркими корешками. Вытаскиваю одну, закусывая губы до пронзающей боли, обездвиживающей конечности. Через секунду неконтролируемо роняя её из рук. Рассыпаю всю стопку по гладкой поверхности лавочки, вытирая тыльной стороной ладони сбегающие по щекам слёзы.

Дрожу, словно осиновый листок на ветру, ощущая на коже плотный слой грязи, в которую щедро меня окунули. Внут-

ри словно нарастает огненный ком, вырывающийся на поверхность обжигающим жаром. Пустотой, затмевающей глаза. Выжигающей все эмоции, когда-то хранившиеся на их дне.

Мельчайшее предательство это сильная боль. Его можно простить, но трудно забыть. Предательство близких людей – это алая лента, удавкой повязанная на шее. Красивая, словно праздничный бант, и острая, словно бритва… Родные люди бьют больнее всего… и как бы ты ни старался это забыть, выкинуть из памяти, найти оправдания… боль проходит, но в месте с ней отмирает и часть тебя. Та, в которой поблекли цветные мечты. Та, в которой царила любовь и доверие, как атрибут обыденности…

По щекам текут слёзы. На смену опустошению приходит дикая злость. Вакуум необходимо чем-то заполнить, а, как известно, от любви до ненависти порой один шаг. Главное – не ошибиться, в каком направлении его делать…

Набираю последний номер, оставшийся в вызовах телефона, слыша в ответ недовольное, точно бурчанье:

– Да.

– Продиктуй мне номер этого сукина сына, – выпаливаю яростно, не узнавая собственного голоса в данный момент.

– Извини, красавица, такого распоряжения я не получал, – процеживает насмешливо, явно распаляя улыбку на тонких губах от чувства собственного превосходства пред мной. – Будь уверена, благодарность я передам. И, пожалуйста, не

тревожь меня боле звонками. Мне и так пришлось потратить слишком много времени на то, чтоб кропотливо собрать для тебя эту стопку.

Отчаянно хочу наорать на него, отчасти понимая, что это сыграет лишь против меня и, уже слыша повисшее молчание в трубке, говорящее само за себя тем, что с выплеском эмоций я слегка опоздала.

Комкая фотографии, скидываю их россыпью в сумку, особо не переживая о том, что некоторое количество снимков разлетелось вокруг лавки или же осталось лежать на ней. Буквально срываюсь с места, нажимая клавишу быстрого набора на аппарате. Сбегаю по эскалатору вниз, направляясь к выходу, ведущему к парковке, слыша в трубке бесконечно длинные, однотонные гудки.

Ставлю автонабор, как только женский голос повторяет, что данный абонент сейчас не способен ответить… Усмехаюсь про себя, нервно взъерошивая волосы и растирая слой туши на мокрых глазах. Как же хочется выплеснуть свою злость, сорвавшись на первом встречном прохожем, случайно оказавшемся на моём пути! Вылить всё! Без остатка! Избавиться от боли, вырвав из груди бешено стучащее сердце. Оголить кровоточащую душу, в которую не только плюнули, но и бессовестно прошлись, не сняв острые шпильки.

Хочется пасть ниц. Прямо здесь. На брусчатке. Миновав стеклянные двери. Вырвавшись на воздух, упасть на колени. Закрыть лицо руками и громко, в голос рассмеяться. Это

не может быть правдой! А если и так… Какого чёрта мне её знать? Кому от этого станет… легче… лучше? Ни одно слово не стыкуется с тем, что разъедает меня изнутри. В такой правде нет пользы! Она убивает… Точно добродетель в роли одного из всадников апокалипсиса. "Жест доброй воли…" вроде так высказался посланник. Тривиально. Обыденно. Непоколебимо… Выстрел в упор. Разбив на осколки иллюзии. Оставив в живых. Глубоко ранив. Отбирав желание жить.

Глава 3

Сажусь в машину, громко хлопая дверью, в тот момент, когда абонент, которому я пыталась дозвониться последние десять минут, произносит скупое, будто сонное:

– Да, любимая.

Натягиваюсь струной, впиваясь в руль свободной рукой. Глубоко дышу, отстраняя аппарат в сторону, не желая выставлять напоказ свои чувства.

– Мне необходимо тебя увидеть, – на выдохе роняю тихо, фокусируя взгляд в одной точке на поверхности лобового стекла. Не вижу ничего перед собой, пребывая глубоко в своих мыслях.

Выжидает долгую паузу, словно думая, что мне лучше сказать.

– Я приеду через пару часов, – выдаёт более мягко, с тоном лёгкой загадочности, пронизывающей голос. Усмехаюсь про себя, зажмуриваясь до боли. Как же я хочу знать, что или кого видят сейчас пред собой его глаза! Кого они ласкают взглядом, когда он нехотя разговаривает со мной? Хочу видеть, как блещет рядом с другими… другой, его манящая улыбка. Хочу… Стереть её с губ одним резким взмахом руки, заставив почувствовать хоть малейшую толику того, что испытываю я, зная об этом.

– Мне необходимо увидеть тебя сейчас, – проговариваю

уверенно, убирая из голоса оттенки эмоций.

– Не получиться, Крис, – протягивает, точно параллельно решая в уме одну из сложных задач. – Заеду, как освобожусь.

Выдыхаю, смеясь:

– Кем же ты настолько занят?

Смотрю в зеркало заднего вида, ловя в нём своё испуганное отражение. Неужели я это сказала? Не дрогнув голосом? Не выдав и доли эмоций… Задала вопрос. Надменно. Спокойно. Не испытывая ничего, кроме брезгливости в данный момент…

– Прекрати нести чушь, – обрывает мгновенно, – сама на себя не похожа, – бурчит в трубку, распаляя мой смех ещё больше вылетающей резкой фразой, сказанной сниженным до шепота голосом, словно не желая быть кем-то услышанным, – Ты что, пьяна?

– Если только от любви, а ты не желаешь этим воспользоваться.

Громко выдыхает, оглушая дыханием, доносящимся из трубки. Поджимаю губы, стирая неестественно веселое выражение с застывшего камнем лица.

– Где ты? – уточняет бесстрастно.

– В трёх кварталах от твоего дома, – проговариваю спокойно, плавно заводя мотор. Он явно слышит звук, наполняющий салон. Осознает, что я не отступлю в своём глупом стремлении увидеть его именно сейчас. Правда, не догадывается о том, что меня мотивирует.

– Приезжай, я позвоню на охрану.

Сделай милость, дорогой. Про себя усмехаюсь устало. Интересно, скольких его протеже лицезреют бессменные стражи? Широко улыбаясь при встрече мне, называя по имени и желая при этом доброго дня. Господи! Сколько же фальши летает в воздухе, а я… Упрямо отвожу взгляд, не желая её замечать.

Отключаюсь, не желая дискутировать далее. Не дав возможности ему передумать. Вдавливаю газ в пол, ловко выезжая с парковки. Машина взрывает гулом оживленную улицу, уходя в небольшой занос перед поворотом на главную дорогу. Крепко сжимаю руль, лишь усиливая нажатие педали газа. Быстро перестраиваюсь в потоке машин, обгоняя неторопливых водителей. Управляя автомобилем, я всегда чувствую себя более уверенной, словно ощущая некую защиту. Будто этот металлический корпус способен меня от всего оградить. Сливаюсь с его обтекаемой формой, разрезая пространство. В этой уверенности и легкости лежит неотъемлемая заслуга отца. Именно он, усадив меня за руль в пятнадцать, научил чувствовать машину и не бояться скорости. Вселил ощущение спокойствия и уверенности в мельчайшем действии, находясь за рулём. Научил отрешаться, не перебирая при этом в голове лишних проблем. Вождение стало для меня медитацией, изгоняющей лишние мысли, оставляющей наедине с дорогой, которая не требует ничего невозможного. Живёт своей жизнью, на которую я вполне могу повлиять.

Управлять ею, чувствуя свою мнимую силу.

Еду не меньше сотни по широкой улице, подчиняясь правилам, обходя препятствия, слегка подгоняя зазевавшихся водителей, отступающих вправо. Слёзы давно пересохли, хотя и прошло всего с десяток минут с того момента, когда, казалось, поток эмоций был готов меня поглотить. Мысли разлетелись, как птицы, не оставив и следа своего присутствия в наполняющей меня пустоте. Иллюзорная утопия. Моральный вакуум. Ограждение от себя. От реальности в целом. Безмолвие… Момент, который исчерпал сам себя, затратив лимит нерастраченных чувств. Впереди есть только дорога. Контрольная точка, которая становится ближе, и это вызывает гримасу отторжения на застывшем лице. За поворотом необходимо остановиться. Выбраться из кокона ограждения. Пережить этот момент, не сломавшись. Достойно. Не имея возможности после что-либо переписать. Отыграть вспять. В подобной ситуации остаётся лишь сетовать на отсутствие грамотного суфлёра, напоминающего в нужный момент фразы, которые необходимо сказать. Обидно, что в жизни его никогда нет рядом. Это её главная недоработка в отличие от игры. Каждый сам за себя. Никакой помощи со стороны. Полная свобода действий. Сущая импровизация…

Подъезжаю к шлагбауму, снижая скорость до нуля. Плавно приоткрываю окно, нажимая кнопку звонка. За спиной кипит жизнь, а в пределах этого комплекса словно нажата пауза. Полная тишина. Обособленность от окружающего ми-

ра. Все условия для спокойной и удобной жизни непростых смертных.

Усмехаюсь своему отражению в зеркале, поправляя салфеткой макияж, лишь выделяющий своим наличием красноту заплаканных глаз. "Что я здесь делаю? " – доносится в мыслях.

– Добрый вечер, Кристина Владимировна, – с широкой улыбкой на губах произносит охранник. – Проезжайте, пожалуйста.

Безмолвно смотрю ему в глаза, желая просканировать скрытую в них информацию. Он не ответит на мои вопросы, даже заданные с пристрастием. Но… в силу своей специфики, этот человек просто обязан всё знать. Только мне не откроют тайны, скрытые за печатью устава. Это его работа. Знать всё обо всех и молчать. Не выносить за пределы ограждения и толики информации о жильцах. А ведь каким-то образом моему новому знакомому удалось беспрепятственно проникнуть сюда. Пара фотографий сняты на территории и даже в квартире моего жениха.

Усмехаюсь разыгравшейся фантазии. В мире сильных и властных мужчин не существует правил. Всему есть своя цена. Понять бы ещё, для чего столь утруждаться, затрачивая своё бесценное время на сбор компромата. Только для того, чтобы ткнуть меня в него носом, доказав, что я не права? Потешить своё самолюбие? Ни за что не поверю, что в жизни господина Баженова нет более интересных проектов,

чем вынос грязи из жизни отдельно взятых индивидуумов на всеобщее обозрение! Он ценит своё время и мог бы потратить его на что-то более целенаправленно, не вкладывая деньги в нерентабельность.

Или это одно из развлечений богатых мужчин? Решил прижать меня к стенке, и прослеживать логику в этом жесте абсолютно бессмысленно?! Ткнуть носом в то, что я не прислушалась к его словам? Да пошёл он к чёрту! Не слишком ли много я думаю о человеке, который вовсе этого не достоин? Отец действительно прав. Баженов, и правда, чем-то похож на акулу. Бесчувственную, идущую на запах свежей крови не из желания утолить голод, а лишь из подчинения своим диким инстинктам. Ради удовлетворения своего самолюбия. Только я его Всеволоду не доставлю! Не собираюсь играть роль глупой пешки в чужой игре! А так как действовать на равных с ним не способна, остаётся игнорировать любое присутствие великого и всемогущего в своей жизни!

Чёрт… Закусываю губы до боли, издавая при этом яростный стон. Почему в данный момент его действия меня настолько волнуют? Как сопротивляться тому, что этот человек вызывает такой шквал спорных, неконтролируемых эмоций? Он, а не жених, предательство которого мне принесли в подарок на золотом блюдечке… Подарили на свадьбу… Чёрт её подери!

Отвлекаюсь от одной точки пред собой, в которую всё это время неосознанно смотрю. Поворачиваюсь в сторону

охранника, так и стоящего сбоку машины. Перевожу другое положение на коробке передач, не снимая ноги с педали тормоза. Смутно понимая, что делаю в данный момент. Зачем еду на вытребованную встречу к непутевому жениху? Где-то недавно наткнулась на статью, будто учёные доказали, что душевная боль длится всего двенадцать минут. Остальное зависит от самовнушения… Жалости к себе. А боль уходит… Так неужели моя так быстро себя исчерпала? Оставив после себя… Не могу сформулировать толком… Смятение? Хмыкаю в голос, наверняка напрягая неадекватным поведением скучающего рядом охранника.

Облегчение… Приходит первым на ум, заставляя ещё больше нахмуриться. Со мной явно что-то не так… Разве это нормальная реакция, когда тебя ошарашивают известием об изменах любимого человека? Причем с теми девушками, которые были вхожи в мой круг доверия… Нет… это безумие… невозможно поверить и принять эту мысль…

– Кристина Владимировна, проезжайте, пожалуйста, – бессовестно прерывает размышления охранник, стиснувший губы в улыбке.

– Астахов постоянно таскает сюда баб, да? – уточняю бесстрастно, не замечая и малейшего изменения в выражении лица оппонента при озвученном вопросе.

Улыбаюсь, смотря ему прямо в глаза. Отличная выдержка! Интересно, где их так тренируют? Словно разведчик на допросе с пристрастием, не повел и бровью, не то чтоб вы-

дать и тени эмоций. Боится потерять пригретое место? Да нет. Знает инструкции.

– Не понимаю, о чём Вы, – произносит спокойно.

– Конечно, – хмыкаю, распаляя на губах ещё шире одну из коронных улыбок. В сочетании с краснотой заплаканных глаз выражение моего лица должно выглядеть устрашающе. А ему хоть бы что. Салютует в ответ, провожая жестом руки в момент, когда я с ревом мотора срываюсь с места. Паркуюсь напротив подъезда, не выжидая более времени, сразу же выходя из машины. Подхватываю сумку с переднего сидения, с чувством отвращения сжимая её в руках. Вбегаю в дверь, следуя к лифту, задерживая в уме лишь одну мысль "только бы не развернуться…".

Створки закрываются, разделяя надвое пространство. Отсекая железным занавесом от попытки к бегству. Плотно зажмуриваю глаза, выжидая заветной остановки. Тихий сигнал, гласящий о прибытии на нужный этаж. Выдыхаю, распахивая ресницы. Делаю шаг вперед, замечая улыбающегося мне Ваню, облокотившегося на дверной косяк. За спиной закрываются железные створки, и некуда больше бежать… Иду вперед на распахнутые в знак приветствия объятия. Отвлекаюсь от них, смотря прямо в глаза. Его – наполнены довольствием… от того, что я здесь или… той, что была до меня? Хочется с порога врезать пощечину, сбив с него спесь…! А в итоге я лишь иду, немного пошатываясь, попадая в теплые, смыкающиеся вокруг меня руки. Прижимаюсь своей к

его щеке, уходя в сторону от горячих губ. Молчу, ощутимо дрожа.

– Что случилось, малыш? – ласкает мягкостью тембра голоса, нежно поглаживая ладонью по волосам.

– Ничего особенного, – практически шепотом произношу в ответ. – Пойдём внутрь, у меня для тебя кое-что есть.

– И что же? – уточняет, отстраняясь, заинтересовано вскинув бровь.

– Я… – отвечаю хрипло, без тени эмоций смотря в эти бездонные глаза.

Накрывает губы горячим поцелуем, не отстраняясь, увлекая вглубь квартиры, оглушительно захлопывая за спиной тяжелую дверь. Подчиняюсь, устало закрывая глаза, погружая сознание в полную темноту, соответствующую той пустоте, что успела захватить меня изнутри. Отвечаю на его ласку, несмело переплетаясь с ним языком. Повторяю медленные шаги, упираясь ладонями в тяжело вздымающуюся грудь. Ощущая горячее дыхание, опаляющее и иссушающее горло. Его руки, проникающие под неподатливый материал плотно облегающей тело рубашки. Ткань начинает трещать, отдаваясь едва ли не эхом в полупустой студии. Приоткрываю глаза, замечая его озорной взгляд, направленный на меня. Не отрываясь от замедлившегося на мгновение поцелуя, перемещает руки на бесконечные пуговицы, путаясь пальцами в мелких петлях. Втягивая от нетерпения мою нижнюю губу в себя. Глаза приобретают темный оттенок. Природная

синева меркнет в свете расширенных зрачков. Не сдерживаю тихого стона, вызванного болевыми ощущениями, пронизывающими опухшие губы. Зажмуриваю глаза, опуская руки по швам, громко роняя на пол возле широкой кровати сползшую с предплечья сумку. Не оборачиваясь, не делая и попытки остановить его действия, отступить, всё так же медленно продвигаюсь вперед, упираясь своими в его колени. Отрывается от губ, скользя руками ниже по телу, справившись не более чем с половиной бесчисленных пуговиц. Распахиваю ресницы, слыша звук пружин на примятой постели. Опускаю глаза вниз, закусив губы, смотря на сидящего на краю жениха, ловко расстегивающего на мне ремень джинсов. Быстро справившись с застежкой, лукаво глядя на меня, притягивает к себе, охрипшим голосом, ожесточенным сбитым дыханием, резко произнося:

– Иди сюда.

Не успевая ответить, оказываюсь у него на коленях. Быстро выдыхаю, отчасти испугавшись столь сильного напора. Пытаюсь улыбнуться, плавно стягивая с его торса футболку. Опустив взгляд вниз, едва ощутимыми касаниями подушечек пальцев поглаживаю оголённую кожу, наверняка краснея и, отчасти от этого тоже, не смея поднять вверх глаза.

– Крис… – грузно выдыхает, опуская распахнутый ворот рубашки вниз по плечам, оголяя кружевное белье нежно белого цвета. Непорочного. Уворачиваю голову в сторону, усмехаясь и зажимая губы до боли. Как это я столь удач-

но подгадала? Звезды просто благоволят выставляя подходящие декорации.

– Ты сведёшь меня с ума… – шепчет с надрывом, проникающим в голос, впиваясь губами в мою шею, и жадно с ощутимым нажатием, следуя вниз к груди.

Отстраняюсь насколько возможно назад, прикладывая указательный палец к его приоткрытому рту. Наклоняюсь к нему, едва не касаясь уха языком, увлажняющим переросшие губы, тихо шепчу:

– Я должна быть уверена в тебе, Вань…

Ловко скидывает с себя, укладывая на лопатки, занимая позицию победителя, одним движением достает из ящика прикроватной тумбочки яркий пакетик с презервативом. Сглатываю, ощущая рядом с лицом приторный запах от разрыва пропитанной внутри упаковки.

– Все твои страхи беспочвенны, когда же ты глупенькая это поймешь… – проговаривает быстро, щелкая пряжкой своего ремня. Бросаю беглый взгляд в сторону тумбочки, замечая на дне ящика не менее десятка разных по цвету пакетиков. Кривясь, прослеживает, констатируя сухо:

– Со дня на день ты переедешь, я решил подготовиться.

Насколько это возможно из столь неудобной позы, киваю в ответ, касаясь пальцами его лица. Смотря в невидящие, пылающие глаза. Тихо произнося:

– Я должна быть уверена, что ты никогда не доставишь мне боли…

– Никогда, – вторит хрипло, перенося вес тела на колени, приспускает джинсы, уводя зрительный контакт. А я всё также смотрю ему в глаза, томно произнося:

– Никогда не обманешь меня… – замирает, склонившись над молнией моих брюк, устремляя на меня стальной взгляд. Резко дергая собачку вниз, заставляет от неожиданности быстроты действий приоткрыть в безмолвном вопросе пересохшие губы. Ухмыляется, удовлетворенный реакцией организма, растягивая улыбку на красивых губах.

– Ты сказала мне да, а это значит всей этой ерунде вовсе не место в твоей чудной головке.

Берется двумя руками за линию пояса брюк, намереваясь беспрепятственно стянуть их вниз. Замирая губами на коже в районе живота, едва услышав мои слова:

– Ванюш… Мне не нравится этот запах. У меня есть средство получше. В сумке, – плавно выдыхаю, ощущая легкий холодок, пробегающий по оголенным участкам кожи, оставшись без его тепла. Молча привстает с кровати, усаживаясь на самом краю, бросая через плечо мне недовольное: – Можно было бы и без резинки, но раз ты подготовилась…

Слышу лязг молнии и монотонный шелест страниц. Привстаю с кровати, застегивая джинсы на пряжку, а рубашку на несколько далеко расположенных пуговиц. Обхожу истуканом сидящего Ваню, плавно нагибаясь и забирая у его ног одиноко стоящую сумку. На белоснежном ковре, словно яркие брызги, разлетаются чёткие снимки, яростно отшвыри-

ваемые в стороны из рук жениха.

– Что это такое? – цедит сквозь зубы, кидая мне в спину, выжигающий дыру взгляд.

– Лучшее в мире средство контрацепции, – бросаю через плечо, с тихой улыбкой на губах плавно поворачиваясь навстречу его глазам. Замираю на секунды перед тем, как уйти, брезгливо морщась и абсолютно бесстрастно замечая:

– Объясни моему отцу сам причину срыва нашей свадьбы. Поведи себя хоть раз по-мужски.

Обуваюсь, бесшумно прикрывая за собой дверь. Зная, что он не станет меня останавливать. Разглагольствовать, что это фотомонтаж… Все ответы отчётливо читались в его глазах. Как ни странно. Потому что я была готова их там увидеть.

Взъерошиваю волосы, оказавшись в шахте просторного лифта. Поправляю рубашку, приводя себя в более привлекательный вид. Открываю подъездную дверь, зажмуриваясь от ярко палящего весеннего солнца. Улыбаюсь, впервые за долгое время, не думая ни о чём наперед. Не задаваясь вопросом, чем обязана той или иной эмоции. Просто щурюсь от солнца, желая подставить под его лучи свои полуприкрытые, опухшие от слёз веки и губы, несмотря ни на что продолжающие неконтролируемо улыбаться… И отчего-то хочется сказать всему миру "спасибо"…

Хмурю лоб при звуке рингтона смс, доносящегося из сумки. Похоже, Ваня обрел способность напечатать хотя бы пару слов в своё оправдание. Открываю, считывая в строке от-

правителя ни разу не встречавшийся номер и всего одно слово в графе текста:

"Пожалуйста".

Заношу палец на кнопку звонка, едва не подскакивая на месте, слыша в ответ твёрдый голос буквально в начале первого длинного гудка.

– Да, – произносит надменно.

– Я не благодарила Вас за вмешательство в мою жизнь, – отчеканиваю сталью, меняющей привычный тембр голоса.

– Твоя улыбка на губах, сияющая пару минут назад, говорит об обратном, – бросает насмешливо.

– Где Вы? – тревожно осматриваюсь по сторонам, цепляя взглядом с десяток пустых припаркованных рядом машин.

– Везде и всюду, – так же издевательски произносит в ответ.

– Считаете себя всемогущим? Навязываете правила игры, которым все должны подчиняться? – выпаливаю резко, слыша в трубке нескрываемый тихий смешок. Распаляюсь сильнее, подпитывая возрастающей в груди злостью показное бесстрашие. Парирую яростно, оглядываясь по сторонам:

– А на то, чтобы высказать мне всё с глазу на глаз смелости не хватило? – поджимаю губы, слыша в ответ угнетающую тишину. По коже пробегает лёгкий озноб, изнутри обжигая жаром кипящих эмоций. Физически ощущаю его взгляд, готовый распластать меня по подъездной двери, находящей-

ся позади. Чувствую, что, провоцируя его, я играю с огнём. Тщетно пытаюсь скрыть страх, сковывающий стальными цепями. Что я скажу ему, если он через пару мгновений появится здесь? Начну хватать ртом воздух в попытке успокоить выпрыгивающее из груди сердце.

– Уверена, что способна спокойно со мной говорить? – словно читая мои мысли, уточняет бесстрастно, точно эта идея до безобразия глупа и нелепа.

Стою, поджимая до боли губы. Не желаю вдаваться в дискуссию по этому поводу и всё же… отчего-то продолжаю волнующий разговор. Излишняя самоуверенность, наполняющая его голос, вызывает желание нажать кнопку "отбой". Недосказанность и плещущееся внутри любопытство заставляют остановить палец всего в миллиметре от клавиши. Мне отчаянно хочется услышать ответ хотя бы на один из мучительно важных вопросов… Игра же должна стоить свеч!? Иначе в ней попросту отсутствует смысл, и начинать её, не говоря уже о продолжении, совершенно абсурдно… Какую же цель он преследует, ловко раскидывая свои сети? Даже если я и рискну спросить в лоб, сомневаюсь, что мне честно ответят…

– С чего ты взяла, будто я тебе что-то навязываю? – продолжает спокойно, не делая пауз в своём монологе, в которые я могла бы вставить протест. Слушаю дальше, собираясь с мыслями, как поставить на место этого эгоцентриста, считающего, что способен весь мир приспособить именно под

себя.

– В жизни всегда есть выбор. Правильный или не очень. С какого угла посмотреть.

Усмехаюсь, уже особо не пряча эмоций. Если он действительно наблюдает за мной, находясь где-то поблизости, отчего бы не порадовать благодарного зрителя блестяще отыграв ответную реакцию, которую он хочет увидеть? Заслужил, сделав "доброе дело".

"Всегда есть выбор" – пульсирует в висках, отдаваясь в сознании твердостью уверенного голоса… Тот, что угоден ему, и ошибочный. Так сказать было бы честно. А если кто-то идёт наперекор, его всегда можно купить! Или надавить посильнее на больные точки, заставив поступить так, как желает хозяин жизни. Отчаянно хочется верить, что со мной в этом плане господин Баженов просчитался!

Широко растягиваю блистательную улыбку, смотря вглубь двора. Радость и довольствие жизнью играть проще всего. Тем более не глядя в глаза. С дальнего расстояния не заметна наполняющая взгляд пустота. Мимика – её можно подавить, скрыть, купировать в самом зачатке. Спрятать за спиной дрожащие руки. Обмануться самой, поверив своей улыбке. Выплеску эндорфинов в кровь, сопровождаемому простой жест. Уверить окружающих в своём счастье. Истинном. И пусть в дальнем уголке души скребут кошки. Этого никто не узнает. Подсознание сыграет свою роль, скрыв занавесом непробиваемости тяготящие мысли. Играть счастье

– просто. Обмануть окружающих открытой улыбкой – легко. Не выдать фальшь взглядом – мастерство.

– Тебе понравился мой подарок? – произносит с такой интонацией, что знак вопроса я бы откинула в сторону.

Опускаю взгляд вниз, пропуская очередное невежество. С какой стати он смеет мне "тыкать"? Что за неуважение переходить на личности с человеком, который тебе этого не позволял? Привычка демонстрировать своё превосходство? Открываю сумку, удерживая телефон прижатым к предплечью. Пора заканчивать этот спектакль, пока я ещё способна хоть как-то контролировать свои эмоции и не обрадовала оппонента длительным монологом, включающим в себя не совсем лестные выражения, которые приходят на ум при его, мягко сказать, странных появлениях рядом.

Достаю ключи, направляясь к машине, бросая будто между делом:

– Не смогла по достоинству оценить ни одного из них. У Вас слишком специфический вкус.

– С этим сложно не согласиться, – парирует веселыми нотками в ответ.

Замираю, прикрыв за собой дверь. Ошарашенно смотрю вперёд. Он только что со мной согласился?! Так просто? Сменив тактику на игру в поддавки? Решил притупить бдительность перед более сильным ударом?

– Ты зачем звонила? – произносит вполне добродушно, напрягая меня больше прежнего. Сбивая с мысли, окончание

которой, кажется, жизненно необходимо вернуть. Не упустить в завуалированной речи что-то важное… то, что лежит на поверхности, буквально под носом.

Отвечаю сухо первое, что приходит на ум. И пусть эта просьба не совсем красиво звучит, выпаливаю не думая:

– Хотела попросить не появляться впредь мне на глаза.

– Как скажешь, – бросает в полголоса, заглушая шум заведенного мотора, повисшей в трубке тишиной.

Отстраняю аппарат от уха, настороженно вглядываясь в потухший экран. Остатки улыбки мгновенно исчезают с занемевших от напряжения губ. Это всё? Так просто? Господин Баженов скинул карты, решив более не продолжать бессмысленную игру? Отойти в сторону? Ловлю в отражении зеркала свой растерянный взгляд. Отчего же мне видится в этом очередной подвох? Смутно верится, что моя просьба способна повлиять хотя бы на одно несущественное его решение!

По спине пробегает ощутимый холодок. Мгновенно вдавливаю педаль в пол, не глядя переключая рычаг передач. Хочу убраться подальше от этого места! От взгляда, который не вижу, но ощущаю на коже. Хочу почувствовать себя в безопасности! Блестящие на солнце стекла автомобиля и автоматически захлопнувшиеся дверные замки не дают и малой частицы этого ощущения. Словно птица, загнана в клетку. Хочу выбросить из головы тот день, когда впервые почувствовала назойливое присутствие. Странное ощущение по-

тери контроля над своей жизнью. Хочу стереть из памяти всё произошедшее с той минуты, посчитав плохим сном наяву, который больше не повторится.

В это безропотно хочется верить. Как и в то, что мужское слово ещё чего-то стоит в этом бренном мире, сотканном из лжи, преподнесенной с красивой улыбкой.

Выезжаю, особо не глядя по сторонам. Не всматриваясь в окна припаркованных рядом авто. Не ища взглядом человека, которого хотелось бы вовсе не видеть. Следую по привычному маршруту, беспрепятственно минуя шлагбаум. Кажется, охранник даже отсалютовал мне вслед… или это просто игра моего воспаленного воображения? К чёрту всё! Закрывая одну дверь, мы распахиваем настежь другую. Вроде так говорят. Тогда к чему сожалеть о минувшем, когда впереди миллионы новых возможностей, путей? При том, что и жалости к себе как-то вовсе и нет… Внутри пусто? Да… Не видно контрольной точки, от которой следует оттолкнуться, чтобы продолжить свой путь. Мысли спутаны, а в ближайшие дни необходимо как-то собраться, объявив родителям о срыве свадьбы.

Усмехаюсь, постукивая пальцами по окантовке руля. Надеяться на Ваню в столь щепетильной ситуации было бы глупо. Урегулирование всех сложных ситуаций в его жизни – дело отца. И всё же, зная об этом, я искренне хотела связать с ним свою жизнь. Следуя чувствам, которые не прошли серьезной проверки… Хотела по-настоящему. Чтоб в болезни

и в здравии… Дура… Поступки говорят громче слов. Папа был прав. Во всём и всегда.

Подъезжаю к подъезду родного дома, не замечая рядом машины отца. Это к лучшему. Маме проще всё объяснить. Тихо покаяться. Огульно признать свои ошибки и найти понимание.

Поднимаюсь на нужный этаж, словно включив автопилот. Дыша через раз от привычного ритма. Отчаянно желая лишь одного – спрятаться за деревянными створками своей комнаты, укрыться теплым одеялом, словно непробиваемым панцирем, и завершить этот грозящий разрастись в вечность день. Оставить в нём всё, что не удаётся осмыслить. Вычеркнуть. Вырвать с корнем!

Отныне не впускать никого в свою жизнь. Не испытывать боли от потери доверия. Не вырывать вместе с ним кусок своей плоти. Самолично. Без анестезии… Проще играть в видимость счастья. Довольствоваться малым, заперев на замок сакрально погребенные чувства… Накрепко закрепить маску, не уподобляясь глупым местам. О любви. Семье. Счастье, сотканном вместе… Роняю на щеки соленые слёзы, стекающие к уголкам губ. Сегодня у меня отняли слишком многое… То, чего я даже ещё не имела.

Дверь открывается раньше, чем я заношу кисть с ключом к скважине замка. Теплая улыбка на родном лице тает на глазах, оставляя вместо себя лишь отклик боли. Молча притягивает к себе, вбирая хрупкими руками в крепкие объятия.

Всхлипываю, не в состоянии сдержать поток усилившихся слез. Не дожидаясь вопросов, выпаливаю всю информацию, касаемую измен жениха, сорванной свадьбы и моего нерационального состояния в данный момент. Тараторю, частично глотая согласные. Сдабривая выплеск эмоций часто сменяющейся громкостью голоса. Щедро струящимися слезами по горящим щекам. Резко замолкаю, испуганно глядя в родные, непривычно потемневшие глаза. Кусая губы, осознав, что моя откровенность не принесла должного успокоения, а лишь, наоборот, ещё сильнее усугубила и так не простую ситуацию, которую я хотела бы, выговорившись, похоронить в недрах сознания.

– Отец уже в курсе? – проговаривает с осторожностью, точно ступая по тонкому льду.

– Нет, – роняю тихо. – Надеюсь, Ваня найдёт в себе смелость всё ему объяснить.

Отстраняюсь, уводя в сторону взгляд. Слёзы вмиг пересохли, словно внутри меня есть какая-то скрытая кнопка, отключающая эмоции и воздвигающая непробиваемый внешний барьер. Напоминанием о прорвавшейся наружу истерике служит разве что резь в глазах да ощущение стянутости кожи на щеках.

– Распрощаться с таким зятем… – обрывает фразу, заметно кривясь, продолжая спокойно, – отец будет лишь рад, а от твоей дружбы с Всеволодом в восторг не придёт.

Глубоко выдыхаю, протягивая по слогам избитую истину,

которую почему-то никто не желает понять.

– Меня ничто не связывает с этим человеком, чему я безмерно рада, и менять этого совсем не желаю! Да и вообще, – затихаю, хмурясь, вспоминая какое противоречие вызвали у меня его слова. Полное недоверие. Ощущение издёвки… Бесстрастно смотрю в мамины глаза, вытягивая губы в продольную линию безразличия. Продолжаю нейтрально:

– Он обещал более не попадаться мне на глаза.

Удивленно приподнимает брови со странной полу-улыбкой на губах, точно пытаясь уличить меня во лжи, уточняет:

– Всеволод лично это тебе обещал?

Киваю в ответ, настороженно глядя на неё из-под пушистых ресниц. Да что в нём такого, от чего меня упорно пытаются оградить? Будто я сама спешу это… так и хочется сказать "вляпаться"! Больно мне надо подобное счастье! Кроме тревоги и безконтрольного страха его присутствие рядом не сулит ничего притягательного… А они словно сговорились – все за одно.

– Это хорошо, – продолжает уклончиво. – Его повышенный интерес к тебе меня настораживает… Но такие люди на ветер слов не бросают.

– И я этому безмерно рада, – заявляю достаточно резко, отходя в сторону. – Да и с чего вы взяли, что я ему интересна? Насколько он меня старше?

Телефон, лежащий на дне сумки, разрывает повисшую паузу. Кривлюсь, слыша знакомый рингтон, установленный на

определённый контакт.

– Ваня? – с неподдельным отвращением в голосе интересуется мама.

– Да, – произношу тихо. – Если станет звонить на домашний, скажи, что меня нет.

– Лучше объясниться сразу, – с тенью сочувствия и проскальзывающей теплоты вторит в ответ.

– А нечего больше объяснять, мам, – вздыхаю, с трудом водружая на лице вымученную улыбку. – Эта страница закрыта, и перечитывать её заново желание не возникает.

Подхожу к ней вплотную, нежно приобнимая. Глубоко вдыхаю успокаивающий, родной запах, прикрывая глаза.

– Ты прости свою непутёвую дочь. Обещаю впредь вести себя более умно.

– Хорошая моя… – крепко обнимает в ответ, словно забирая себе все мои переживания этого дня. Обличает яркие краски среди серости, в которой пребывает сознание. Говорит тихо, не торопясь, окутывая своей теплотой, в которой пребывать настолько уютно. Легко.

– Кто в твои года не совершал ошибок? Я понимаю, насколько тебе больно её осознать… Очень хорошо, что всё открылось сейчас, а не позже, когда возможности повернуть ситуацию вспять могло и не быть.

– Я в порядке, мамуль, – произношу мягко. Усмехаюсь про себя, ловя странную мысль после её слов, что Всеволоду действительно есть, за что сказать спасибо. Он, словно

добрая фея из сказки, по взмаху волшебной палочки образумил недалёкую девочку, витающую в облаках и неспособную рассмотреть, что творится у неё под носом. Есть за что сказать "спасибо". Только желания этого делать не возникает. Хочется послать его к чёрту в надежде, что там его примут как родного. Возможно, такая благодарность пришлась бы ему больше по вкусу.

– Ты справишься, – нежно улыбается, глядя в глаза. – Пройдёт какое-то время, встретишь парня, который перевернёт твой мир и по-настоящему зажжёт глаза.

– Не хочу даже думать об этом, – парирую сухо, досадно поджимая губы. – Не хочу даже пытаться верить кому-то после сегодняшнего.

Оборачиваюсь, вздрагивая всем телом от звука захлопнувшейся двери за своей спиной. С опаской смотрю в серьезные глаза вошедшего в квартиру отца.

– Что произошло… сегодня? – уточняет, пронизывая насквозь остротой взгляда.

– Твоя непутёвая дочь одумалась и решила сорвать свою свадьбу, – парирую весело, съеживаясь в этот момент изнутри. Лучше раньше. Всё равно ведь узнает. Глупо ходить вокруг да около. Ждать, когда Ваня решится на разговор. Терзать себя, скрывая правду. Легче сразу рубить концы. Не перекладывая ответственность на кого-то другого. Лучше уж я сама… Затаив дыхание в ожидании ответа. Прищуривает глаза, словно считывая то, что я пытаюсь скрыть. Плав-

но поднимает вверх уголки губ. Выдыхаю, отвечая улыбкой, слыша ехидно-довольное:

– Вот и славно.

Глава 4

С того дня минула неделя. Пролетела, словно миг, не оставшись в памяти чем-то значительным. Ваня забросил уничтожать своими звонками зарядку моего телефона на третьи сутки после того, как я ушла. Он не искал встречи, хотя и прекрасно знал моё расписание. Боялся посмотреть в глаза? Выкрутиться в разговоре не с глазу на глаз ведь проще… Возможно. За эти обыденные дни внутри не осталось сочувствия к утраченной части жизни. Жалость сама себя уничтожила. Изжила. Дом, учёба, премьера – заняли все мысли. Роль, в которую я вложила остатки неизрасходованных чувств, захватила сознание. И порой на сцене, в долгих репетициях я ощущала, что жила. В другой реальности. В чужом амплуа. В мире, где меньше лжи. Где всё прописано за тебя. Остаётся лишь произносить заученные фразы и наслаждаться иллюзорным ощущением счастья.

В такие моменты не хочется возвращаться в действительность. Снимать грим. Выходить из образа. Прощаться с реальностью, в которой чувствуешь себя собой. Не хочется покидать сцену. Мир, огражденный занавесом кулис ради того, в котором тебя никто не ждёт.

День премьеры. Спешу в гримерку, пропахшую сладким воском. Запахом свеженакрахмаленных платьев и лака для волос. Улыбаюсь, закрывая тугую дверь. Стены этого зда-

ния манят своими тусклыми коридорами. Особой атмосферой, в которой по-настоящему живёшь. Хотя избалованный зритель и думает, что это всего лишь игра. Этот краткий миг длиною в несколько актов дарит больше эмоций, чем дни, словно копирующие друг друга. Сменяющиеся числа в календаре. А здесь минута насыщена вечностью. Гаммой чувств, ощущений, не встречающихся в обыденном мире.

Тщательно примеряю на себя маску счастья. Приветливо салютую занятым подготовкой гримерам. Костюмерше преклонного возраста, сетующей, что наряды пошиты на более фигуристых дам, а не на таких худышек, как мы. И Светлане, с которой делю крохотную комнату, где сейчас впятером мы с трудом помещаемся.

– Алла Михайловна, вы всегда говорите одно и то же, – ехидно произносит жгучая брюнетка модельной внешности. – А потом, стоит нам прибавить пару-тройку килограммов, взрываетесь негодованием, что платья придётся распарывать по швам.

Игнорирую их небольшую перепалку, занимая своё место. Ничто не посмеет омрачить день, которого я столь долго ждала. Ничто и никто! Закрепляю на губах уверенную улыбку. Этот спектакль очень важен для меня. В числе зрителей лишь приглашённые. Персоны статуса "Вип" по своему положению в обществе или же те, кто занимает в городе определенный пост. Люди, способные продвинуть выше одним взмахом руки. Уничтожить карьеру в зачатке своей

недовольной гримасой, искривляющей строгое лицо.

Премьера всегда экзамен. Это не рядовой спектакль, прописанный в расписании. Здесь выкладываешься по полной, отчетливо понимая: или ты, или тебя. Даже суфлёр не поможет исправить ошибку. Желающих занять твоё место полно. Каждый сам за себя.

Подмостки. Свет сафит, ослепляющий глаза. Яркая улыбка на блеклом лице, затушеванном пудрой. Искренний, довольный взгляд, скрашенный отблеском счастья. Полтора часа в один миг, прошедший сквозь тело звуковой волной аплодисментов. На одном дыхании до ненавистного момента закрытия кулис, срывающего с губ приросшую улыбку.

Пространство делится надвое. Сцена, меняющая своё одеяние. Опустевший на время антракта зал, знакомый до мелочей. Гримерка. До. После. Уныло уходя по узкому коридору, всё больше убеждаюсь в своём несоответствии данному миру. Во всём есть свои исключения. Уродства. Некондиция. Брак. Усмехаюсь, не хотя двигаясь в сторону нужной двери. Самооценка после случая с Ваней колышется в районе нуля. Игра – жизнь вне стен этого здания. А здесь, сейчас я жила…

– Поторопись, Котова, – насмешливо бросает Света из-за плеча. Обгоняет, весело смеясь, бросая, – ещё один акт, и можно расслабиться. Подними носик повыше! Впереди фуршет, дорогие мужчины… А вдруг где-то рядом твоя судьба?

Фыркаю в голос, захлопывая за собой плотную дверь. В том контексте, что она имеет в виду, представители сильно-

го пола мне сейчас вовсе не интересны. Что они способны дать мне из того, чего я не имею? Очередные пустые слова о большой и чистой? Глупые надежды? Пройдено. Добавится разве что головная боль. Да к тому же на фуршет приглашены родители, а заводить новые знакомства в присутствии отца – дело вовсе дрянное. К чему подставлять под линзу микроскопа ни в чём не повинного человека?

– Время, Крис! – рыкает Света. – Отлепись от двери, иначе сорвёшь сцену своей медлительностью!

Сглатываю, опуская нотки пренебрежения, скользящие в её голосе. Злости нельзя допускать. Личные эмоции не должны мешать правильному настрою. Ловлю на себе воспалительный взгляд костюмеров, ловко упаковывающих в новое платье брюнетку. Задерживаю дыхание, ожидая своей очереди. Один. Два. Плавный выдох. Через пару минут отражение в зеркале показывает уже иную девушку. Уверенную в себе. Широко улыбающуюся снующим рядом помощникам, завершающим последние штрихи. Зеркало отражает счастливую женщину. Образ, в котором хотелось бы пребывать. Любить так, как умеет она. С полной самоотдачей. Бороться за своё счастье. Наперекор обстоятельствам. Проживать каждый день, словно он последний. Увожу в сторону глаза, кусая щедро накрашенные губы. Мне бы научиться хоть маленькой толике того, видимость чего я несу… "Я подумаю об этом завтра", – отдаётся задорными нотками где-то в висках… Что ж, тоже верно. Кто-то решает сменить образ жиз-

ни с понедельника, а я с завтрашнего дня. Пусть не всё скопом. Начать можно и с мыслей.

– Пять минут до выхода, – отчеканивает вошедший без стука руководитель. – Все готовы?

Бодро рапортуем ответное "да" под одобрительный кивок худощавого мужчины, исчезающего так же мгновенно, как и появился. Десятки метров в тусклом коридоре, и вот она сказка. Жизнь, в которой хотелось бы остаться… Вдыхаю, насколько позволяет тугой корсет платья. Был бы и в моей сценарист не так плох. Час двадцать, а история пережита в целые года. Занавес опущен. В зале всё ещё раздается непотухший гул аплодисментов. С грустью опускаю руки после всеобщего выхода на бис. Облизываю пересохшие губы с остатками слоя помады, истощенной краткими и частыми поцелуями. Странно, но именно их я воспринимаю как часть работы. Испытывая симпатию к герою, в которого по сценарию влюблена, а не к реальному человеку, в данный момент обнимающему меня. Наверное, это ощущение сравнимо с тем, что чувствуешь, выходя замуж без любви. Отдаёшься в руки человека, который привлекает чем-то другим, нежели он сам. Быть может, это даже удобно. Обоим. Если не задумываться о том, что с кем-то другим можно быть по-настоящему счастливым.

Толкаю дверь, лицезрея невероятную картину. От неожиданности приоткрываю рот, звучно выдыхая:

– Это что? – обвожу взглядом вмиг сузившееся про-

странство. Ненавязчивый запах, ставший концентрированным, бросается в нос. Алые, белые розы, установленные в хаотичном порядке букетами в вазах. Голова идёт кругом от этого контраста красок. Господи! Сколько же их здесь?! Делаю шаг вперёд, боясь зацепить вазы кринолином платья.

– Хотела бы я ошибаться, только это всё для тебя, – саркастически хмыкает снимающая грим Светлана.

– С чего ты взяла? – уточняю, настороженно оглядываясь по сторонам. Делаю тщетную попытку подойти к ней поближе, обречённо вздыхая:– Помоги мне, пожалуйста, с платьем. Я не проберусь к своему месту.

Лукаво улыбается, в пол-оборота наблюдая мои изхищрения. Встаёт с места, ловко огибая букеты.

– Если позволишь забрать половину, я тебе снять его помогу, а не только расшнуровать.

– Да бери ты хоть все! Тем более нет полной уверенности в том, что виновница этого безобразия именно я.

– А ты записку прочти, – усмехается, ослабляя корсет. – Прости, уж не устояла и заглянула в неё. Надеялась, что красота для меня.

Протягивает сложенный вдвое мягкий листок. От прикосновения к шёлковой бумаге щеки, словно кипятком, обдаёт жаром. Кажется, что он даже пахнет чем-то особенным. Поджимаю губы, боясь прочесть то, что сокрыто внутри. Теребя меж пальцев бархат бумаги, откладываю на доли секунды отчего-то пугающий миг. Взяв себя в руки, пробегаюсь

глазами по красивому курсиву, гласящему:

"Конечно, я негодяй. А почему бы и нет? Мы живём в свободной стране, и каждый имеет право быть негодяем, если ему так нравится."

– Имени нет, – замечает, наигранно вздыхая за моей спиной. – Тайный поклонник? Странная фраза для подписи сего великолепия.

– Это цитата, – бросаю сухо, сминая в руке нежный листок. А щеки продолжают пылать, вызывая желание окатиться холодной водой. – Подпись ему не нужна, – хмыкаю в голос, бесстрастно продолжая, – и без этого уверен в своей неподражаемости.

– Звучит не особо лестно, – ухмыляется, помогая скинуть на пол громоздкий наряд. Обходит вокруг, становясь напротив. Томно произнося:

– Познакомишь? Раз тебе этот объект не интересен, я бы смогла оценить по достоинству весь размах его широкой души.

– Была бы она у него, – выдаю приглушённый смешок, глядя на её заинтересованно приподнятые брови. – Познакомлю, если объявится. Только после не смей меня вычитывать за то, что продала душу дьяволу.

– Это самое лестное и интригующее описание мужчины, которое я слышала, – расстилается смехом, закатывая глаза. – А если учитывать, что характеристика дана такой примерной девочкой, вроде тебя, горю желанием посмотреть на

этого обольстителя! Как его зовут-то?

Подзываю её поближе, маня пальчиком. Едва не прыскаю от смеха, заговорщицки произнося:

– Его имя лучше не произносить вслух. Может и материализоваться.

– Вот же дура, – отстраняется, обиженно качая головой. – И почему таким достаются нормальные мужики? – хмыкает, возвращаясь на своё место. – Вселенская несправедливость. Всё и задаром тем, кто не имеет понятия, как этим пользоваться!

Пропускаю мимо ушей поток громких слов, аккуратно смывая слой грима. Бросая спокойное, будто между делом:

– Забери цветы, если нравятся. Завянут. Мне они от этого человека совсем не приятны.

– Говорю ж – дура, – бросает надменно.

Наверное, и вправду… С чего я вообще решила, что это он? Больше на ум никто не приходит. И эта подпись… Перед глазами вмиг всплывает лукавая улыбка, сопутствующая её написанию. Чёрт побери, похоже это фирменный стиль Баженова. Сбивать с толку своим нахальством, заставляя испытывать столь странные для обыденности эмоции. Резко контрастирующие друг с другом.

Осматриваюсь вокруг, купируя на губах легкий оттенок улыбки. Ни размашистой подписи. Ни банальных инициалов. "Ты легко определишь среди всех." Пульсирует в висках. Самонадеянный. Нахальный. И чем-то…

Приглушённый стук в дверь. Переглядываемся с задумчивым видом. Озираюсь по сторонам, стоя в одном ажурном белье. Хватаю со стула платье, уготовленное для выхода на фуршет. Прижимаю к груди чёрный атлас, пытаясь прикрыть оголённые участки тела. Оборачиваюсь к выходу, наблюдая за тем, как плавно приоткрывается дверь.

– Можно войти? – уже делая большой шаг вперёд, произносит с опозданием, видя моё хмурое выражение лица при его появлении.

– Ты уже вошёл, – произношу, напрягаясь, желая отвернуться от него и не имея подобной возможности.

– Крис, я… – усмехается, оглядываясь по сторонам. Выуживает из-за спины букет белых роз, опуская цветы бутонами вниз, вдоль рук, лежащих по швам.

– Ставь в любую вазу, – иронично вздыхает Светлана. – Вдруг у нас здесь чётное количество букетов? Так твой лишним не станет.

– Завела богатого папика? – бросает в сторону широко улыбающейся брюнетки, глядя на неё с нескрываемым отвращением в глазах.

– Кто я такая? – парирует, звонко смеясь. – Эта красота для Кристины.

Перевожу на неё злостный взгляд, говорящий за себя намного больше, чем любые самые лестные слова. Отвечает лучезарной улыбкой, будто оправдываясь, слегка пожимая плечами.

– Ясно, – роняет с нотками презрения уже ставший бывшим жених. – И ты взывала к моему чувству вины, обличая себя сущей непорочностью? Так может на тебе самой клейма ставить негде, а, Крис?

– Уходи, – произношу, не меняя стального выражения лица. Спокойно смотрю в глаза, а внутри нарастает дрожь и, кажется, слёзы вот-вот прорвут панцирь брони, которой я настолько самоотверженно желаю оградиться от него, пытаясь игнорировать больные удары. Пальцы сжимают тонкую ткань, натягивая её до предела. Грозя порвать под натиском длинных ногтей.

Смотрю в его глаза, полные ярости, не отводя свои в сторону. Не позволяя ему почувствовать своё превосходство. Расчётливо наблюдаю за каждым мельчайшим движением, напряжением мышц. С трудом отдаю себе отчёт, насколько долго смогу статно стоять на ногах, при подгинающихся от внутреннего бессилия коленях.

Бросает на пол цветы, словно клеймя очередной хлёсткой пощечиной, усыпает дорожку ко мне отлетевшими белыми лепестками безвинных роз. Наблюдаю, не дрогнув, ожидая финальной реплики, точно удара под дых.

Разворачивается, молча уходя. Громко хлопает дверью, оглушая гулом едва ли не все коридоры театра. Заинтересованных взглядов после явно не избежать. Грузно выдыхаю, прикрывая глаза. Едва не роняю из ослабленных рук скользящее платье.

– Откуда у него пригласительный? – доносится рядом вполне дружелюбно.

– Их же выписывали пару месяцев назад. Тогда и дала, – вздыхаю, рассматривая помятое платье.

– Так вы же вроде расстались?

– От этого билет не теряет силы, – усмехаюсь, пытаясь привести в порядок потерявший стоящий вид наряд.

– А ярости-то в глазах было, – распаляется звонким смехом. – Зрелище то ещё! Мне аж понравилось!

Бросаю на нее усталый взгляд, заметно кривясь. Продолжает, так же искренне хохоча.

– Умеешь ты, Крис, завести мужиков! А так и не скажешь! С виду-то тихоня.

Оставляю без комментария данное убеждение, не зная, как правильно к нему отнестись. Сомнительный комплимент, а для обиды сил уже не осталось. Собираюсь, завершая дела, и тихо покидаю гримерку, до этого уже оставшись в ней одна. Длинные коридоры, дверь, подсвеченная вывеской с надписью "выход". Витиеватая лестница, ведущая из просторного вестибюля на второй этаж. Подхожу к ней, улавливая в потоке приглашенных профиль отца. Улыбаюсь, пробираясь вперёд лёгкой поступью. Мелкими шагами в сковывающем движения узком платье. Неудобство щедро компенсирует элегантный вид наряда. Подчеркивающий… Хотя, что там подчеркивать? Скорее уж отвлекающий от недостатков. Красная помада, усиливающая эффект. Волосы, за-

бранные вверх и уложенные аккуратными локонами. Оголенная шея, обрамленная цепочкой со сверкающим кулоном, одним из тех, что подарили на день рождения. Интересно, Баженов здесь? Что было бы, надень я вместо этой подвески тот, что подарил он? Усмехаюсь себе под нос. Объяснений маме в своём странном выборе украшений мне было бы не избежать… И всё же, не припомню его фамилии в списке приглашенных. Или в тот момент она просто не бросилась в глаза, как и десятки малознакомых?

Стараясь не привлекать излишнего внимания, не поворачивая головы, искоса оглядываюсь по сторонам. Завалить мою гримерку цветами и не явиться для срыва оваций – разве это в его духе? Должно быть что-то ещё… или в его поступках напрочь отсутствует логика!

Чёрт побери, мысли вновь заняты чем-то не тем! Любопытство распирает изнутри, вымещая собой дикое желание послать его подальше за несоответствие своим обещаниям, и также… хочется разгадать этот ребус. Воспоминания, обдавая разом и жаром, и холодом, возвращают тяготящие ощущения, вызываемые присутствием Всеволода рядом. Выдыхаю, в корне меняя решение: у меня нет никакого желания излишний раз с ним пересекаться! Всё! Не хочу и точка!

Иду вперёд, словно натянутая струна. Удерживаю перед собой небольшой клатч, слегка теребя его края меж пальцев. Желая скинуть простым жестом скопившееся внутри напряжение и просто не зная, куда деть дрожащие руки. Всё, что

выставлено напоказ, меньше бросается в глаза, вроде так говорят. Хочется фыркнуть в противоречие данной фразы, боковым зрением замечая изначально глубокий вырез в зоне декольте, притягивающий взгляд к шикарной груди, а лишь после саму стоящую поодаль фигуристую блондинку.

Натяжно выдыхаю, удерживая на губах фальшивую улыбку. Расправляю руки по швам, приближаясь к отцу.

– Всё прошло великолепно, Кристюш, поздравляю, – произносит мягко и строго, в свойственной лишь ему манере. Приобнимает, располагая мою голову ниже своего плеча. Улыбаюсь в ответ. В этот миг искренне. Нежно. Ощущая среди безразличных людей его особую поддержку. Буквально прикрываю от удовольствия глаза.

– Где мама? – уточняю неспешно.

– Наверху, встретила знакомых, – выдерживает небольшую паузу, не меняя монотонности голоса, без тени эмоций продолжая:– Астахов здесь.

И, похоже, не один он, хочется вторить, но я отчего-то молчу. Лучше бы ни с тем, ни с другим боле мне сегодня не пересекаться.

– Знаю, – поднимает голову, открыто улыбаясь в глаза. – Пойдём, почтим своим присутствием избалованную публику и отправимся домой?

– Устала? – нежно потрепывает меня по спине.

– Вовсе нет. Ты же знаешь, что эта бутафория мне, мягко сказать, не интересна.

Лишь кивает в ответ, аккуратно беря меня под руку. Поднимается в большой банкетный зал. В переливах легкой музыки звучит приветственная речь руководителя. Слава благодарности, адресованные именитым гостям. Пробираемся сквозь тернии людей, в поисках более тихого уголка.

Обязательная часть. На ней непременно надо присутствовать. Данное действо не имеет с театром ровным счётом ничего общего. Пафосное заключение спектакля, рассчитанное на сбор спонсорских средств, идущих на благо процветания или же оседающих в один карман. Кто знает…

Сложно привыкнуть чувствовать себя в своей тарелке на подобных мероприятиях. Все мило улыбаются и лестно общаются, обсуждая друг друга буквально отойдя пару—тройку метров. Была б моя воля, я вовсе бы не пришла. Это прерогатива отца. Быть в центре внимания. Заводить на подобных мероприятиях новые знакомства, способствующие развитию бизнеса. Мне же остаётся лишь улыбаться и приветливо кивать в нужных местах. То, что действительно приятно, осталось позади. Где-то в притушенном, опустевшем зале. Родная сцена.

Продолжаю расточать наигранные улыбки, встречая знакомые лица. Приобнимаю подошедшую маму, вновь натыкаясь взглядом на ту же блондинку. Есть в ней что-то притягивающее. Усмехаюсь про себя, дополняя пришедшую на ум мысль, "кроме бюста". Не свожу взгляда с тонких пальчиков, усыпанных кольцами, сверкающими бриллиантовым

блеском. Медленно подносит бокал с игристым шампанским к пухлым губам. Несвойственные для данного цвета волос зеленые глаза встречаются со мной взглядом. Выдаю краткую улыбку, точно застуканная на месте преступления. Расстилается ответной, плавно направляясь вперёд. Не отрывая взгляда, идёт именно на меня.

– Добрый вечер, – протягивает неспешно, звеня колокольчиками хрустального голоса. – Владимир Александрович, моё почтение, – подаёт руку отцу, запечатляющему легким касанием губ на ней невесомый поцелуй.

– Илона Давыдова, – представляется, глядя на нас с мамой.

Заинтересованно смотрю на папу, переводя взгляд на блондинку, протягивающую мне золотую визитку. Закусив губы, бегло пробегаюсь по буквам. Хмыкая про себя на столь обширные знакомства отца. Владелица модельного агентства… Ничего общего с бизнесом. Где только они могли пересечься?

– Я бы с удовольствием с Вами поработала, – произносит с лукавой улыбкой. – Ваша дочь красавица, – роняет в сторону мамы, слыша в ответ сухое "спасибо".

С тенью улыбки наблюдаю за её ухмылкой и взглядом, говорящим сам за себя, отчасти сочувствуя блондинке, если она рискнет задержаться рядом надолго.

– Почему скучаете одна? – продолжая милую беседу, произносит отец.

– Мой спутник отошёл, – парирует лучезарно улыбаясь. Хотя, слово "скалясь" подошло бы ей больше.

Едва не приоткрываю рот от неожиданности, слыша знакомые нотки ехидства, пронзающие стальной голос, и лицезрея его владельца собственной персоной, материализующегося из-за её спины.

– Радость моя, ты меня потеряла? – насмешливо уточняет Баженов, приобнимая блондинку чуть ниже выдающейся груди. – Добрый вечер, – произносит более статусно.

Выдаю кривую улыбку, старательно уводя глаза в сторону, а он вновь притягивает взгляд к себе, произнося томно:

– Вы не против, если я осмелюсь похитить от Вас свою даму?

Будем рады избавиться от вашего общества. Хочется бросить в ответ. Хорошо, что в этот момент, за всех согласием отвечает отец.

– Кристина Владимировна, – подаёт вперёд руку, обязуя вложить в неё мою. Действую инстинктивно, протягивая свою, с зажатой меж пальцами визиткой. Наклоняется ближе, оставляя на коже поцелуй. Ладонь вмиг становится холодной и влажной, а остатки улыбки сползают с онемевших губ. Поднимается, сверля взглядом серьезных глаз, произнося тихо:

– А вот сюда бы я не спешил. Совсем не то место для такой девушки, как Вы.

Фыркаю в голос, не в силах сдержать эмоции, распаляя на

его лице белоснежный оскал, слыша на последок:

– Был рад Вас видеть. Чудесная игра.

Отворачиваюсь в сторону, снимая с подноса проходящего поблизости официанта бокал с шампанским. Отпиваю крупный глоток, коря себя за несдержанность перед родителями. Да чтоб его! Ещё и издевательски "выкает" мне при всех! Заваливает цветами, а сам является в компании грудастой блондинки! Или они были не от него? Тогда кто же? Выдыхаю звучно, никто не приходит на ум!

– Всё нормально? – доносится тихий мамин голос из—за плеча.

– Да, – отвечаю с улыбкой. – Просто устала.

– Я заметила, – кивает, сжимая мою ладонь. Вторя мягко и уверенно. – Просто устала…

Поджимаю губы, уводя взгляд в сторону. Из-под опушки ресниц натыкаюсь на фигуру, ярко выделяющуюся среди всех. Словно взгляд заточен выуживать из толпы людей этого хама.

По-хозяйски обнимает блондинку, податливо лоснящуюся к нему. Голова Баженова наклонена в бок, и взгляда мне не прочесть, но её говорит за двоих. Жесты, мимолетные прикосновения, надутые губки, словно ожидающие поцелуя… Твою мать! Почему чья-то личная жизнь обязана меня волновать? Отворачиваюсь, дав себе зарок больше не смотреть на столь гармоничную пару. Эти двое вполне стоят друг друга! Сминаю в руке золотую визитку, ища глаза-

ми урну. Обреченно выдыхаю, бросая скомканный картон на дно клатча. Натягиваю лучшую из своих улыбок, обнимаю отвлекшуюся на разговор маму, пытаясь стереть возникшие между нами сомнения. Уверовать в своей безупречности. Сильные эмоции перед премьерой. Вытянувшая силы роль. Ненавистный фуршет в окончании дня. Да. Я просто устала…

В этом мире всё слишком зыбко. Убежденность в своей правоте, чёткое понимание смысла жизни рушится, стоит лишь взглянуть под другим углом. Расставить координаты отправной точки немного иначе.

Что я чувствую в данный момент? В этом потоке противоречивых эмоций, самой себе сложно признаться. Проще спрятаться за кирпичной стеной отрицания. Выдать злость, подкатывающую к самому горлу, за призрение всей ситуации в целом. Попытаться сломать чужую игру, перестав ощущать себя безвольной марионеткой, безропотно следующей предписанному сценарию.

– Потанцуешь со мной? – слышу бархатный тембр у самого уха, плавно произносящий слова.

Оборачиваюсь, усиливая хватку пальцев на высоком бокале. Не выражая эмоций, будто смотрю в пустоту, не замечая и единой приятной детали, способной зацепить взгляд, наблюдаю за его мимолетной ухмылкой, меняющей до неузнаваемости доселе строгое лицо.

– Я занята, – роняю обрывисто, сохраняя видимость спокойствия. Делаю небольшой медленный глоток, уводя в сторону взгляд.

– Что ж, – произносит надменно. – Возможно, в другой раз ты будешь более сговорчива.

– Для этого должно произойти что-то из ряда вон выходящее, – растягиваю на губах широкую улыбку, подавляя ей нарастающий внутри мандраж, сковывающий тело. Нервное напряжение, сопутствующее его присутствию рядом, не желает спадать, подчиняясь улыбке.

– Не зарекайся, – бросает с ухмылкой, обдавая холодом ледяных глаз. Уходит, теряясь в толпе приглашенных, оставляя после себя горький осадок. Словно я пью не шампанское, а неразбавленный джин.

Блондинки тоже не видно, хотя, какая мне разница до того, здесь ли ещё эти двое или же поспешили покинуть здание, желая провести остаток вечера в более тихом месте? Я бы и сама мечтала оказаться где-нибудь подальше отсюда! Всё интересное, на сегодняшний день, завершено, а показная лояльность осточертела для взгляда. Спешу появиться перед глазами как можно большего количества людей. Широкой улыбкой приветствую разошедшиеся на стайки компании. Пара плавных кругов по залу. Примелькаться. Запомниться своим присутствием здесь и можно тихо уйти, не объясняя знакомым причину своего бегства. Странно, но Вани тоже нигде не видно. К лучшему. Не хватало ещё прилюдных

сцен для полного счастья.

– Вы с мамой останетесь или собираетесь вскоре покинуть это постылое действо? – уточняю с улыбкой, дотронувшись до плеча отца.

– Ещё побудем, – произносит в ответ, вопросительно присматриваясь ко мне. – А ты куда собралась?

– Домой, – бросаю немного резко. Лицо отца вмиг становится более строгим. Выдыхаю, пытаясь смягчить своё поведение широкой улыбкой. К чему так реагировать? – Я устала, папуль и задерживаться здесь не имею желания.

– Вызову водителя, – отвечает более спокойно, но, не позволяя обмануться в том, что мои действия сейчас не проходят детального анализа на адекватность.

– Не утруждайся, – целую щеку, медленно отступая. Хмыкаю про себя, понимая, что настроение в корне испорчено. Вскидываю голову, нейтрально произнося: – Вызову такси.

– Кристюш, – удерживает за руку, пристально смотря в глаза. Затихаю, выдерживая тяжесть взгляда, охлажденного то ли излишним беспокойством, то ли желанием видеть в моих поступках лишь то, что он хочет. Безропотное следование его указаниям. Опускаю взгляд вниз, ощущая, насколько эта мысль усиливает скопившееся внутри, на протяжении вечера, раздражение. Осознание способствуют его безудержному росту, развитию, которое я уже не в силах сдержать. Хочу немедленно покинуть зал, не усугубляя ситуацию выплеском негативных эмоций, а он всё ещё удерживает в замке своих

пальцев моё запястье.

– Прекрати тотально меня контролировать, – бросаю резко, сжимая губы и яростно глядя в родные глаза. – Я уже выросла, пап! Сама способна решать чего я хочу и что готова себе позволить! – проговариваю вроде и тихо, а на деле – вызывающе громко.

– Поговорим после, – произносит недовольно, отпуская мою руку и безмолвно качая головой. Отворачиваюсь, не решаясь больше что-то сказать. Отхожу в сторону, опустив в пол невидящий взгляд. Каким-то чудом не сталкиваюсь с людьми, пробиваясь в сторону желанного выхода,за которым словно существует другая реальность. Тишина.

Касаюсь железной ручки, с чувством облегчения захлопывая дверь за своей спиной. Выдыхаю, сильно дрожа. Десятки метров до гримерки. Быстрым шагом. Разрывая гулом звучащих в пустоте каблуков, окружающую тишину. Тугая дверь. Усмехаюсь, остановившись за ней. Цветов не стало меньше. От силы не хватает лишь пары букетов. Жаль оставлять их здесь, обрекая на быструю смерть. Осыпятся в раз, как и те, что брошены Ваней, разлетевшись на десятки нежных лепестков. Завянут, потеряв свою красоту.

Наскоро переодеваюсь, подхватывая на руку легкую куртку. Конец мая, хоть и ознаменовался хорошей погодой, да поздние вечера всё ещё достаточно прохладны. Выхожу из гримерки, осматриваясь по сторонам. Чёрный или парадный? Верчу в руках прихваченную на автомате связку клю-

чей, делая выбор в пользу первого варианта. Не хочу с кем-то встречаться! Лучше улизнуть незаметно, словно меня здесь и не было вовсе.

Поворачиваю ключ, попадая во двор—колодец, освященный парой подвесных фонарей у подъездных козырьков. Кривлюсь, слыша за спиной знакомые голоса. Не одна я решила воспользоваться этой дверью.

Плавно поворачиваюсь, пряча ключи в карман Джинс, будто застуканная на месте преступления, слыша совсем рядом еходно—звонкое:

– Котова, от кого ж ты бежишь?

– Не твоё дело, – бросаю, пытаясь казаться спокойной.

На самом деле вопрос достаточно сложный. Не признаваться же мне, что бегу от самой себя?

Оглядываю широко улыбающуюся Светлану, облокотившуюся на капот машины, которую украшает букет белых роз. Поблизости несколько ребят и девчонок из нашей труппы. Кто-то курит в сторонке. Кто-то, весело смеясь, пьёт шампанское прямо с горла. При этом десяток пар глаз направлены на меня.

Противное чувство. Тебя вновь сканируют рентгеновскими лучами, пытаясь вывести на чистую воду.

– А поехали с нами? – лукаво произносит брюнетка. – Позволь хоть иногда себе развлечься!

Недоумённо смотрю на неё, воспринимая данную фразу, словно очередную издёвку. Вокруг в затишье, все перегля-

дываются и ожидают решения, явно не понимая, что пришло на ум этой взбалмошной девчонке.

– А поехали, – усмехаясь, вторю в ответ. Этот вечер не способен стать хуже от одного необдуманного решения.

– Умеешь ты удивлять, – смеётся в ответ. – Поехали? – уточняет у парня, выполняющего роль водителя. Хотелось бы верить, что трезвого. По внешнему виду это определить достаточно трудно.

Получаем согласие, усаживаясь в машину. Достаточно вместительную и маленькую для восьми человек, желающих в ней расположиться. Садимся под весёлый смех, сопровождая данное действо двоякими комментариями. Буквально через двадцать минут тормозим возле невзрачного на вид здания, привлекающего взгляд неоновой вывеской, установленной над металлической дверью, ведущей в подвал.

Скептически хмыкаю, осматриваясь вокруг. Достаточно странное место. Внешне, действующее абсолютно диаметрально. Сюда ни то, что входить не хочется. Нарастает желание поскорее убраться подальше, не влипнув в историю! Никогда ранее не имела опыта посещения столь неординарных заведений.

– Да не дрейфь ты! – смеётся рядом Светлана, легким движением руки подталкивая меня вперёд. – Сейчас выпьем, потанцуем. Разом забудешь того, кто сподвиг на побег через чёрный выход.

Отвечаю недоверчивой гримасой, шагая за всеми. Взры-

вы световых лучей на входе бьют по глазам. Узкая винтовая лестница, ведущая вниз, тонет в тени, переходящей в непроглядную мглу. Грозя сломать каблуки, ступаю вниз, вцепившись в перила и, порой натыкаясь на спину впередиидущего человека. Тяжелый скрип двери, впускающий в вакуум лестничного пролёта, оглашающие басы музыки взрывают сердечный ритм, поднимая его до значения максимума.

Змейкой, сквозь занятые диванчики и танцующих рядом людей, пробираемся к бару. Оглядываюсь по сторонам, наблюдая обилие полуголой, пьяной публики. Щёки вмиг заливает жаром. Поджимаю губы, бросая взгляд на часы. Четверть одиннадцатого. Может, удастся свалить минут через двадцать, затерявшись в толпе? Идея отправится (отправиться) сюда была самой худшей, что могла придти (прийти) в мою голову. Утро принесёт с собой огромное сожаление… Ещё и отцу нагрубила. Ведь не хотела… Всё сошлось к одному: он, Ваня, Всеволод…

– Первый до дна! – громко командует Светлана, вверяя мне в руку небольшую рюмку. Не пытаясь возражать, подношу прозрачную жидкость к губам. Хуже уже ее будет! Пульсирует, словно усмешка, в висках. Хуже просто некуда! Точно!

Опрокидываю бокал, зажмуриваясь до слёз от обжигающей горло горечи. Пытаюсь отдышаться, кратко глотая воздух, чтобы хоть как-то прийти в себя.

– Дыши медленнее, – усмехается кто-то поблизости. –

Вторая пойдёт легче.

Слушаюсь совета, мысленно проклиная себя на чём свет стоит за эту авантюру. Какого чёрта я вообще согласилась ехать сюда? Сердце стучит, повторяя темп быстрой музыки, отдающейся звуковыми волнами от стен. Кажется, обитых чем-то мягким. Или это иллюзия? Чёрно – красный… Поворачиваюсь вокруг себя, испытывая небольшое головокружение. Везде давящий бордо, чёрный и красный. И Света хочет, чтобы я смогла здесь расслабиться?!

– С левой руки, за любовь, – расстилается смехом кто-то из присутствующих, раздавая обновленные рюмки.

– До дна! – поддерживает звонкий голос.

Фыркаю в ответ, искривляя лицо. Мало того, что неопределенная жидкость в моём бокале вызывает отвращение, так и тост способствует возрастающей неприязни. К чему пить за иллюзию? Поддержание мифа того, чего нет в реальности? Проще утопить остатки самообмана в горечи алкоголя, отрешившись от назойливых мыслей, осаждающих тем, что быть счастливой с кем-то, не ища выгоды и, не испытывая подозрения к звучащим словам, – всё же возможно… Особо не испытывая мук заткнувшейся совести, опрокидываю второй. Втягиваю воздух в себя, медленно выдыхая. Не обманули. Растягиваю на губах, отчасти удовлетворенную улыбку. Второй идёт легче.

На барной стойке появляется подобие нехитрой закуски. Один тост сменяет другой. Время, доселе бегущее, словно

замедляет свой ход. Улыбки, смех, музыка, искры ярких огней – всё смешивается воедино, становясь чем-то важным и, в тот же миг, не имеющим смысла.

Забитый танцпол, ограничивающий манёвр движений. Душный воздух вокруг, усиливающий действие алкоголя, замещающего сознание. Жар, возрастающий в груди. Мелкие пряди волос, липнущие к щекам. Прикрываю глаза, подчиняясь всеобщему ритму. Двигаясь в такт музыке. Позволяя звуковой волне пройти сквозь себя. Испытывая от этого неподдельное удовольствие. Поистине расслабляясь. Уже не жалея о хаотичных решениях. Сейчас… всё происходит так, как надо. Разрушая границы, ощущая свободу, возникает желание жить.

Что я видела за последние года? Когда мои сверстницы меняли парней, учась ими манипулировать, я глупо надеялась встретить одного и единственного, который будет меня любить. Понимать. И обманулась… Что ж, сама дура. Надо было смотреть по сторонам, а не только слепо верить его сладким словам.

Открываю глаза, ощущая по своим бедрам скользящие руки. Улыбаюсь, продолжая двигаться в медленном ритме, считая происходящее шуткой кого-то из многочисленных знакомых. Плавно поворачиваюсь назад, встречая, оторопевшим взглядом, привлекательного брюнета.

Останавливаюсь, смутно соображая, кто он такой. Никогда раньше не видела. Руки незнакомца всё так же покоятся

на моём теле, прижимая меня к себе. Наклоняется ближе, произнося, сквозь музыку, у самого уха.

– Продолжим?

– Что? – роняю почти беззвучно, ощущая на горячей коже его обжигающее дыхание.

– Знакомство, – произносит неспешно, лаская бархатом голоса.

Прикрываю глаза, пытаясь собраться с мыслями, капитулирующими с последней рюмкой алкоголя, опрокинутой мной. А незнакомец прикасается к моей шее губами, приняв молчание за согласие, так и не прозвучащее в ответ. Сглатываю, не в силах поднять отяжелевшие веки. Ощущаю жар его тела, усиливающий пылающий внутри меня огонь. Ласкающие прикосновения губ, оставляют холодок на теле, опускаясь вниз влажной дорожкой. Нежно втягивает в себя кожу, заставляя рефлекторно приоткрыть рот и, одновременно сжаться изнутри плотным комком. Пытаюсь собрать воедино хотя бы одну связную мысль, лишь выдыхая беззвучно застрявшие в горле слова.

Отстраняется резко, ослабив захват рук. С трудом приоткрываю глаза, щурясь от ультрафиолета и ярких переливов неоновых огней. Удивленно смотрю на того, кто стоит позади привлекательного брюнета, с силой отстраняя его назад. Точно приподнимая над полом. Начинаю нервно смеяться, наблюдая недоуменный, испуганный взгляд незнакомца.

– Ищешь приключений на свою задницу? – произносит

насмешливо, растягивая на губах подобие улыбки, которая вовсе не касается ледяных глаз.

– Я… нет, – в попыхах, пытаясь слегка обернуться назад, начинает оправдываться брюнет.

– Милая, тебя папочка не предупреждал, что походы в подобные заведения добром не заканчиваются? – полностью игнорируя, удерживаемого в руках парня, уточняет надменно, глядя в мои глаза.

– А чего мне бояться, если здесь отдыхает такой контингент как ты? – бесстрашно бросаю своему вызов, распаляя на губах лучезарную улыбку, сопровождающую взгляд полный презрения.

– Я здесь, родная, работаю. А эта шушера, – кивает на притихшего и, кажется, сжавшегося в разы,в его руках парня, – трахнет тебя, не удосужившись даже узнать как звать.

Кривлюсь в ответ, не опуская глаз.

– Вещи свои собрала и тихо подождала меня возле выхода, пока я преподам твоему кавалеру небольшой урок в плане того, как следует вести себя с малознакомыми дамами.

Разворачиваюсь, демонстративно отходя в сторону. Без лишних слов. Выплеска негативных эмоций. Пробираюсь к барной стойке, приютившей остаток "друзей". Забираю вещи, направляясь к светящейся табличке, указывающей на выход. Алкоголь как-то в миг отпустил сознание, лишь слегка замедлив координацию, спутывая ноги. Поднимаюсь по винтовой лестнице, не встречая на ней ни души. Возникает

ощущение, что всё хотят только спуститься, не желая покидать столь иной, подчиняющийся своим правилам мир.

Вдыхаю прохладный воздух, оказавшись в привычной реальности. Слыша гул проезжающих мимо машин. Оказавшись под фонарём, потираю усталые глаза. Беглый взгляд на часы. Три пятнадцать. Ночи? Утра? Нахожу в сумке телефон, боязливо снимая блокировку экрана. Восемнадцать пропущенных. С двух номеров. Морщусь, предвкушая назревающий скандал.

– В машину, – строго командует рядом, на пару шагов обгоняя. – Мне не с руки с тобой пол ночи нянчиться!

– Куда ты меня отвезёшь? – уточняю, с долей обречения в голосе, забравшись в тёплый, уютный салон.

– Память отшибло? – ухмыляется, заводя мотор. – Выпила столько, что хватило забыть, где живёшь?

– Прекрати издеваться! – выпаливаю с долей обиды. – Кто ты вообще такой и с какой стати следил за мной остаток вечера?

– Присматривал, – поправляет ехидно. – Как видно не зря. По имени я тебе уже представлялся, – скалится, оголяя клыки. Пронзая остротой взгляда. – Была б моя воля– занялся более приятными вещами, чем разгребанием вокруг тебя очередного дерьма.

Поджимаю губы, отворачиваясь в сторону двери. Не выдерживая банальных фраз, оголяющих истинную суть. Вырисовывающую жирной окантовкой, сквозь фальшь и игру,

неприглядную правду.

– А кто я? – лукаво улыбается, давя жесткостью голоса. – Ты, родная, ещё не поняла? Твой ангел—хранитель, способный разрешить всё и вся, – заходится в голос смехом, пронзающим мелкой дрожью всё тело. Без тени эмоций, сухо продолжая: Или усложнить тебе жизнь, если поступит соответствующий приказ.

– Кирилл… – запинаюсь на полуслове, исподлобья наблюдая его напряженные черты лица.

– Можно без отчества, – бросает надменно, не отвлекая взгляда от созерцания дороги. – Слушаю Вас внимательно, Кристина Владимировна.

– Зачем он всё это делает? – хмурюсь задумчиво, глядя в отблески лобового стекла.

– По доброте душевной, – распаляет на губах вполне человеческую улыбку. – Не веришь, что такое возможно?

– Благодаря Вам, Кирилл Леонидович, – произношу с интонацией, словно обращаясь к важному должностному лицу, – Я уже никому не верю.

– Может это и правильно, – окидывая меня оценивающим взглядом, произносит спокойно. – А вообще, всё в твоих руках. Хочешь прекратить излишнее внимание к своей персоне – веди себя более лояльно. Таких, как Всеволод, притягивают сложные задачи. Непокорность. Недоступность. Измени тактику поведения и он остынет.

Усмехается криво:

– Мне работы в разы поубавится! Задолбался уже за тобой носиться по городу, точно приклеенный. Твоё отсутствие личной жизни провоцирует и в моей полный штиль. Никакого морального удовлетворения! – выносит ожесточенный вердикт. – Ладно ты, соплячка, но в мои двадцать восемь, считаешь нормой так жить?

– Понятно, – берусь за ручку, намереваясь покинуть автомобиль, успевший остановится возле моего подъезда. Оборачиваюсь, окидывая его холодом взгляда. – Ты мотивируешь меня лечь под своего хозяина?

Кривится, распаляя на губах улыбку, театрально вздыхая:

– Господи! —Ведь можешь же, когда хочешь! И умница, и красавица, и меня понимает с полу слова! Создай мне ещё такую! Тягаться за эту с Баженовым мне не под силу!

– Прекрати ёрничать, – фыркаю выражая своё недовольство. – В свою очередь, милый, советую тебе, пока не поздно, сменить работу, иначе в личной жизни так ничего и не изменится.

Выхожу из машины, слыша в догонку:

– Какая самоуверенность, Кристина Владимировна! Одумайтесь! Это его и привлекает!

Глава 5

Утро выдалось безрадостным. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь шторы, не способствуют повышению настроения. Голова нещадно болит после выпитого алкоголя. Горло пересохло и ужасно хочется в туалет. А я всё лежу в постели, имитируя глубокий сон, слыша за дверью шорохи шагов и прочие звуки, сообщающие о присутствии в квартире родителей. Тихие разговоры. Строгий, недовольный тон отца. Лежу и жду с минуты на минуту вторжения на мою территорию, сопутствующего разбора полетов моего недавнего поведения. Сердце неустанно стучит, вызывая сильную пульсацию в висках и прокалывающие боли, отдающиеся в затылке.

Какого черта я не поехала домой? Вопрос риторический и ответ на него не способен повлиять на грядущее наказание. Уменьшить его. Скрасить существование. Хоть как-то помочь в сложившейся ситуации.

Взгляд падает на мобильный, лежащей возле подушки. Девять тридцать утра. Звуки шагов, затихшие возле двери. Сердце словно с грохотом падает вниз, заставляя замереть. Ладони в миг холодеют, покрываясь липким потом. Поворачивающаяся ручка двери. Не дышу. Ожидая.

– Не буди её, Вов, – доноситься мягкий мамин голос. – Поговорите, когда вернёмся. Остынешь немного.

Закусываю губы до боли, сжимая меж пальцев одеяло, на-

тянутое до самого подбородка. Ручка плавно возвращается в исходное положение. Звуки шагов затихают, удаляясь от моей двери в пространство квартиры. Ещё минуту лежу, практически не дыша. Хлопает входная дверь и всё вокруг замирает. Глубоко выдыхаю, срываясь с постели в сторону туалета. Заглядываю на кухню, находя на столе сервированный завтрак и чашку горячего кофе. Рядом клочок бумаги с размашистым маминым подчерком, гласящим:

– Уехали в Москву, будем завтра к вечеру. Веди себя хорошо. Целую!

Кляну себя на чём свет стоит за предыдущий вечер. Наверняка они слышали, во сколько я заявилась. Сброшенные кое-как туфли в прихожей. Валяющаяся рядом сумка. Запах алкоголя, исходящий из моей комнаты, говорит сам за себя. Нравоучений не избежать. Отстрочка разговора не сведет его на нет.

– Чтоб тебе провалиться, Баженов! – в сердцах произношу злобно.

От чего-то уверенная: не будь его присутствия рядом – вечер прошел бы совсем по-другому. Ярость, как известно, необходимо на кого-то направить и моя обретала виновника в его обличие. Не будь рядом этого напыщенного гада – жизнь шла бы своим чередом, не вовлекая меня во все тяжкие. Не провоцируя вести себя так, словно иду против всех. Папу обидела… Не припомню, когда прежде могла позволить себе подобного выплеска. Да и повода не было. Мама

явно не находит себе места, гадая, что нашло на непутевую дочь. А причина всему естественно он! Кто ж ещё..? Ладно. Знаю. Сама виновата. Только обвинять другого в своих бедах, конечно же, проще.

День сегодня свободный. Планов изначально я не имела, и провести его в постели, пребывая в лениво-пессимистичном настроении, значилось единственным пунктом в программе максимум. Через силу допивая кофе, вдруг едва ли поперхнулась от поступающего на мобильный звонка. На дисплее красуется короткое имя, вызывающее на лице гримасу брезгливости. И не понятно полностью к кому она больше относится: к человеку, звонящему в данный момент или ко мне…

– Да, – бросаю, глубоко выдыхая.

– Как головка, милая? – уточняет ехидно. Ни тебе здравствуй, ни вежливого тона. Никакого уважения. С чего бы, правда? Ясно, что сама напросилась. Да и воспитание данного объекта желает лучшего. Хотя и моё сейчас кажется очень прискорбным.

– Нормально, – произношу недовольно, взаимно не размениваясь на показ хороших манер.

– Пивка не завести? Я как раз проезжаю рядом.

– Выполняешь очередной приказ начальства?

– Нет, – парирует весело. – Решил по доброте душевной помочь ближнему справиться с похмельем.

Фыркаю в голос, пытаясь унять нахлынувшее раздражение, а он продолжает:

– Машины твоего отца поблизости не наблюдаю. Ну, так что? На кофе позовешь?

– Перебьешься, – бросаю резко.

– Нет в тебе ни грамма сострадания, Кристина Владимировна! – заходится звонким смехом. – Человек из-за тебя ночь не спавши, таскаясь без пользы и личного удовлетворения по злачным местам. С утра готов помочь поправить твоё физическое состояние прохладительным напитком, а ты даже не в силах поощрить мои благие порывы чашечкой горячего кофе.

– Кирилл Леонидович, завязывай ёрничать, – произношу безразлично. – Не до тебя сейчас.

– Да без вопросов, – отвечает вполне серьёзно. – Сегодня посиди дома, или хотя бы не ищи приключений на свой привлекательный зад, а то у меня выходной и тратить его на дурёху вроде тебя, мне не с руки.

– Иди ты… – выпаливаю рассерженно.

– Значит, договорились, – отзывается глухо, обрывая разговор.

Откидываю телефон в сторону, не желая ни с кем разговаривать. Прямиком возвращаюсь в постель. Звонить больше врятли кому-то придет в голову, а перед завтрашним спектаклем необходимо привести себя в норму, отдохнуть и хорошенько выспаться.

Вечер приблизился необычно скоро. За прошедшие часы звонила лишь мама, справляющаяся о моём самочувствии.

Разговор с ней вышел коротким. Немного напряженным, но не вмещающим в себя каких-то нотаций, нравоучений. По поводу отца мне было сказано лишь:

– Приедем – поговорите.

Будь так. Это лучше, чем эмоциональный выплеск по телефону. Не видя глаз собеседника. Лучше, чем глупые обиды и недосказанность. И всё же… гнетет где-то в глубине души. Тянет грузом. Последний наш разговор на приёме не идет из памяти. Оказывается, так просто обидеть самого близкого человека, вовсе не желающего тебе зла. Это необходимо исправить…

Утро следующего дня принесло с собой больше успокоения и рассеяло в потоке солнечного света тревоги, одолевающие меня во снах и наяву в течение ночи.

Скорые сборы в институт. День, промелькнувший, словно кадр фильма в ускоренной перемотке. И вот я уже гоню по узким городским улочкам, на вечерний спектакль. Всё как обычно. Спокойно. Не напрягающе. Только сердце отчего-то последние часы не на месте. Переживаю перед вступлением? Премьера прошла на ура и повода для нервозности с утра я вовсе не ощущала. Волнуюсь в преддверии разговора с родителями? Это как раз более правдоподобно.

Бросаю беглый взгляд на часы, расположенные на приборной панели. Мама звонила три часа назад. В ближайшее время они должны быть в городе. Надеюсь к моему приезду домой папа, прислушавшись к маме, немного остыл и скан-

дал с порога меня не застигнет. Хотя, скорее всего, это будет строгий выговор в виде длительного монолога, в который невозможно вставить и единую реплику в своё оправдание. Да пусть так. Улыбаюсь тихо. Это лучше его молчания. Пожурит для дела, после обнимет, взглянет с теплотой, присущей лишь единому человеку…

Осекаю в себе желание ежесекундно набрать знакомый номер, выпалив как на духу, банальное:

– Папуль, привет, я соскучилась…

Правда. Эти дни, без привычного общения, мне безумно не хватало его участия в моей жизни… Пожалуй, не стоит столь импульсивно беспокоить. Порыв нежности вполне потерпит до личной встречи, а там уж брошусь в объятия. Может быть, и влетит поменьше. Может…

Стандартная подготовка в гримерке. Снующие туда-сюда костюмеры. Всё как обычно. И что-то не так. На душе муторно. Стою у окна, напряженно вглядываясь в пейзаж за окном. Стараюсь выкинуть из головы ненужные мысли.

Отчего же так тягостно, Господи? Словно что-то должно…

– Котова, – недовольный тон худрука, зашедшего в гримерку сбивает с мысли . – Давно пора направляться к выходу. Или первый акт ты решила отыграть здесь?

– Иду, – неловко улыбаюсь в ответ.

Кладу на свой столик мобильный, едва не роняя его на деревянную гладь, ощущая в последний момент вибрацию вы-

зова, проходящую по пальцам. На экране высвечивается имя распорядителя отца. Нахмурившись, с пару секунд, вглядываюсь в яркую надпись. С чего ему мне звонить в такое время?

Собираюсь нажать "ответ", слыша буквально под ухом:

– Бегом на сцену, или в следующий раз я поставлю тебя в массовку!

Выдыхаю, натягивая на лице маску довольствия. Одариваю его своей лучшей улыбкой, отправляясь выполнять свою работу. Игнорируя продолжающий звонить телефон. Исходя внутри отчаянным желанием броситься к нему, наплевав на обязанности и ответить на вызов. Отчего-то кажется, что этот звонок нельзя было пропускать.

Немного отвлекшись на сцене, я вполне могла бы похвастаться душевным спокойствием и внутренним подъёмом. Но стоило только занавесу коснуться пола – тревожные мысли вновь захватили над сознанием власть. Я буквально бежала в гримерку, желая перезвонить Павлу. Узнать, что такого важного (а в этом сомнений у меня не было), он хотел мне сказать.

Открыв дверь гримерки, я замерла, оторопев. На моём стуле, опустив взгляд в пол, сидел сам Павел Давыдович, нервно крутя в руках свой телефон. Светлана, находившаяся поблизости, смотрела на него крайне заинтересовано. При взгляде на меня она неловко пожала плечами, убеждая жестом в невозможности объяснить его странное появление

здесь.

– Добрый вечер, Кристин, – точно опомнившись, встаёт с места, подходя ко мне. Молча заключает в объятия, по привычке, легонько похлопывая по спине.

– Добрый, Павел Давыдович. Простите, не могла ответить… Судя по тому, что вы здесь, это был важный звонок?

– Да, – на мгновение, замявшись, хмурится, вглядываясь в мои глаза.

– У вас появились какие-то срочные вопросы? – с полным недопониманием, смотрю на него, пытаясь разобраться с причиной внезапного появления. – Я мало что знаю в делах отца и, для решения любой проблемы, вам лучше дождаться его возвращения.

– Я знаю, Кристин, – отводит в сторону взгляд, не переставая нервно крутить в руках телефон. Не припомню за ним подобного поведения. Точно наркоман в период ломки, находящийся на взводе и, старающийся не выдать своего самочувствия.

– Дело не в этом…– мнется так и не решаясь продолжить разговор. – Во сколько ты сегодня заканчиваешь?

– Через полтора часа, – отвечаю, начиная нервно хихикать. – Папа решил, что за мной требуется присмотр и послал вас сюда? Что за бесстыдство пользоваться дружбой ради удовлетворения своих интересов! Павел Давыдович, неужели вы, как здравомыслящий человек, не смогли его переубедить, объяснив, что до дома я вполне способна добраться без

сопровождения?

– Мне бы твоё веселье, Кристин, – улыбается грустно, поспешно отводя глаза. – Переодевайся. Я сейчас выйду. Буду ждать тебя здесь по окончанию спектакля.

– Хорошо, – непонимающе киваю в ответ.

Весь последующий час мысли скачут как блохи, то и дело возвращаясь к необъяснимому визиту Павла. Если бы не суфлер, работающий сегодня на пределе возможного, я вполне пропустила бы пару—тройку своих реплик.

Войти в роль, как того требуется, не удавалось и недовольство, исходящее от худрука, стоявшего за кулисами, чувствовалось спиной, в которую то и дело упирался ледяной взгляд.

Последние секунды до полного закрытия кулис. Труппа неспешно покидает сцену, а у меня возникает ощущение, точно мои ноги приросли к полу. По позвоночнику прокатывает волна дрожи, приносящая с собой леденящий страх.

Ладони вмиг становятся потными, а в горле возникает ком, мешающий нормально дышать. Паника захватывает полностью, сковывая движения. Колени медленно поднимаются и, заставить себя сделать шаги в сторону выхода, представляется мало возможным. Короткими вдохами пытаюсь восстановить сбившееся дыхание, оседая на месте. Гляжу в одну точку, пытаясь понять, что со мной происходит. Проанализировать причину. И… не могу.

Чувство страха. Отчаянное. Дикое. Сильное. Не понимаю, откуда оно взялось. Из глаз медленно катятся слёзы. Беззвуч-

но. Не вызывая и единого всхлипа. Сильным потоком. Время застыло. Я сижу, кажется, уже целую вечность, обхватив колени руками, опустив голову вниз. Не в силах подняться.

Обычно свет выключают по прошествии десяти – пятнадцати минут, но он до сих пор горит, освещая уголки сцены.

– Кристюш, – раздается поблизости едва различимый голос Павла.

– Не называйте меня так, – резко бросаю в его сторону, не задумываясь о произнесенных словах.

– Откуда ты знаешь? – прочистив горло, произносит глядя в глаза.

– Что? – вопросом на вопрос отвечаю на выдохе, ощущая, как начинаю дрожать ещё сильнее.

– Кто тебе сказал? – повышает голос, искривляя лицо. – Астахов? – затихает на секунду, не позволяя собраться с мыслями. – Гадёныш! Вечно лезет не в своё дело! Просил же не сообщать ничего по телефону…

– Вы меня пугаете, Павел Давыдович… – роняю тихо, ловя губами солёные слёзы.

– Они не успели ничего сделать… Кристин… Володя… – зажмуривает глаза, отворачивая голову в сторону. Продолжая, спустя короткую паузу:

– Марина сейчас в операционном зале и…

Дальше я уже не услышала, в один миг оглушенная в висках барабанной дробью, разошедшегося сердца. Увидев перед глазами глубокую темноту.

Резкий запах нашатыря, бьющий в нос, – первое воспоминание после беспроглядной тьмы, в которой какое-то время мне давилось пребывать. Голова нещадно раскалывается в районе затылка. Перед глазами плывет. Размытый образ Павла и худрука, бессвязно говорящие какие-то слова. Зажмуриваю глаза, желая вернуться в спокойствие тьмы. Крепкие руки до боли сжимают мои плечи, тряся из стороны в сторону. Кто-то заставляет меня пребывать в сидячем состоянии, напряженно поддерживая со спины.

Не вижу. Не слышу. Не хочу понимать происходящего!

Хлесткий удар по щеке провоцирует вздрогнуть всем телом. Отчаянно взвизгнуть, подав признак возвращения в реальность.

Открываю глаза, слыша где-то поблизости:

– Вот так, Кристин. Всё в порядке. Пришла в себя.

– Что произошло? – задаю самый глупый вопрос из возможных в этой ситуации.

– Всё будет хорошо, – отзывается Павел. – Сейчас ты переоденешься и мы поедем домой. Лана поможет снять платье.

– Да, конечно, – не своим голосом отзывается коллега.

– Сможешь сама идти? – мягко и неуверенно уточняет Павел.

– Да, – отвечаю почти беззвучно, с его помощью поднимаясь с холодного пола.

Полутемные коридоры кажутся бесконечными. Или мои

шаги слишком медленны? Словно во сне, передвигаюсь, опираясь о стену. Словно на ощупь. В тишине, которую никто не решается нарушить.

Платье падает на пол, едва за нами захлопывается дверь.

– Мне очень жаль, – робко произносит Светлана. Как ответ лишь киваю, смутно понимая, к чему относятся эти слова. Стою истуканом, позволяя производить вокруг себя нехитрые манипуляции по смене моего облика. Время точно остановилось. Сознание изжило из себя все мысли. Словно защищая и без того надломленную психику, от контрольного срыва.

Не помню, каким образом я оказалась в машине Павла. Бьющий свет фонарей по глазам, будто яркие вспышки невидимого затвора, отмеряют сотни метров, исчезающих под колесами в темноте опустевших, точно вымерших улиц.

Смотрю на него, устремившего взгляд на дорогу. Сжимающего руль до побелевших костяшек на фалангах пальцев. Искривившего напряжением мышц линию тонких губ. Словно боящийся того, что без этого усилия они будут дрожать, отражая весь спектр эмоций и чувств.

Отворачиваюсь к окну, не спрашивая, куда мы едем. Вокруг мелькают мало знакомые дома. Не понимаю маршрута, да и не стараюсь вникнуть в его суть. Скидываю туфли, поджимая под себя ноги. Безнадежно обхватываю колени руками. Ощущая внутри болезненную пустоту, словно расширяющуюся с каждой секундой и, грозящей вырваться наружу

диким, животным криком бессилия. По щекам вновь катятся слёзы. Беззвучно. Вызывая лишь легкое вздрагивание пересохших, обожженных солью губ. Пытаюсь закрыть глаза, перекрыв доступ прорвавшейся плотине, ощущая на плече легкое поглаживание. Мягкий голос заставляет повернуться, распахнув опухшие глаза.

– Выпей это, – протягивает в мою сторону небольшую стальную фляжку, украшенную блестящей, в переливах фонарей, гравировкой.

– Не лучшее успокоительное, да другого сейчас не имею.

Не задавая вопросов, неумело откручиваю стальную резьбу, делая щедрый глоток алкоголя. Губы нещадно начинают щипать, а по горлу вниз, словно скатывается огненный шар, выжигая внутренности до пепла.

Говорят, если чувствуешь физическую боль, – значит ты ещё жив. В моём случае, кому от этого легче?

Жадно допиваю оставшуюся во фляжке жидкость, смутно веря в ее успокоительные свойства. Алкоголь не приносит облегчения. Не унимает боль. Не заполняет вакуум. Он оголяет душу, словно острый скальпель, освежая края кровоточащей раны.

Подъезжаем к высокому шлагбауму и невзрачной на вид, словно необитаемой охранной будке. "Проезд строго по пропускам", гласит яркая надпись на белом фоне. Впереди виднеются невысокие серые больничные корпуса, точно завуалированные редкими посадками деревьев, имеющих пыш-

ные кроны.

Павел практически бесшумно покидает машину, исчезая за дверью, пропускающей на улицу тусклый свет. Я не спешу выходить, зная наперёд, будет необходимо, меня позовут. Минуты тишины наедине с собой, действуют ещё более убивающе. Включаю радио, пытаясь заглушить собственные мысли, снующие лишь в одном направлении. Чего мне следует ожидать переступив порог этого здания?

Не хочу думать заранее. Не хочу принимать мысль, как данность. Ничего плохого не произошло! Не могло произойти! Это чья-то злая шутка, которая заметно подзатянулась. Всё будет хорошо. Так ведь обещал Павел? Я всегда верила его словам… Отчего слепо не принять их сегодня?!

Возвращается, садясь за руль. Молча переключает рычаги, заезжая под поднявшийся вверх шлагбаум. Паркуется напротив широкого, серого крыльца, корпуса с высокими колоннами у входа.

Выхожу, не дожидаясь команды. Поднимаюсь по узким ступеням. Догоняет у двери, слегка сбив дыхание. Проходим внутрь. В нос бьет своеобразный запах, присущий любым лечебным учреждением. Тяжесть воздуха давит на лёгкие, сжимая виски от нехватки кислорода, поступающего в кровь. Сердце словно стучит через раз, замедляя ранее ускоренный ритм. Хватаю за руку Павла, останавливая его достаточно быстрый шаг.

– Постойте, – произношу не своим голосом. Охрипшим

от слёз. Затихшим почти до шепота.

– Кристин, надо узнать как всё прошло… если закончилась операция, – напряженно проговаривает, заметно прикладывая серьёзные усилия, чтобы голос звучал как можно спокойнее.

– Павел Давыдович, – пытаюсь улыбнуться, ощущая, что проваливаю эту нелепую попытку. Моё лицо, словно в насмешку над подсознанием, искривленное страхом и неизбежностью, с разводами туши под заплаканными глазами, отражается в зеркале фойе. – Расскажите мне, что произошло, – выдавливаю из себя дрожащим от отрицания голосом.

– Астахов не объяснил? – непривычно тушуется под моим пустым взглядом.

Что тут объяснять? Кажется, я поняла всё, едва увидев Павла в гримерке. Поняла… Не в силах принять. Допустить мысли, что с родителями могло что-то случиться. Осознать, собрав информацию по обрывкам фраз, что моя мама в данный момент… а отец…

Господи, голова идет кругом! Я не осмеливаюсь даже мысленно произнести это слово, не то, чтобы запустить в голове логическую цепь обличающую происходящее. Нет! Этого не может быть! Я разговаривала с мамой с утра. Погода была прекрасной, и в её голосе не было и намека на какое-то беспокойство, дурное предчувствие… Чёрт, о чём я вообще думаю? Как это связано?

– Я не разговаривала сегодня с Ваней, – точно китай-

ский болванчик, совершающие противоположные обыденности действия, мотаю головой из стороны в сторону, пытаясь избавиться от обрывков мыслей, наполняющих голову. Алкоголь сделал своё дело, сломав незримый щит отрицание действительности и от настигающих эмоций уже нет спасения. При желании некуда деться.

– Мне тяжело об этом говорить, – произносит, словно выдавливая из себя каждое слово. – Кристин, я и сам ещё толком не знаю всех обстоятельств. Приехавший на место аварии инспектор, позвонил мне, потому что номер значился последним в вызовах, а искать в телефоне имена родственников не было возможности. Я сам смутно помню разговор с ним. Первая реакция– это шок. С трудом понял, о чём он вообще мне говорит… Выехал на место, а там… Тридцать километров от города… Их уже отправили в больницу. Машину я узнал, разве что, по цвету кузова и номерам. Это разбило последнюю надежду о возможной ошибке… Кристин, ты вообще меня слышишь? – уточняет, встревожено глядя на меня.

– Да, – произношу на выдохе, закрывая лицо руками. – Но не понимаю ни единого слова. – Обреченно всхлипываю. – Не хочу понимать…

– Пошли… – обнимает за плечи, тяжело вздыхая. – Надо узнать как у Марины дела. Слезами ты сейчас не поможешь.

Широкие больничные коридоры, выкрашенные в светлые тона, которые, словно в противоречие изначальной задум-

ке, давят на сознание, а не действуют расслабляюще. Редкий медперсонал, проходящий мимо с таким выражением лица, будто нас просто не замечают. Некоторые словно нарочно устремляют взгляд вдаль или в пол, лишь бы не встречаться со мной глазами.

Синие бахилы на ногах, взявшиеся ниоткуда, белый халат на плечах. Самопроизвольно скатывающиеся из глаз слёзы. Всё как во сне. И этому не видно конца. Горящая табличка, с надписью "посторонним вход запрещён ", в конце одного из коридоров. Грузный мужчина, с головы до ног упакованный в одноразовое обмундирование: синие бахилы, перчатки, халат, маска, шапочка. Из-под всего этого видны только серьезные глаза и широкие, напряженные брови.

Пятиминутное объяснение с Павлом. Перестаю вникать в слова после услышанного:

– Перелом позвоночника… черепно—мозговая травма… мы делаем всё возможное…

Отпускаю руку Павла, до сих пор крепко удерживающую меня на тонкой грани надежды. Еле волоча ноги, дохожу до угла, плавно оседая в него по стене. Не слышу, что твориться вокруг, не различаю слов. Закрываю глаза, не плотно смыкающиеся под потоком льющихся слёз. Этот человек говорил лишь о маме, а отец… Нет. Не верю… Нельзя даже допускать этой мысли. Она не может быть правдой!

Веки тяжелеют. Руки безвольно опущены вниз, словно плетья. Чувствую, как меня трясет и не понимаю причи-

ны происходящего. Закусываю губы до боли, сдерживая безвольный крик, грозящий взорвать тишину окружающего пространства. Необходимо держать себя в руках. Надо. Для чего? Мысли спутаны. Обрывки фраз всплывают в сознании. " Перелом позвоночника… черепно—мозговая…" заезженной пластинкой пульсирует где-то в висках. Это не может быть правдой. Чем я это всё заслужила?

Издаю болезненный стон, ощущая участившуюся тряску. Это не озноб, пронзающий тело. Влияние извне. Тёплые поцелуи на щеках и голос, звучащий, словно эхо в пустой комнате:

– Крис, пожалуйста, посмотри на меня, – умоляющий тон, заставляющий приоткрыть непослушные глаза.

– Вань, папа… – не могу произнести большего, срываясь на жалобный писк. Обхватываю его шею руками, сжимая до боли в суставах. Не в силах более сдерживать натиск эмоций, разрываюсь слезами, горько всхлипывая на его плече. Звуки отдаются эхом в пустом коридоре. Устрашающе отражаются от стен, став похожими на вой раненного зверя. Что-то говорю, мало отдавая себе отчёт в льющихся потоком бессвязных словах. Он тихо гладит меня по голове. Прижимает сильнее, сдерживая вибрацию моего тела. Истерику, грозящую перейти в неосознанный крик.

Я всё ещё что-то бормочу, всхлипывая и вздрагивая в его руках. Заливаю слезами, пахнущий родным запахом свитер. Затихаю и взрываюсь вновь. Резко. Не в силах контролиро-

вать перемены громкости голоса. Ощущая полное опустошение. Бессилие. Моральное. Физическое. Не способность повлиять на ситуацию. Изменить. Предотвратить. Повернуть её вспять.

Хлопнувшая поблизости дверь. Глухой голос заставляет обратиться в слух, приподняв голову вверх, зажмурив от яркого света, словно засыпанные песком глаза.

– Состояние стабильно—тяжёлое. Операция прошла успешно. Говорить о дальнейшем можно будет по исходу двух суток…

Кажется, в этот момент я вообще не дышу. Не живу. Существую на грани. Держась из последних сил.

Подаю голос, прочищая пересохшее горло:

– Можно мне её увидеть..?

Слышу в ответ безразличное, категорическое:

– Нет.

– Езжайте домой, – произносит более мягко. – Здесь вы сейчас ничем не поможете. Мы сделали всё необходимое. Теперь всё зависит от способности к восстановлению её организма.

– Я останусь, – безвольно склонив голову на Ванино плечо, парирую сухо.

– Врач прав, – неловко врезается в разговор Павел. – Всё будет хорошо. Марина справится, а тебе необходимо немного отдохнуть.

– А папа… – стискивая губы до боли, буквально впива-

ясь в кожу зубами, произношу быстро, боясь озвучить мысль до конца. Не говорить сейчас о нём, будто не вспоминая о присутствии в этой ситуации. Создать иллюзию о том, что в машине его не было вовсе намного проще, чем обличить реальность в слова. Он просто ещё не вернулся из рабочей поездки. Задержался на время. Не смог быть рядом со мной в этот тяжёлый момент.

Подсознание отчаянно настаивает на этом. Хватается, как за соломинку в эту спасительную мысль. Отвергает неизбежное. Позволяя уверовать в то, что вот-вот он появится в этом неуютном больничном коридоре. Прижмет к груди, крепко удерживая в объятиях. Успокоит одним присутствием рядом. И, откинув в сторону все разногласия, былые обиды, прошепчет на ушко, с особой интонацией, так, как умеет лишь он:

– Кристюш, всё будет хорошо…

Зажмуриваю глаза, не способная сдержать вновь хлынувшие потоком слёзы. Я поверю любым словам! Безоговорочно! Только бы он…

– Я возьму на себя все необходимые процедуры, – отстраненно отвечает Павел. – Выведи её на воздух. Дождитесь там. Мне необходимо зайти… Они требуют… – глубоко выдыхает, потирая виски большими пальцами, с надрывом в голосе, произнося последнее слово, – …опознания.

– Я… – порываюсь встать, удерживаемая в крепком замке Ваниных рук.

– Крис, – останавливает серьезным тоном, – Милая, ты пойдёшь со мной. Сейчас тебе не стоит этого видеть.

– На улицу, – безапелляционно произносит Павел. – Попроси у медсестры на выходе, для неё чего-нибудь из успокоительного, – бросает в сторону Вани.

– Не спиртное? – неловко отзывается в ответ.

– Не разрешат, так возьми в моём багажнике бутылку и дай ей выпить ещё. Это лучше, чем то состояние, которое её вскоре настигнет.

Бросает ключи, ловко пойманные в полёте. Безвольно сижу, полуприкрыв глаза. Смутно понимая, о чём говорит Павел. Может быть хуже? Разве такое возможно?

Без доли сопротивления, вслед за Ваней поднимаюсь с холодного плиточного пола. Бережно поддерживает меня под локоть от падения, увлекая в сторону выхода. Мысленно усмехаюсь превратностям судьбы. Он ведёт себя так, словно я хрустальная статуэтка, готовая рассыпаться на сотни мелких осколков при малейшем повреждении. Его глаза наполнены неподдельным беспокойством и… чем-то большим, ранее не проскальзывающим во взгляде. Сочувствием? Страхом? В другой ситуации я бы сказала: любовью. И согласилась бы в это поверить… Во что угодно, лишь бы отвлечься от мыслей о родителях, которые сейчас с большим трудом купирую в самом зачатке. Павел прав. Необходимо напиться. До потери сознания. Возможно, так станет легче. Возможно…

Путь на улицу кажется более близким, чем предыдущее плутание в хитросплетении пропитанных лекарственным запахом коридоров. Он молчит, взяв меня за руку, а я, желая урвать хотя бы каплю столь необходимого тепла, ощущения надобности, присутствия, сокращаю расстояние до минимума, прижимаясь плотнее.

Поток воздуха освежающе бьет в нос. Облегчает дыхание и, кажется, скидывает хоть на грамм ту усталость, подавленность, что активно чувствовалась в больнице. В помещении, тяготящем одним внешним убранством. А если задуматься, что в это время твой… близкий человек… Господи, не надо, пожалуйста! Не позволяй мне принять эту мысль!

Ваня оставляет меня на крыльце, накидывая на плечи свой пиджак, а сам спускается к машине Павла, вытаскивая из багажника резную бутылку коньяка. Быстрым темпом передвигается к своему автомобилю, забирая что-то с передних сидений. С расстояния в десяток метров не разобрать. Да и не это сейчас приковывает мой взгляд. Не отрываясь, смотрю на машину, припаркованную немного сбоку. Двигатель выключен. Свет фар притушен. Салон выглядит абсолютно пустым. Если не учитывать тот факт, что за тонировкой стекла легко может скрывать своё присутствие тот, кто не спешит себя афишировать. Смотрю на заднее боковое. Не отводя глаз. Ощущая физически, будто он столь же внимательно рассматривает меня. Хочется подойти в ту же секунду, со всей силы ударив ногой по двери. Выплеснуть ярость,

огненным комом возрастающую внутри. Отчаянно прокричать:

– Это всё из-за тебя! Это ты во всём виноват! Не будь этой чёртовой встречи – всё в моей жизни было бы иначе! Ты сломал всё… Господи…

Колени безвольно подгибаются и я сажусь на крыльцо, глотая слёзы, проговаривая беззвучно одним движением губ:

– Ты сломал мою жизнь, запустив вереницу событий… Ты убил меня той встречей, Всеволод… И ничего уже не изменить…

Ваня подлетает ко мне крайне быстро. Будто в этот момент мне нужна его помощь. Наверное, со стороны так и выглядит, а на деле, именно сейчас я ни в ком не нуждаюсь. Лучшим вариантом было бы забиться в угол, где никого нет. Или укрыться в толпе безразличных к чужим чувствам людей.

– Крис, ты в порядке? – присаживаясь напротив, опирается коленями в ступени, не страшась запачкать светлые джинсы.

Устало смотрю на него, смутно понимая, как в подобной ситуации правильно будет ответить.

Делая усилие над собой, шепчу тихо:

– Спасибо тебе.

– Давай забудем всё, что было раньше, – еле слышно парирует в ответ.

Не продолжая более разговор, видно решив, что сейчас он

совсем бесполезен, пододвигается ближе, закрепив руку на моём затылке, аккуратно касается своими моих губ. Не раздумывая над правильностью своих действий, отвечаю, обвивая его шею руками. Как бы оно ни было после, своим присутствием рядом он позволяет мне не сойти с ума от отчаяния и безысходности, затаившейся где-то внутри. Наверное, лучше было бы выпустить эти эмоции, не накапливая, прессуя. Нареветься вдоволь, поддавшись бессилию. Накричаться до хрипоты. Только, разве всё это поможет? В объятиях Вани, на миг, реально обмануться, что жизнь повернулась вспять, вернув былую легкость мышления и бытия. Сейчас он привычно отвезет меня домой, а там, в тепле и уюте, будет ждать моя семья…

– Давай напьемся? – произносит с хрипотцой в голосе, завершив долгий, бесспорно, отчасти приятный поцелуй. Откупоривает стоящую рядом бутылку, наливая содержимое в пластиковый стакан. Вверяя мне в руку кусок шоколадки.

– Ты за рулём, – бросаю достаточно резко. Смотрю на янтарную жидкость, кривясь от запаха. Неминуемо возвращаю взгляд к блестящему, будто только что отполированному автомобилю, стоящему слегка в стороне ото всех. И сердце вновь ускоряет ритм, наливаясь злостью. Если бы не он, я бы не поругалась с отцом и он… черт! Возможно, он был бы рядом… Был бы…

Делаю короткий выдох, осушая залпом половину стакана. Съеживаюсь, пытаясь унять горечь, разливающуюся по гор-

лу, вкусом молочного шоколада.

– Не могу тебя оставить одну, – голос звучит серьёзно и немного смущенно, что подсознательно практически настраивает на его правоту.

– А вы не торопитесь домой, молодой человек? – недовольным тоном влезет в разговор, оказавшийся за моей спиной Павел. – Или к девушке, вместе с которой вы были сегодня, в момент, когда притормозили на трассе у моей машины. Езжайте, – продолжает бесстрастно, не выказывая особой неприязни в ответ на гнев, плещущийся в глазах моего бывшего жениха. – Вступить в права наследства она сможет лишь спустя полгода, это я вам как юрист говорю, так что если вы настроились…

– Не стало Владимира Александровича, так теперь вы будете диктовать ей что делать? – выпаливает гневно, глядя Павлу в глаза.

– Заткнись, Вань, – бросаю резко, практически крича, пресекая их разговор.

– Извини, – произносит раздраженно, отворачиваясь в сторону. Перекатывает в руке связку ключей, отпирая брелком машину.

– Звони в любое время, если понадобится моя помощь, – вздыхает, больше не глядя в мои глаза, уходя в сторону рядом стоящего автомобиля.

Молча тянусь к початой бутылке, делая из горла крупный глоток алкоголя, не приносящего должного опьянения.

Неохотно встаю, поворачиваюсь в сторону распорядителя отца.

– Надо оставить номер телефона для связи… вдруг что…

– У них есть мои координаты, – отвечает, спускаясь.

Киваю в ответ. Ему лучше знать, что следует делать. Молча бреду в сторону автомобиля, припаркованного напротив лестницы. Стопорюсь возле двери, прижимая бутылку к груди. Смотрю на черный джип, борясь с желанием запульнуть в него стеклянной тарой, удерживаемой в руках.

– Ещё один воздыхатель? – с неприязнью усмехается Павел. – Держись подальше хотя бы от этого. Здесь я буду абсолютно бессилен.

– Вы лично знаете владельцев всех машин, зарегистрированных в городе? – скептически хмыкаю, отпирая дверь.

– Этого знаю, – отвечает спокойно, будто не замечая моего выпада. – Достаточно хорошо, чтобы утверждать: дружба с ним не принесёт тебе ничего хорошего.

Дружба… самое подходящее слово для описания вмешательства Баженова в мою жизнь! Так и хочется по-детски сдерзить в ответ, выплеснув наружу хоть немного боли и презрения, вызываемого ощущением присутствием Всеволода рядом. А в ответ на сочувствующий, отчасти, кажется, даже понимающий взгляд Павла, выжимаю из себя тихое:

– Спасибо.

Не желая повторения неконтролируемой ссоры, произошедшей с отцом по вине Баженова… Да кого я к черту обма-

ныва́ю? По моей вине. Только моей. И от этого груза невозможно избавиться… Я бы столько хотела сказать тебе, папочка…

Слёзы вновь пробивают дорогу по воспаленным щекам. Дыхание затихает, становясь абсолютно бесшумным. Взгляд зависает в одной точке, словно приклеенный к черному автомобилю, стоящему в стороне. Под запуск двигателя подношу к губам резную бутылку, делая большой глоток. Точно издалека слыша глухой голос Павла:

– Мне выдали и личные вещи. Марине в ближайшее время понадобится дорогостоящая операция. Возможно не одна. Ты знаешь коды карт, чтобы обналичить счета?

– Нет, – испуганно произношу в ответ. – На моей карте… – мнусь, понимая, что всеми финансами всегда заведовал лишь отец и я понятия не имею где хранятся его сбережения. – О какой сумме идёт речь? – уточняю осторожно.

– Понятия не имею, – уклончиво отвечает Павел. – Это станет ясно по истечению нескольких дней. Всё зависит от того, как организм твоей мамы отреагирует на сегодняшнее вмешательство… Поищем коды в бумагах Володи… Завтра соберу собрание акционеров и…, – вздыхает, обрывая фразу, коротко заключая:– Мы справимся.

– Да, – отвечаю, смутно представляя, что ожидает меня впереди. Орошаю горло алкоголем, уже не чувствуя горечи. Ощущая внутри глубочайшую пустоту, неизбежность, окутывающую меня плотным коконом.

Справимся… если это возможно. Главное, чтобы с мамой всё было хорошо…

Закрыв глаза, начинаю мысленно молиться, смутно припоминая нужные слова. Говорят, если они идут от сердца, не важно, нарушаешь ли ты при этом незыблемые каноны. Молитва, какой бы банальной она не была, спасает душу, направляя нас на истинный путь…

Глава 6

Переступая порог родительской квартиры, сердце нещадно щемило. Выключенный свет в коридоре. Пустота. Тишина, пугающая своей насыщенностью в привычном облике, до мелочей знакомых комнат, в миг ставших чужими. Утратившими свой уют, ощущение покоя, наполненности.

Привычный аромат, вещи отца на полках вызывают очередной приступ боли. Пронизывающей насквозь тонкой, острой иглой.

– Надеюсь, ты не будешь против, если я останусь? – уточняет Павел, проходя в глубь квартиры и попутно зажигая в комнатах свет.

– Боитесь, что я натворю глупостей? – безразлично следую за ним в сторону кухни.

– Боюсь, – вторит в ответ. Опускает руки от отодвинутой в сторону шторы, занавешивающей окно, выходящее вглубь двора.

– Постелю вам в зале, – сообщаю отрывисто, еле волоча ноги в сторону ванной. Желая смыть с себя усталость вкупе с гаммой столь неприятных, давящих впечатлений и эмоций этого дня.

Вода мгновенно дарит успокоение. Жаль, что его действие длиться совсем не долго. Мысли не исчезают полностью, словно пена в водосточной трубе, растворяющаяся под стру-

ями душа.

– Станет легче, – шепчу себе в сотый раз, словно мантры.

Натыкаюсь взглядом на принадлежности отца… Слёз уже нет. Вместо них по щекам текут чистые струи, а губы заходятся дрожью, выводя, заезженной пластинкой, одну и ту же фразу:– Прости меня… Пожалуйста…

Когда я вышла из ванной в квартире царила полнейшая тишина. Я бы подумала, что Павел уехал, да обратила внимание на плотно прикрытые двери зала. Свет потушен. Видно с ночевкой он вполне разобрался сам.

Моя комната встретила хозяйку ощущением гнетущей тоски. Всё вокруг выглядит так же как и минувшим утром и, в то же время, прежним уже не является. Фотографии на выступах книжной полки неизбежно притягивают взгляд, изображая бесценные моменты, которые больше не повторить. Улыбка отца, застывшая на лице в одном из снимков. Добрая, ласковая и такая редкая, родная… Понимаю руку, проводя по стеклу рамки кончиком пальца.

– Прости меня… Пожалуйста, – голос срывается на жалобный писк, хотя и звучит шепотом. – Я так сильно тебя люблю…

Превозмогая душевную боль, стараюсь закрыть перед глазами всплывающие в памяти картины воспоминаний, касаемых отца. С трудом отвожу взгляд от его глаз, запечатленных на фото. Таких же живых. Видящих меня насквозь. Обдающих неизменным теплом… Кажется, продолжи я смотреть

в них ещё с пару минут, строгость уйдёт, словно поднятый занавес и он, с улыбкой на губах, подмигнет мне, произнеся особым тоном:

– Кристюш, всё будет хорошо…

Безвольно двигаюсь к окну в желании запахнуть плотные шторы. Приоткрываю створку, наполняя комнату свежим воздухом. Или же избавляясь от обеденного запаха, навивающего болезненные воспоминания. Не могу дать отчёта в том, что именно тянет меня к окну в данный момент, мотивируя действия.

С улицы доносится убаюкивающий звук шелеста молодых листьев. Сжимая пальцы на кромке подоконника, опускаю взгляд вниз, упираясь в припаркованный буквально под окнами черный автомобиль с зеркальными номерами. Не думая, разжимаю пальцы, глубоко выдыхая, вытаскиваю из кармана пушистого халата телефон. Набираю короткий, простой для запоминания номер. Панель автомобиля, сквозь стекло, издает приглушенный свет и в темноте тонировка вовсе не скрывает присутствие водителя. Почему-то я уверена, что сейчас это место занято не Кириллом, а именно хозяином джипа. Возможно, в этот момент он слушает музыку или пьёт крепкий кофе. На часах уже за полночь. Как и Павел считает меня ненормальной? Считает, что я способна отворить окно, выйдя в него вместо двери или натворить что похлеще? Для чего ему дежурить возле моего подъезда? Неужели до него не доходит, что своим присутствием здесь

он делает мне только хуже? Впрочем… Я не уверена, что люди подобного склада ума, образа жизни и прочее, прочее, способны задумываться о чужих чувствах.

– Убирайся отсюда, – произношу безжизненно, едва первый гудок сменяется сосредоточенным: – Да.

– Я могу помочь, – парирует уверенно, не обращая внимания на мои слова.

– Точно, – бросаю устало усмехаясь. – Совсем забыла, что имею дело с великим и всемогущим! Хочешь помочь? Так верни мою жизнь! Отмотай назад до того дня, когда ты в ней появился и сотри напрочь все следы своего в ней присутствия!

Глубокий выдох, звучащий в трубке рефлекторно заставляет понизить голос до минимума, отчужденно произнося:

– Что молчишь? От смерти не откупиться даже всеми твоими деньгами? Так?! Значит ни черта ты не можешь… Убирайся прочь в свою беспроблемную жизнь.

Вытираю, скатывающиеся на губы слёзы, в сердцах выпаливая на едином дыхании:

– Ненавижу тебя! Ты последний в списке из тех, к кому бы я обратилась за помощью!

– Главное, что я в нём есть, – доносится из трубки резкое и напряженное. – Соболезную, – произносит совсем другим тоном, которого я прежде не слышала и обрывает разговор.

С пару минут всё так же стою у окна, отчуждённо смотря в окна дома напротив. Точно опомнившись, резко задергиваю

шторы, наспех скидывая одежду. Выключаю свет.

– Всё произошедшее сегодня не более чем плохой сон, – убеждаю себя, закрывая глаза.

Проваливаюсь в забвение за считанные минуты, кажется, во сне тоже плача. Видя тоскливую улыбку на неподвижных красивых губах отца. Снисходительный, понимающий взгляд, точно прощающий все прегрешения. Серьезный, строгий и нежный одновременно. Присущий лишь одному человеку, поистине любящему меня…

Утро не принесло облегчения. Самочувствие было такое, словно из меня высосали все жизненные силы. Неспешно поднявшись, первым делом подхожу к окну. Распахиваю шторы, зажмуривая глаза от яркого солнечного света. Необычная погода для Питера, большую часть начала лета, пребывающего под занавесом плотных кучевых облаков. Природа вокруг словно радуется чему-то, благоволит, а я, бросив мимолетный взгляд на опустевшее парковочное место, иду выбирать из своего гардероба темный наряд, более-менее соответствующий трауру.

Выхожу из комнаты на запах свежеваренного кофе. Без улыбки приветствую Павла.

– Как спалось? – произносит взволнованно.

– Скверно, – отвечаю честно, наливая полную кружку. – Вы звонили в больницу?

– Да, – поджимая губы, отводит глаза. – Они ввели Марину в состояние искусственной комы. Говорят, организму

так справиться проще, миновав сложный период и излишние переживания.

– Чем маме можно помочь? – роняю тихо, сверля взглядом на столе одну точку.

– Всё слишком сложно, Кристин… – затихает, глядя на меня с толикой жалости и сочувствия. – В ближайшие дни потребуется еще одна операция, я постараюсь обо всём договориться… в специализированной клинике…

– Вы нашли реквизиты в документах папы? – уточняю, безвольно кивая. Дверь в кабинет по утру оказалась не плотно прикрыта и, уж если я не брожу по квартире ночами в бессознательном состоянии: там был Павел.

– Нет, – отвечает неловко. – И это усложняет сложившуюся ситуацию. На счетах твоего отца должна быть весомая сумма, способная погасить все расходы на лечение и реабилитацию Марины. Имея доступ, ты вполне могла бы воспользоваться деньгами в ближайшие дни. Пусть это и не вполне законно… В худшем случае, как сейчас, будет потеряно время, которого нет, – опускает глаза, искривляя линию губ. – Ты вступишь в права наследства спустя полгода. Моих сбережений хватит на начальный период, а дальше придётся ломать голову над тем как собрать оставшуюся сумму.

– Сколько? – произношу отчужденно.

– Не знаю, – отвечает правдиво. – Десятки тысяч.

– Вы не о рублях? – нервно усмехаюсь, получая в ответ скоропостижный кивок головы.

– Володя не оставил завещания. Это бы облегчило ситуацию. Да он и не думал…

Грузно выдыхаю, слыша обрывистое:

– Прости. Знаю как тебе больно. Мне надо ехать.

Не объясняя, куда и зачем, поднимается из-за стола, направляясь к двери.

– Я с вами, – заявляю безапелляционно. Отчетливо понимая, что останься я дома одна – сойду с ума от терзающих мыслей. Молча кивает, пропуская вперёд.

Выходя из подъезда, отчаянно пытаюсь внешне создавать иллюзию покоя. Сажусь в автомобиль Павла, боясь спросить, куда лежит наш путь.

Первая точка маршрута. Серое одноэтажное здание, словно спрятавшееся за высокими корпусами больницы. Скрытое от лишних глаз густой посадкой кустарника. Невзрачное и пугающее. Вызывающее приступ животного страха с каждым метром приближения к настежь открытой железной двери парадного входа.

– Тебе лучше подождать здесь, – напряженный тон не скрывает спрятанного в нём волнения и беспокойства.

– Я смогу, – делая шаг вперёд, задерживая дыхание, вторгаясь в безликое пространство, отделанное кафелем и пропитанное насквозь формалином.

Происходящее последующих двадцати минут кажется сущим кошмаром, глубоко поселившимся в сознании. Ты помнишь урывки действий, слов. Тщетно пытаюсь отвлечься и

забыть об увиденном.

– Это не он, – едва не кричу, вцепляясь в руку Павла до хруста на пальцах.

Безжизненное, израненное тело, лежащее напротив меня, кажется, имеет лишь небольшое внешнее сходство с моим отцом. – Это не он, – твержу в который раз, выведенная Павлом на воздух.

– Ты сможешь это принять, милая, – гладя меня по спине, сдерживая застрявший в горле крик. – Должно пройти время.

– Не хочу помнить его таким, – монотонно качаю головой, вырываясь из теплых рук и двигаясь в сторону машины.

Заключение о смерти, вместе со свидетельством, точно нарочно попадаются на глаза, притягивая взгляды к приборной панели. Вздрагиваю в очередной раз, наткнувшись на них. Поспешно убираю документы в бардачок, подальше от глаз. Пытаясь не думать, что написано на этих плотных листках.

"Куда теперь?", хочу спросить и молчу, ожидая остановки в конечном пункте. Лучше не знать. Проще не знать.

– Спасибо, – произношу, искоса глядя на Павла. – Одна бы я ничего не смогла.

– Это мой долг, – поджимает губы, не отрываясь от дороги. – Думаю, для моих детей твой отец сделал бы тоже самое.

Отделение полиции, находящееся почти на окраине района. Хмурые лица вокруг. Должные внушать доверие, а дей-

ствующие с точностью до наоборот. Настораживающие. Отталкивающие.

– Необходимо написать заявление, – точно оправдываясь, произносит Павел. – Решить, что делать с машиной… – кривится, поправляясь. Тем, что от неё осталось.

Проходим внутрь, предъявляя паспорта. Плутаем по коридорам и этажам многослойного здания. Тучный следователь с наметившимся брюшком и ранней залысиной, точно делая одолжение, приглашает в нужный нам кабинет. Монотонные разговоры. " Подпишите здесь… поставьте дату… С моих слов записано верно…"

Не думая, исполняю указания, ощущая себя словно накаченная наркотиками. Пустой. Недопонимающей смысла происходящего. Желающей выбиться из этой гонки сопротивления. Опустить руки. Остановиться.

– Кристина Владимировна, вы будете требовать на суде ужесточения меры наказания для виновника ДТП?

Недоуменно смотрю на него, смутно понимая происходящее.

– Вам надо подписать эту форму, – недовольно произносит мужчина напротив, не удостаиваясь моего ответа.

Павел сдержанно забирает бумаги, обещая ознакомиться с ними позже.

– Вам необходимо видео для суда? – обращается к Павлу, поняв, что разговаривать со мной бесполезно.

– На том участке дороги имелись камеры? – осведомляюсь

пересохшими от волнения губами.

Молча поворачивает экран компьютера в мою сторону, щелкая мышкой по чёрно – белому изображению. Обычное движение. Я узнаю этот отрезок трассы. Три, максимум пять километров от дачи Вани. Молниеносно обгоняющая форд девятка. Узкий участок дороги. Перекрытая правая полоса под ремонтные работы. Замираю, не дыша. Вылет лихача на встречку. Фура, пытающаяся уйти от лобового столкновения резко подает вправо, не рассчитав, что тому, кто находится на второй полосе абсолютно некуда деться… Она буквально сметает в кювет машину отца, более не появляющуюся в радиусе действия камер после лихого маневра водителя девятки.

Сглатываю, отводя глаза от монитора.

– Воды? – хрипло уточняет мужчина в форме.

– Нет, спасибо, – отвечаю дрожащим от волнения голосом. Поднимаясь с места, молча следую в сторону двери.

– Этот пацан получит своё, – точно ободряюще кидает в догонку служитель закона.

Замирю в дверях, едва не врезаясь в Павла, идущего сзади след в след. Поворачиваюсь назад, обреченно уточняя, сама не понимая для чего мне нужна эта информация.

– Сколько ему лет?

– Восемнадцать, – доносится глухо.

Не комментируя, ухожу прочь, ловя себя на мысли, ввергающей в большее отчаяние. "Ещё одна сломанная жизнь…"

Случайность, обернувшаяся трагедией. Цепная реакция, начавшаяся с мимолетного события, вскользь брошенного слова… Виновник всего произошедшего, словно по заказу, предстает перед глазами. Слава Богу, лишь картинкой, посланной подсознанием в мысли, иначе моя психика не выдержала бы изможденияизлившись на него выплеском эмоций последних дней.

Когда я успела запомнить его в мельчайших деталях? Так, что по памяти, имея подобный талант, легко могла бы написать точный портрет… Зачем я позволяю ему бессовестно вторгаться в мои мысли? Захватывать сознание неразбавленной горечью, злостью. Неутолимым желанием высказать всё, что я чувствую. Сковывать тело яростью и, одновременно, страхом, подгибающим колени в ощущении его присутствия рядом. Наверное, всему можно найти оправдание. Особенно тому, чего не понимаешь, боишься. От чего отчаянно бежишь.

Похоже в моем случае это фактор самозащиты. Проще думать о нём, забивая дыры мыслями о самодовольном идиоте, возомнившем себя центром вселенной, чем о событиях минувшего дня.

Чёрт! Кусаю губы, ощущая свою вину. Не так в подобной ситуации должна вести себя примерная дочь.

– Прости меня, папуль, – шепчу одними губами, оказавшись на улице. Облегченно выдыхаю, понимая, что Павел отстал и не способен разглядеть безумия, охватывающего

меня с головой.

– Куда теперь? – дождавшись своего спутника, уточняю нейтрально.

– Совещание акционеров. После мне необходимо уладить всё с погребением… Тебе лучше вернуться домой. Бледная, точно смерть, – резко заминается, видно осознав нелепость сравнения. Поспешно извиняется, заключая:

– Похороны завтра…

Стискиваю зубы до боли, не зная, что на это сказать, жалобно произнося:

– Отвезите меня к театру. Заберу машину и поеду в больницу.

– К Марине не пускают, – с сожалением во взгляде проговаривает медленно, точно боясь ранить словами. – Не стоит тебе садиться за руль. Я попрошу водителя пригнать машину к дому.

Молча заводит мотор, двигаясь в противоположную фабрике сторону. С минуту сижу, задумавшись. Может, стоит его развернуть, появившись на собрании? Ведь в ближайшее время мне тоже придётся его посещать… А если… Баженов будет там? Обязан быть. Следовательно, мне стоит держаться подальше. Нельзя портить репутацию отца, а за свои слова и поступки, под этим язвительным взглядом, сейчас я вовсе не могу отвечать.

Павел доставил меня до больницы в кротчайшие минуты. Его сосредоточенность на деле и, не подвластность эмо-

циям, поражали. Ранее мне не приходилось видеть его таким. Привычный милый толстячок, с лукавой улыбкой чеширского кота, канул в прошлое. Предо мной оказался сильный мужчина, способный взять на себя мои неприятности. (Отвратительное слово в этой ситуации, но…). Он отъезжал, а я, отвернувшись к шлагбауму, вновь расплакалась, видя в его поведении своего отца.

Как и предполагал Павел, в палату меня не пустили, сославшись на внутренние правила поведения в отделении реанимации. Приткнувшись в угол у двери, исходя внутренней дрожью, я изредка отвечала на вопросы появляющегося в поле зрения медперсонала. Тихо плакала и чего-то ждала.

Не знаю, сколько времени просидела, молча перебирая в памяти моменты прошлой жизни. Казало бы недавние события, минувшие, по ощущению, слишком давно. На меня всё реже обращали внимание. Будто мне удалось слиться с безликой серостью больничного коридора. Не выделяться на фоне редко стоящих лавочек и многочисленных закрытых дверей.

– Вам нет смысла изводить себя, – послышалось сбоку.

Плавно поворачиваю голову, замечая материализовавшегося ниоткуда врача.

– Езжайте домой.

– Позвольте мне… хотя бы взглянуть на неё… Пожалуйста, – произношу на выдохе, заливая ворот рубашки слезами.

– Не положено, – отвечает с долей сочувствия.

– Пожалуйста, – вторю, поднимаясь с холодного пола. – Скажите сколько… Я заплачу…

Поджимаю губы, видя его искривившееся лицо.

– Ваш знакомый внёс достаточную сумму на счёт клиники, для проведения должного лечения.

– Когда ей станет лучше?

– Это сложный вопрос. Мы делаем для этого всё возможное.

– А…, – замолкаю, слыша слегка приглушенное:

– Приходите завтра вечером. В восемь пересменка. У меня ночное дежурство. Вне лишних глаз я вас проведу.

– Спасибо, Максим Сергеевич, – проговариваю имя, значившееся на его бейджике. Фамилию я, увы, не успела запомнить. Сложная. Толи литовская, толи польская… Благодарю, улыбаясь в ответ, наблюдая как он поворачивается в сторону двери.

Бреду в сторону выхода, смотря себе под ноги, по пути вызывая такси. Ждать его приходится совсем не долго. А на улице, между тем, солнечная погода сменяется накрапывающим мелким дождем. Вызывающим ещё большую грусть и тоску.

Прошу водителя остановить возле отделения банка, для снятия наличности со своего счета. По заверению Павла, в ближайшие дни мне понадобится значительная сумма, а я и понятия не имею чем располагаю в данный момент. Расходы контролировал отец. Пополняя счёт, избавляя меня

от необходимости заботиться о деньгах. Теперь все изменилось. Придётся надеяться лишь на себя… Нельзя настолько сильно обременять Павла. Он и так делает слишком многое, а у него дети, жена…

– Вы хотите снять всю сумму? – интересуется девушка в операционном окне.

– Да, – отвечаю бесстрастно.

– На счете чуть больше восьмидесяти тысяч, – продолжает сосредоточенно, глядя в монитор.

– Вы уверены? – опешив, смотрю на неё, рассчитывая на значительно большую сумму.

– Последнее поступление около двух месяцев назад, – точно оправдываясь, произносит неловко.

– Снимайте всё, – роняю обреченно, мгновенно перебирая в уме варианты как можно быстрее найти более приличные деньги.

– На какую сумму быстрого займа я могу рассчитывать? – уточняю, нервно сжимая кулаки под кромкой стола.

– Учитывая ваш возраст и прочие обстоятельства…, – замолкает, взирая задумчиво:– Не более трехсот тысяч.

– Благодарю, – роняя обрывисто, пряча деньги в карман сумки.

Безысходно понимаю, что это не погасит и расходов на похороны: заказ ресторана и прочие затраты.

– Необходимо искать варианты. Как можно скорее, – бормочу себе под нос, возвращаясь в такси.

Прошу отвезти меня к театру с намерением забрать оставленную на парковке машину. Буквально на пару минут забегаю к начальству, стараясь не встречаться со знакомыми взглядом. Пишу заявление на небольшой отпуск и, не вдаваясь в изматывающие разговоры, пускаюсь прочь.

Газ в пол. Выруливаю с парковки на оживленный проспект. Быстрое движение. Отсутствие пробок. Задумавшись, в последние секунды замечаю быстро приближающуюся сзади, мигающую фарами иномарку, нагло подрезающую меня, идя на обгон.

Перед глазами, словно вспышка, проскальзывает момент видео, заснятый на месте трагедии. Дрожащей рукой включаю поворотник, уходя в право. С пару минут сижу с горящей аварийкой, пялясь в одну точку. Пытаюсь урезонить зашедшееся галопом сердце и сбитое напрочь дыхание.

Плавно выворачиваю руль влево, двигаясь с минимальной скоростью, допустимой в потоке. Ощущая несвойственное ранее напряжение от каждого метра, исчезающего под резиной колес.

Паркуюсь у дома, резко хлопая дверью. Взирая на автомобиль, доселе придающий чувство уверенности, с возрастающей в груди неприязнью.

– Я продам тебя, – словно обращаясь к живому существу, произношу вслух.

Это станет первым пунктом из возможных в получении необходимой суммы на лечение и реабилитацию мамы. И с

остальным разберусь. Я обязана разобраться со всем. Ради неё. Ради отца…

Всё ещё дрожащими руками, отпираю входную дверь, чувствуя кожей давящую тишину. Скидывая туфли, вбегаю в свою комнату, выкидывая на заправленную атласом постель, содержимое шкатулки для украшений. Несколько цепочек, украшенных блестящими кулонами. Браслеты, сверкающие в переливах света от ламп. Кольца, которые носила всего пару раз.

Папа любил делать подарки мне и маме. Каждый раз, выбирая их с особенной тщательностью, идеально подходящей владелице.

Вбегаю в спальню родителей, ища в вещах мамы её шкатулку.

– Это простительно, – убеждаю себя, прижимая к груди кожаный сундучок.

– Я оставлю самые дорогие ей вещи. А остальное… Сейчас необходимо сделать всё возможное. Украшения не стоят жизни. Проститься с этими безделушками намного проще, чем кого-то потерять.

За этим занятием меня и застал Павел, бесшумно зашедший в незапертую дверь.

– Чем занята? – уточняет, присаживаясь на край кровати.

– Хочу избавиться от ненужных вещей, – сортируя украшения на две кучки, произношу, едва поднимая на него глаза.

В первой все мои. Цепочку и серьги с себя я тоже сняла, оставив лишь крестик. Во второй мамино золото, которое требует более тщательного отбора в том, что продать, а что оставить.

Берет в руку бриллиантовый кулон, подаренный на день рождение, уточняя сухо:

– Не жалко?

– Ничуть, – пожимая плечами, возвращаю взгляд ко второй кучке.

– Астахов умеет удивлять, – хмыкает тихо, вбирая в руку цепочку и кулон Баженова. – Никогда б не подумал, что ему знакома эта символика. Хотя, закодированной информации в век интернета уже не существует.

– Поясните, пожалуйста, – с трудом сдерживая возрастающий в груди интерес, пытаюсь говорить более сдержанно.

– Тебе не известно его значение? – нахмурившись, откладывает в сторону странное украшение. – Со своим бахвальством он должен был протрещать тебе все уши, уверяя в своих намерениях и чувствах.

– Да, – неопределенно бросаю в ответ, желая услышать продолжение. Смутно понимая у чему он ведёт. – При чём здесь эта нелепая вещица и намерения? Нет, даже не так. При чём здесь Баженов и чувства? Как, чёрт возьми эти столь радикально противоречивые понятия могут быть связаны?

– Почему не показала мне его ранее? Ты же знаешь я сведущ в истории. Этот символ один из главенствующих… И

чем короче цепочка на которой он весит, тем его обозначение сильнее. Так принято было думать… Неутолимое желание, – вторично хмурится, не находя во мне отклика понимания. Похоже я смотрю на него вовсе не так, как следовало бы, узнав о возлюбленном подобное откровение. – В подлинном значении звучит немного длиннее. Это обобщающее значение, но суть оно не меняет… Кристин, это словно клеймо. Клятва, если тебе так будет проще понять. Астахов не представляется человеком, серьёзно относящимся, да и вообще знающий толк в подобных словах.

Смотрит на меня. Слишком пристально. Вызывая на губах подобие виноватой улыбки за своё враньё. Качает головой, недовольно произнося:

– Старый дурак. Мог бы сразу догадаться. Он спрашивал сегодня о тебе.

– Где вы успели сегодня пересечься с Ваней? – опускаю взгляд вниз, точно с удвоенным интересом рассматриваю мамин браслет.

– Астахова как раз я и не видел, – замечает серьёзно, саркастически продолжая:– Всеволод интересовался твоим самочувствием.

– Понятно, – бросаю излишне резко, скидывая в пустую шкатулку ненужные украшения вместе с необычной подвеской. – Павел Давыдович, не упрекайте меня в том, чего я не совершала. С моей стороны не было и единого повода для подобного подарка. Мы вообще не были знакомы! И вы, ско-

рее всего, плохо знаете этого человека, если способны приписать ему поведение влюбленного идиота. На меня он производит совсем иное впечатление и приближаться к нему желания вовсе не возникает. Скажу вам больше: не было б этого злополучного знакомства в мой день рождения, – всё в моей жизни было б иначе! – тараторю, выпаливая как на духу то, что настолько сильно мучает меня все эти дни. Едва замечая в потоке эмоций, как меняется под словами лицо Павла. – Именно из-за него я поругалась с отцом в последний вечер, когда видела его… – запинаюсь, вздрагивая голосом, – живым…

– Я бы с удовольствием удалила из своей жизни любое упоминание о Всеволоде. Да, как на зло, его вокруг стало слишком много! Куда не глянь – везде непревзойденный Баженов! – почти кричу, отворачиваясь к окну, бросая через плечо, – Хотя бы вы увольте меня от разговоров о нём… Заберите украшения, у вас больше связей там, где их можно быстрее продать.

– Хорошо, Кристин, – задумчиво забирает шкатулку, пряча её в свой портфель. Вытаскивает из него пачку денег, кладя передо мной.

– Здесь пятьсот тысяч. Прибери куда-нибудь. Вскоре они тебе пригодятся.

– Спасибо. Я…

– Пожалуйста, – обрывает, поднимаясь. – Сможешь сегодня побыть одна? Подругу какую позвать на ночь? – замол-

кает, оправдываясь. – У меня жена…

– Конечно, – киваю в ответ. – Вы итак слишком многое для меня делаете.

Встаю, чтобы запереть за ним дверь, слыша болезненное:

– Похороны завтра в одиннадцать. Буду у тебя около девяти.

Отвечаю согласием, приваливаясь спиной к стене. В повисшем сумраке комнат, не озаренных светом, будто бы чувствуется чьё-то присутствие. Возможно, и правду говорят о том, что в первые жни после смерти неприкаянные души бродят где-то поблизости, навещая родных людей. Эта мысль отзывается глубочайшей болью в области сердца. И я, осев на пол, начинаю бессмысленный монолог. Проговаривая всё, что не успела когда-то сказать. Выплескиваю эмоции, чувства, выражения которых вечно откладываешь на потом. А оно не наступает. И теперь уже моим немым собеседником предстает пустота. Тишина, в которой отражается лишь мой голос. Всхлипы. Боль. Раздражение. Безысходность. Вымаливание прощения, которого я уже никогда не услышу.

Ночь наступила мгновенно, а растянулась на целую вечность. Я так и не смогла сомкнуть глаз, просидев большую её часть на кухне, где, в отличие от комнат, не так слышались посторонние звуки и шорохи.

– Я сойду с ума здесь одна…– заключаю измотано.

Может и в правду выйти за Ваню? Сбежать подальше от

этой квартиры, насквозь пропитанной запахом воспоминаний?

За окном уже зияет зарница, растворяя призрачные тени, прячущиеся по углам. На часах семь утра.

Первым делом звоню в больницу, справиться о состоянии мамы, а после варю крепкий кофе. Очередной. Сменяю пижаму на строгое черное платье чуть ниже колен. Легким слоем тональной основы замазываю под глазами проявившиеся синяки. Закручиваю волосы в французскую ракушку. Выставляю у порога черные балетки взамен привычных шпилек. Монотонно бреду на кухню. Сажусь. Жду.

Павел приехал немного раньше. Точно знал, что я буду готова задолго до назначенного времени.

– Как спалось? – уточняет, внимательно присматриваясь, пододвигая к себе кружку кофе.

– Никак, – пожимаю плечами. – Не смогла заставить себя лечь в постель и сомкнуть глаза.

Подходит вплотную, обнимая меня, произнося ласково:

– Девочка моя, так нельзя. Ты угробишь себя подобным поведением. Надо бороться. Ради матери. Ей ещё столько предстоит перенести, – замолкает, подушечками пальцев вытирая с моих щек обильные слёзы.

– Поехали, тебе лучше побыть на воздухе. Поговорка о том, что дома помогают и стены в твоём случае не работает. Может тебе на время уехать куда?

Оставляю без ответа последнее замечание, направляясь к

двери, как только он опускает руки. Мы приехали к церкви первыми. Выйдя на воздух, я долго смотрела на золотые купола и кресты, словно спрятанные от лишних глаз в облаках, буквально нависших над зданием. Погода меняется. Как бы дождь не пошёл… Природа будто выказывает сочувствие, готовясь оплакать папу вместе со мной.

Машины начинают заполнять парковочные места. Знакомые и не очень, подходят ко мне выразить слова соболезнования. Односложно киваю в ответ, мечтая нацепить на нос тёмные очки. Спрятаться от (по большей части) скользящего в словах лицемерия, заметного невооруженным взглядом. Они здесь, потому что так надо, а не из-за того, что им действительно хотелось прийти проститься с отцом.

– Привет, – приобнимает сзади, скрывая меня ото всех и я благодарно накрываю его руки своими, делая небольшой перерыв между общением с безразличными к моему состоянию людьми.

– Как ты, малыш? – утыкается носом мне в шею, согревая дыханием.

– Терпимо, – отвечаю сухо.

Раньше от его присутствия рядом, касания кожи, по телу пробегала волна из мурашек. А сейчас от прежних чувств осталась лишь тихая благодарность за то, что он пытается дать мне частичку тепла, не оставляя одну.

Желающие присоединиться к процессии потихоньку покидают парковку, проходя в храм. Мы же втроем остаем-

ся стоять на улице до последнего, ожидая прибытия траурной машины. До назначенного времени ещё двадцать минут. Оборачиваюсь через плечо, услышав шум подъезжающего автомобиля. Губы молниеносно вытягиваются в прямую, напряженную линию. Расцепляю Ванины руки, покоящиеся на моём животе, резко выдвигаясь вперёд.

– Кристина, успокойся! – замечая мой яростный взгляд, обращенный в сторону черного джипа, довольно громко окрикивает Павел.

– Да как он посмел? – бурчу себе под нос, подлетая к машине.

Дверь открывается, прежде чем я успеваю достигнуть цели. Со стороны водителя, словно стена, появляется, отгораживающий меня от хозяина Кирилл. Он перехватывает меня прежде, чем я успеваю врезаться в Всеволода.

– Тише, – произносит спокойно, крепко удерживая меня на месте, будто заключив в объятия, а я, не смотря на него, впиваюсь взглядом в того, кого сейчас ещё больше, кажется, всей душой ненавижу. Что он себе позволяет? Неужели хотя бы в этот момент нельзя оставить меня в покое?!

– Да прикажи ты ему меня отпустить! – пытаюсь сбросить с себя крепкие руки. – Не удавлю же я тебя голыми руками!

Тихий смешок на моё заявление, раздаётся прямо под ухом.

Всеволод же сканирует меня стальным взглядом, точно считывая всплывающие в голове мысли. На секунду искрив-

ляет линию губ, молчаливо совершая небольшой кивок головы. Как по волшебству я оказываюсь свободной. Глубоко выдыхая, подхожу почти вплотную к нему. Ввиду отсутствия каблуков, чувствую себя неимоверно маленькой. Незначительной. Той, что легко раздавить. Прихлопнуть одним неловким, или наоборот, уверенным движением. Приподнимаю голову вверх с каждой долей секунды всё больше теряя остатки уверенности, с которой летела вперёд, готовая ранее заставить его уехать. Высказать всё. Ударить в грудь кулаками (выше я б наверняка не достала). Сглатываю, ощущая, под этим холодным взглядом дрожь, спускающуюся по позвоночнику. Удары сердца грохочат в висках. Мысли в голове нервно обрываются, не завершая и единой внятной фразы.

– Что ты хочешь мне сказать? – произносит надменно, со скучающим выражением лица, спокойно держа руки в карманах.

– Я просила тебя убраться подальше! – произношу резко, вкладывая в интонацию слов бурлящую внутри злость, а на деле голос звучит как-то жалостливо, словно я заранее знаю о своём поражении, неизбежное приближение которого не в силах отсрочить.

– Если б ты не подбежала, я б прошёл мимо, потому что приехал сюда вовсе не из-за тебя.

– Да ты… – хватаю воздух короткими вдохами, пытаясь собрать мысли воедино и обличить их в слова. Из глаз, точ-

но прорвавшаяся плотина, моментально катятся слезы, тело пробивает ознобом, а губы непослушно шевелятся, стирая из фразы шипящие звуки. – Это ты во всём виноват! – почти кричу, замечая на его губах подобие язвительной усмешки при ледяных глазах. Отчаянно бью кулаком в его грудь, ударяясь костяшками пальцев точно о кирпичную стену.

– Если бы не ты, я бы не поругалась с отцом в последний вечер, когда видела его живым! А после его гибели ты бессовестно вторгаешься в мою жизнь, предлагая помочь? Неужели твоих мозгов не хватает на то, чтобы понять насколько уже всё испоганил?

– Это всё? – бросает устало. – Или есть ещё что-то, в чём ты хочешь меня обвинить? Подвинься. Я пройду мимо и твоя истерика утихнет сама собой.

– Да провались ты ко всем чертям! – выпаливаю в сердцах. – Тебе там самое место!

– Не богохульствуй, – отвечает с усмешкой, вторгающейся в голос. – Ты рядом со святым местом.

Делает шаг в сторону, пресекаемый мной. Мгновенно хватаю его за подол пиджака, одергивая остаться на месте.

– Я предложил тебе помощь, – произносит спокойно. – Ты отказала. Делать повторное дважды не имею привычки. Чего ты хочешь теперь?

– Чтобы ты не сбегал от разговора и выполнил своё обещание, брошенное когда-то на воздух! – кричу яростно, обретая в его спокойствие обманчивое бесстрашие. – Знаешь,

почему я не вышла за него? – делаю рукой резкий жест назад, в сторону Вани.

– Знаю, – издевательски вторит в ответ, растягивая губы в едва заметной улыбке. – Из-за меня.

Не сдерживаясь, повторно бью его в грудь, желая в этот момент оставить хлесткую пощечину на холеном лице. Слёзы, без остановки, правда, более медленно катятся из глаз, а я продолжаю:

– Папа всегда говорил мне, что слова мужчины не должны расходиться с его действиями. В твоём случае данное утверждение тоже не работает!

– Не припомню, чтобы когда-то наговорил тебе лишнего, – наклоняет голову в сторону, серьезно присматриваясь ко мне. Заключая самодовольно:

– Если я тебя сейчас поцелую – станет легче? Думаю нет, – размеренно отечет на свой же вопрос в тот момент когда я, как-то резко перестав плакать, собираюсь сказать очередную колкость.

– Ни тебе. Ни мне, – продолжает бесстрастно. – А поступки видеть ты не способна, ослепленная эмоциями, которые не поддаются контролю. Не профессионально, – качает головой, ухватив обеими руками за талию, легко переставляя меня в сторону, точно невесомое препятствие. Завершая фразу тихим: – Хотя, в твоём возрасте выглядит вполне умиляюще, а следовательно, простительно.

Лишь поджимаю от сильной досады губы, слыша за спи-

ной его удаляющиеся шаги, а со стороны въезда появляется чёрный, длинный катафалк, притягивающий остатки внимания. И эта глупая перепалка, завершившаяся минутой назад, уже не имеет смысла. Как и все слова сожаления и прочая чушь, что сейчас может быть сказана.

Оборачиваюсь, чувствуя присутствие сзади, кривясь, произнося:

– Прости, Вань.

– Что это было? – недовольно хмыкает в ответ.

– То, чего мы все опасались, похлопывая меня по плечу, с серьёзным лицом, заключает Павел.

Я же в ответ лишь сильнее отвожу в сторону глаза, закусывая губы. Повязываю на голову черный платок, следуя за процессией в храм. На входе, вбирая в замок пальцев толстую свечу из рук Павла, в последний раз натыкаюсь взглядом в статную фигуру, упакованную в дорогой, идеально сидящий темно—серый костюм. Коротко стриженный затылок. Уверенную позу, отдающую властью. Опуская глаза, прохожу вперёд, оставаясь в первых рядах. Мысленно стараюсь отрешиться от происходящего в зале. Не смотреть вперёд. Тем более по сторонам. Зафиксировать взгляд на свече, истекающей вместо меня слезами, скатывающимися вниз, к пальцам, каплями мгновенно застывающего воска.

Дрожащими губами бесшумно повторяю, всплывающие в памяти молитвы, которым когда-то в детстве учила мама. Слёзы словно высохли. Моё поведение, со стороны, явно от-

даёт неадекватностью. В который раз, ловлю себя на бессовестном желании сбежать подальше. Прямо сейчас. Переложив этот фарс на плечи кого-то другого. Ситуацию не изменить. От меня совсем ничего не зависит. Всё происходящее вокруг не имеет ничего общего с отцом. Хочется думать именно так. Не смотреть пред собой, навсегда запомнив его прежним. Живым… Бесконечные слова батюшки, не находящие отзыва в сознании. Запах ладана. Тусклый дневной свет, падающий вниз из небольших окон, находящихся на неимоверной высоте, где-то в возвышении свода. Отрешенно наблюдаю за всем, не смотря перед собой. Церемония длится слишком долго, точно кто-то остановил ненароком разогнавшееся время. По внутреннему ощущению прошло более двух часов. Оказалось всего сорок минут.

Первым, что сделал Павел, доведя меня до машины – протянул пластиковый стакан с водой, щедро сдобрив его какой-то настойкой из небольшого флакона. В другой ситуации я б задала кучу вопросов. Сейчас же молчание казалось единственным спасением.

Похороны, в отличие от отпивания, наоборот прошли слишком быстро. Словно все, как и я, пытались поскорее справиться с происходящим, покинув удручающую территорию кладбища. Нескончаемый поток соболезнований. Лица, смешавшиеся в одно неопознаваемое пятно. Опущенный взгляд в рыхлый холмик земли. Желание оказаться одной. Крепкий замок рук, сковывающий плечи. Пустота, грозящая

преследовать меня по пятам. Вечно.

Не обращая внимания на косые взгляды, ухожу из ресторана спустя два часа от начала поминок, больше похожих на нелепое комедийное шоу. Собравшиеся, сбившиеся в небольшие стайки, уже через час отвлеченно о чём-то беседуют, стирая улыбки с лица лишь в момент, когда замечают на себе посторонний серьёзный взгляд.

Преодолевая возрастающее внутри отвращение к поведению, якобы близких отцу людей, выдерживаю на месте, во главе стола, минимальный отрезок времени, сбегая при первой возможности, когда, кажется, все, выполнив свой долг, перестают обращать на меня внимание.

– Куда ты поедешь? – уточняет Павел у двери такси.

– В больницу, – произношу отрешенно в ответ. – Какая разница, где сидеть? Там создаётся впечатление, что моё присутствие ей помогает. На что-то влияет. А здесь…

Медперсонал в отделении уже стал обращать на меня внимание и даже здороваться. Точно я являюсь не невзрачной атрибутикой интерьера, как было прежде, а неотъемлемой частью коллектива.

Как и было обещано ранее, за небольшое вознаграждение, зашедший на вечернее дежурство доктор провел меня в закрытые для посещения покои. Наверное, именно здесь, вбирая в свою руку тёплую, но, словно безжизненную ладонь, глядя на бесчисленное количество разноцветных проводов и

трубок, безвольно опушенные веки, ссадины на лице и синяки под родными глазами, я полностью смогла осознать необратимость произошедшего.

Слова не идут на ум, изливаясь из сердца горькими слезами. Кажется, она меня чувствует. Словно сердечный ритм на мониторах, от прикосновения моих рук к коже, стучит немного ровнее.

– Я сделаю всё возможное, – только и остаётся бормотать, не слыша ответа. В замке моих пальцев вокруг её ладони, на миг, чувствуется невесомое сжатие пальцев. Знаю, это лишь разыгравшаяся на нервной почве фантазия, но отчаянно хочется верить, что оно было реальным.

Ухожу, благодаря человека, не оставшегося равнодушным к моему горю. Прошу записать мой номер телефона, по возможности сообщая дни его ночных дежурств, чтобы иметь возможность ещё к ней прийти. Отправляюсь домой по безлюдному городу, намереваясь большую часть пути пройти пешком, избегая взгляда редких прохожих, коротая время до восхода солнца. Не страшась темных улиц. Боясь очутиться в привычной обстановке, тонущей во мраке квартиры. Одной.

Последующая неделя, промелькнувшая чередой однообразных дней. Не смыкая глаз по ночам. Исписывая тетрадные листы вариантами получения нужной суммы. Многочисленные номера знакомых отца. Обязанности страховой компании. Адреса фондов поддержки.

С первыми признаками рассвета, разгоняющими ночных призраков и опустошающим мысли, я ложилась спать. Ненадолго. Буквально на пару —тройку часов. Чтобы после, приведя себя в более – менее соответствующий вид, взяв такси, отправляться выполнять составленные за ночь пункты плана. В надежде, что хотя бы один из него не будет вычеркнут, не оказавшись, как и прочие, в пустую потраченным временем.

Неделя подошла к концу. Варианты таяли на глазах, как и моя уверенность в том, что я способна изменить ситуацию, в которой по воле судьбы нахожусь. Страховая компания насчитала неимоверно маленькую сумму (которой не хватило бы и на погашение минувших расходов), обязуясь перечислить её на счёт в ближайшие месяцы. Многочисленные представители фондов лишь сочувственно разводили руками в невозможности чем-то помочь. Сумма за предполагаемую операцию в одном из медцентров, гарантирующем наибольший процент её успеха и, последующую длительную реабилитацию по восстановлению двигательного аппарата (которую, естественно, лучше проходить где-нибудь за границей), превышали все допустимые ими нормы. А учитывая мой статус непосредственной наследницы компании и финансовое положение, наше законодательство составлено так, что никаких прав на льготы и выделяемую материальную помощь от государства, я не имею. Не способна документально доказать, что в ней нуждаюсь.

Многочисленные знакомые отца, к которым я обращалась, выказав в первые минуты слова соболезнования, весь последующий разговор твердили о кризисе, в котором пребывает львиная доля нынешних предпринимателей и они, конечно же, тоже находятся едва ли не на грани банкротства. Порой казалось, что если я покину место встречи на середине монолога, ни один из них не заметит моего отсутствия. Слишком увлеченно они твердили о насущных проблемах.

Дни шли. Деньги, данные Павлом, скоротечно исчезали, уходя на медикаменты, которых не было в списке бесплатно предоставляемых лекарств. Приходя под вечер домой, с очередным перечеркнутым напрочь списком, замыкая за собой дверь, я безвольно вопила, по поддаваясь отчаянию. До синяков на руках, била кулаками перегородки межкомнатных стен, а потом, выкричав боль, вытерев и без того пересохшие слёзы, шла писать новый план на грядущий день. Не знаю как на подобные выходки реагировали соседи, но ни в один из дней, ко мне никто не явился с угрозой немедленно всё прекратить.

Максим (врач из клиники) за эти дни звонил только раз, вновь позволив мне побыть у мамы большую часть бесконечной ночи. Пожалуй, это было единственным, что помогало держаться на плаву, не опуская рук.

Новая неделя началась со звонка лечащего врача мамы. Те, кто интересовался моим самочувствием ранее, постепенно перестали тревожить своим незримым присутствием.

Возможно потому, что чувствовали насколько напряженно проходили разговоры и желали, как и я, скорее пресечь подобные любезности. Именно поэтому, молчащий весь вчерашний день телефон, взорвавшийся в тишине квартиры звонком с раннего утра, когда, казалось бы, я едва прикрыла глаза, всколыхнул пульс, на миг успокоившегося сердца.

– Кристина Владимировна? – поинтересовался звонивший. – Здравствуйте. Это Геннадий Степанович, заведующий отделением, – представляется, будто до этого я понятия не имела, с кем говорю. – Вы бы не могли подъехать сегодня ко мне?

– Здравствуйте. Конечно. В какое время? – уточняю, сонно потирая глаза. Взираю на часы, показывающие восемь утра.

– Чем скорее…

– Я поняла, – не красиво обрываю фразу, не считая правильным вести подобные разговоры по телефону. – Буду в течение часа.

– Замечательно, – произносит таким тоном, что ни в жизнь не поверишь правдивости сказанных слов.

Варю крепкий кофе, попутно звоня Павлу и зачитывая про себя немногочисленные пункты сегодняшнего плана. Вскоре их на листке не останется и это вгоняет в неминуемое отчаяние.

– Доброе утро, Павел Давыдович, – произношу, пытаясь говорить более бодро. – Простите за ранний звонок, но я уве-

рена, что вы уже приступили к работе. Порадуйте меня новостями.

– Пожалуй, лишь огорчу, Кристин, – отвечает задумчиво. – Заедешь сегодня в офис? У нас собрание в час.

– Хорошо, – роняю неуверенно. Отчетливо понимая, что ничего хорошего от этого визита ожидать не приходится. Лишний раз лицезреть очередное либезение в глаза? Слушать нелепые отговорки? Ясно, что никому нет дела до чужих проблем. Избежать бы своих…

В больницу я ехала на такси. Впрочем, как и все эти дни, старательно обходя стороной машину, подаренную отцом. Испытывая рядом чувство тревоги, каждый раз невольно захватывающее меня.

Встреча с зав. отделением имела официальный характер, о чем меня потрудились уведомить, как только я переступила порог больницы. Почему для этого разговора вызвали именно меня, а не Павла, осталось для меня загадкой.

Пятнадцатиминутная прелюдия, включающая в себя оглашение успешных результатов работы за эти дни. Не сведуя в терминах, которыми меня щедро почивали, на слова седого мужчины с лёгкой, но аккуратно оформленной небритостью на лице, мне оставалось лишь уверенно кивать, принимая за плоды их работы то, что мама до сих пор, при полученных травмах, оставалась жива… Озвучивание дальнейших рекомендаций, которым необходимо следовать, дабы не свести на нет полученные результаты, сходилось к названиям зару-

бежных клиник, готовых в любой момент принять подобного пациента. А так же к шестизначной сумме, написанной на небольшом отрывном листке.

– В какой валюте интерпретировать это число? – озадаченно вздыхаю, теряя последнюю надежду на положительное стечение обстоятельств.

– В Германии и Израиле в рублях не считают, – пожимая плечами, произносит в ответ.

– Сколько у меня есть времени? – нервно теребя ручку сумки, уточняю, опустив в пол глаза.

– Повторная операция нужна уже сейчас. К реабилитации можно приступить через месяц. Максимум, два… Вы должны понять, что удерживать вашу маму в состоянии искусственной комы долго нельзя. Иначе процент выведения её… без осложнений приблизится к нулю.

Односложно киваю головой, слыша давящее на сознание:

– Чем скорее, Кристина, тем лучше. Сбор документов на квоту займёт слишком много времени, которого уже нет. Потеряв ещё, мы остаемся в крайне шатком положении, из которого может и вовсе не быть выхода.

– Я поняла, Геннадий Степанович, – тихо произношу, поднимаясь со стула.

– В ваших интересах…

– Я найду деньги, – не глядя на него, бреду к выходу на не гнущихся ногах, набирая знакомый номер.

Дверь за спиной громко хлопает, заставляя внутри резко

сжаться.

– Мне нужна аудиенция твоего отца, – говорю ровно, отвечая на банальное "да".

– Крис, он в отъезде до конца месяца и…

– Что и, Вань? – слыша молчание в трубке, выдыхаю, произнося жалостливо:

– Я уже просто не знаю к кому обратиться.

– Извини, – роняет обрывисто, завершая разговор, а я готова кричать от бессилия, взывая к любым силам с мольбой о помощи!

В запасе есть немного времени до совещания. Выходя из здания больницы, буквально на автопилоте, иду к стоянке такси, намереваясь объехать нужные адреса. Сейчас мне поможет разве что чудо.

Роясь в сумке в поисках мелочи, натыкаюсь на скомканную в небольшой шарик визитку.

Модельное агентство… Илона…

Перед глазами как по заказу всплывает образ грудастой блондинки. Кривлюсь, вбивая её номер в контакты телефона. Ответ следует практически молниеносно:

– Здравствуйте, – произношу робко, сама не понимая, зачем это делаю. – Это Кристина. Котова. Нас познакомили на премьере… Вы знали моего отца и … – заминаюсь, кривясь:– Говорили что-то по поводу работы.

– Я вас помню, милочка, – произносит слащаво, провоцируя подобным обращением нескрываемое отвращение на

моём лице. Хорошо, что дискуссия проходит по телефону. Сдержаться при личной встрече будет сложнее.

– Соболезную. Я в курсе вашей потери… Если вы готовы обговорить моё предложение, жду сегодня, допустим, в пять у меня. Адрес есть на визитке.

– Спасибо, – зажмуриваю глаза, пытаясь выровнять сбившееся дыхание, более спокойно произнося:

– Я буду вовремя.

На совещание я попала раньше заявленного. Открываю дверь, наблюдая, как малознакомый мне мужчина, занимает привычное место отца. Громко здороваюсь с присутствующими, проходя в дальний угол стола, присаживаюсь за свободное место. Мимолетно оглядываю десяток человек, прячущих от меня свои глаза. Отмечаю про себя знакомые лица. Павла ещё нет. Всеволода тоже… Поджимаю губы, косясь в окно. Не желая встречаться взглядом с теми, кто совсем недавно культурно меня послал.

Дверь плавно открывается. Искоса наблюдаю за ней, облегченно вздыхая при виде Павла. Одарив всех скупым приветствием, шествует ко мне. Заставляя подняться, громко представляет, будто без этого собравшиеся не имеют понятия кто я такая. Произносит имя и фамилию мужчины, сидящего во главе стола, называя его исполняющим обязанности. Присутствующие в ответ лишь кивают, обращаясь в слух. Мужчина в костюме имеет достаточно властный голос. Отчего-то кажущийся слишком стальным, будто предо мной

не человек, а машина. Он четко и внятно оглашает пункты повестки дня, я же наклоняясь к Павлу, шепчу тихо:

– Мне нужны деньги. Я была в больнице и…– беру карандаш, выводя на листке шестизначное чисто со знаком евро после точки.

Прочищает горло, глядя на меня удрученно.

– Кристин, у меня нет такой суммы.

– У меня тоже, – парирую монотонно, вырисовывая карандашом рядом незамысловатый рисунок. – Сколько я могу получить за машину?

– Это и есть неприятная новость, – кривит губы, тихо продолжая:– Она куплена в кредит и продать её не представляется возможным.

– Зачем отцу влезать в долги? – недоуменно уточняю, ловя на себе посторонние взгляды. Кажется, я сказала это громче необходимого.

– В делах фабрики последний год не всё гладко… Взято несколько больших кредитов для того, чтобы выправить положение. И, дело в том, что они оформлены под залог вашей квартиры.

– Здорово… – усмехаюсь в ответ. – Теперь я понимаю, почему эти толстосумы не спешат мне помочь. Не хотят рисковать деньгами, так как не уверены, что я смогу их вернуть?

– Всё не так плохо, – подбадривает с явно читаемой долей сомнения в голосе. – Трагедия с твоим отцом, конечно, до предела усложнила ситуацию, но мы на плаву.

– Пока, – язвительно парирую в ответ, замолкая на долгое время, нагло откинувшись на спинку стула и рассматривая белый потолок. В течение часа гоняю в голове бессвязные мысли, не сразу замечая, что все начинают расходиться.

– Я что-нибудь придумаю. В любом законе есть лазейка. Мне надо немного времени, чтобы её найти, – поднимаясь с места, произносит Павел, похлопывая меня по плечу. Натянуто улыбаясь, киваю в ответ. Выдвигаюсь в сторону временно управляющего.

– Уделите мне пару минут вашего драгоценного времени, – достигая главенства стола, облокачиваюсь на край, неотрывно смотря в холодные глаза, спрятанные под стильной оправой очков. Острый подбородок приподнимается вверх. Угловатое лицо, слишком серьёзное выражение, не отражающее эмоций. Чёрный костюм – футляр. Не хватает только штрих кода где-нибудь на затылке.

Излагаю ситуацию, пытаясь быть краткой. Не замечая и доли интереса, сочувствия или понимания в этих глазах.

– Я не способен выделить вам нужную сумму, Кристина Владимировна, – заявляет бесстрастно, пододвигая ко мне толстую папку бумаг. – Здесь финансовые отчеты минувшего квартала. Если вы что-то понимаете, – замолкает на миг, задерживая на губах оттенок ухмылки. Непробиваемое выражение лица оказывает угнетающее воздействие… Всё верно, он тратит драгоценное время на никчемную девчонку ничерта не смыслящую в бизнесе, вместо того, чтобы заниматься

по-настоящему важными делами.

– Вы имеете пакет акций и дивиденды по ним будут выплачиваться ежемесячно. Остальное… Павел должен был вести вас в курс дела по поводу вступления в наследство. До этого момента и после, если вам покажется это разумным, – на эту часть фразы он делает особое ударение, уверяя, что по другому и быть не может, – Управление компанией возложена на меня.

– И это непременно верное решение. Так и хочется дополнить в ответ. Такая как я не справится со свалившейся на голову ответственностью, пустив всё с молотка. К чему тогда злиться на его резкость? Правда такова. У меня нет и доли знаний. Способностей отца.

– Спасибо, что выслушали, – произношу поднимаясь.

– Я распорядился о возмещении расходов на похороны…

– Это к Павлу, – отвечаю, прерывая. – Все затраты он брал на себя.

Ухожу, тихо прикрыв за собой тяжелую дверь. В сердцах желая хлопнуть ей так, чтобы вокруг зазвенели стекла. Опустив голову вниз, направляюсь к выходу из здания, а там к стоянке такси. Называю адрес агентства с намерением возле него скоротать время. Надеясь не встретить Всеволода возле интересующего меня здания. Учитывая то, что с хозяйкой его связывают явно не дружеские отношения…

Глава 7

Выхожу, осматриваясь вокруг. Практически напротив входа располагается небольшое кафе. Заглядываю внутрь, занимая свободный столик возле окна. На небольшой парковке у агентства практически нет свободных мест. Взгляд машинально притягивает ярко—розовый монстр, являющий из себя подобие джипа. Кривлюсь, осматривая столь несуразное преобразование в дешевку доселе дорогой машины. Хозяйка сего чуда наверняка обладает специфическим вкусом и взглядом на жизнь. Чем заметнее в толпе, тем лучше. Не удивлюсь, если машина принадлежит грудастой блондинке… Утыкаюсь взглядом в остывший кофе, ловя себя на резко занявшей сознание мысли: "не понимаю, что может связывать этих двоих…"

– Какое мне до этого дело? – бурчу себе под нос, вызывая интерес проходящего мимо официанта.

Мистер всемогущий исчез из моего поля зрения. Вот и отлично! Уже сама с собой начала разговаривать… Такими темпами и до клиники недалеко.

Оставляю чаевые, направляясь в студию. Извинюсь за ранний визит и поскорее закончу эту бессмысленную встречу, потратив остаток дня на более важные дела. Съезжу к отцу… впервые после похорон. Невозможно пред собой оправдаться за подобное поведение, но мне слишком сложно все

эти дни было заставить себя поехать туда… Легче придумать тысячу дел и причин, почему я не могу пересечь невидимую черту, разделяющую мир живых и мёртвых. Лелеять себя мыслью о его длительном отъезде, чем неумолимо просить прощения, которого уже не получишь, у свежеуложенного холмика сырой земли.

Стеклянная дверь с витиеватым названием оказалась открыта, хотя и снабжена устройством домофона, на котором горит зеленый сигнал.

– Здравствуйте, чем я могу вам помочь? – взглянув на меня исподлобья, с явной усмешкой в глазах, уточняет из-за стойки девушка администратор, прозрачно намекая, что я ошиблась дверью.

Мельком оглядываю себя в зеркало, понимая причину её ехидства. Девушки, посещающие подобные заведения обычно выглядят вовсе не так. Мои джинсы с балетками и черная рубашка выглядят достаточно скромно. Хотя и стоят раз в десять дороже её вычурного яркого наряда.

– У меня встреча с хозяйкой, – безуспешно пытаясь припомнить отчество, произношу спокойно, не спеша расточать улыбки.

– Одну минуточку, – едва заметно кривит алые губки, уточняя, – Как вас представить.

– Кристина Владимировна, – с долей иронии парирую в ответ. Да-да, именно с отчеством! Пусть задумается в следующий раз, перед тем как кривиться. Вдруг я какая-то важная

шишка? Ухмыляясь, выдыхаю, отвернувшись в сторону. И пусть на персону нон-грата я не тяну. Люди при деньгах порой одеваются очень скромно… Что явно противоречит дамочке, появившейся в проходе, занавешенной от фойе шторкой из стеклярусных кисточек—кулис. Натянуто улыбаюсь, стараясь придать выражению лица видимую доброжелательность. При виде её несуразного платья, отделанного пайетками и кружевами, неизменно оголяющего большую части груди. Хочется нервно хихикнуть, извинившись, покинув помещение под предлогом резко возникших дел, не терпящих отлагательств. Надо было хоть будильник на телефоне поставить, выдав его за срочный звонок…

Макияж блондинки, ярко акцентирующий глаза, придаёт ей пять, а то и десяток лишних лет. Перестаралась дамочка… Мне бы прочувствовать, молодость не вечна, красота никнет, требуя активной подпитки, а вновь хочется выдать приглушенный смешок, сопоставляя Баженова рядом. Форменный псих… А может в постели ей нет равных? И ему просто нравится трахать это обилие силикона? Резкое фырканье всё же срывается с губ, оставаясь незамеченным за сладкими речами хозяйки, приветствующей меня громогласной фразой:

– Добро пожаловать, дорогая, в мои владения. Очень рада, что ты всё же решилась зайти.

Губы администратора поджимаются, а хмурый взгляд буравит меня, пытаясь рассмотреть то, что ускользнуло при

первичном осмотре. Моя, недавно потерпевшая крах, самооценка взлетает на глазах, широко расправляя крылья.

– Тише, тише, Кристина, угомонись, – мысленно шепчу себе, отчасти благодаря эту странную, или наоборот, в современном мире довольно обыденную де… Нет, всё же женщину, за то, что впервые за долгие дни испытала такой подъем настроения, забывшись на миг обо всём.

– Здравствуйте, – скромно произношу в ответ, сохраняя на губах легкую улыбку. Отчества я так и не в силах вспомнить. Может оно и не к чему? Оно накидывает лишние года, а отсутствие в разговоре сближает… Ещё и указывает на неуважение, да уж что с этим поделать?

– Илона, извините, я немного раньше заявленного времени… Меня к вам привел важный разговор, но, конечно же, я с удовольствием выслушаю то предложение, что вы собирались озвучить.

– Проходи в зал, – прищуривая кошачьи глаза, произносит напевно. – Раньше не позже. Я люблю обязательных людей.

" А то…" едва не срывается с губ. Чёрт, с чего начать этот дурацкий разговор? Плыть по течению? Она ведь неплохо знала отца…

Не перебивая, с широкой улыбкой, отдающей ненастоящим голливудским блеском, платиновая блондинка, расположившаяся напротив, терпеливо выслушивает мой длительный монолог. Завершая его, я тоже пытаюсь вымученно улыбнуться, гадая про себя, нашли ли мои слова отклика в

этой светлой головке?

– Кристина, – начинает нарочито медленно. – Я осознаю всю трудность ситуации, в которой ты, волею случая, оказалась. Неплохо зная Владимира Александровича, прошу принять мои соболезнования, но… – это "но" в любом разговоре, которые мне в последнее время довелось вести, всегда заканчивается одинаково. Меняется интонация, слова, смысл же остаётся единым: мне галантно дают очередной пинок под зад, не забывая при этом петь дифирамбы памяти отца.

– Я сама в вечном поиске спонсоров для своих проектов, – наигранно вздыхает, продолжая с приклеенной улыбкой на губах, не соответствующей теме разговора.

– Мой отец был в числе… – как бы покорректнее высказаться? – благодетелей? – уточняю, сглаживая неприязнь, проникающую в голос, серьезностью взгляда и сдержанным выражением лица.

– Да, – отвечает с ухмылкой.

– Тогда почему вы отказываетесь мне помочь? – произношу как можно мягче, желая выцарапать эти ехидно смотрящие на меня глаза.

– Я не имею подобной возможности и…

– Меня устроит и малая часть суммы, – заявляю резонно. – Вы должны понимать, что спустя определенное время я обязуюсь её вернуть.

– Я понимаю, – вторит в ответ. – Но сейчас на рынке довольно сложная ситуация и все деньги вложены в бизнес. На-

коплений я не держу. Деньги должны работать.

– Ясно, – поднимаюсь, показывая, что разговор завершён.

– Кристина, – удерживает за руку, побуждая остаться. – Я могу предложить тебе работу. Заработок, конечно, не способен покрыть необходимые расходы, но… Больше ты нигде не заработаешь и сумма будет зависеть лишь от тебя.

Выдаю тихий смешок, пытаясь представить подобное.

– Моя самокритичность к своему внешнему виду не позволяет представить себя на подиуме, – заявляю с ноткой сарказма.

– Это нечто другое, – лукаво проговаривает, рассматривая меня с удовлетворенным выражением лица. – Ты отлично играешь на сцене. Отчего не попробовать в жизни. Играть.

– Смутно понимаю о чём вы, – нахмурившись, роняю в ответ.

– У моего агентства, как я уже говорила, много почитателей среди влиятельных мужчин. Порой для сопровождения на встречи или важные события им нужны красивые спутницы…

– Девушки по вызову, – нервно смеюсь, резко перебивая. – Отличная прерогатива!

– Эскорт, – продолжает спокойно. – Поддержание разговора. Красивая улыбка. Стать. Исключительно сопровождение клиента, – смотрит на меня внимательно, а я вновь усмехаюсь, невольно отводя глаза.

– Кристина, ты умная, воспитанная и красивая девочка.

Такое не часто встречается. Подумай над моим предложением. Не отказывай сразу. На подобный…

– Товар, – вновь перебиваю, не сдерживаясь, продолжая примитивную мысль.

– Типаж, дорогая, – не обращая внимания на мою колкость, произносит спокойно. – Всегда есть спрос.

– Я, пожалуй, пойду, – неловко улыбаясь, точно глядя на пациента психиатрического отделения, стараюсь скорее подняться и исчезнуть подальше от этого места.

– Три сотни за выход, – бросает мне в след. – Валюту выбираешь сама. Подумай.

– Обязательно, – бурчу себе под нос, кляня себя на чём свет стоит за эту дурацкую вылазку сюда.

В поисках такси натыкаюсь на яркую вывеску, переливающуюся неоновыми огнями. " Денежные займы в день обращения". Сниженные процентные ставки, гласит надпись ниже.

Не думая, хватаюсь за соломинку, с которой неизбежно упаду в воду. Дергаю на себя обезображенную слоем выцветших наклеек, не первый раз перекрашенную дверь. Предъявив паспорт, подписываю договор, выходя на улицу с значительным пополнением карты. Вкупе с тем, что отдал Павел за украшения, на первый взнос и нетерпящую отсрочки операцию, мне вполне хватает. А дальше… Чёрт. Придёт время – появятся новые варианты! Должны появиться… Чёрная полоса не может быть бесконечной. У того, кто её

ведёт на моём пути, просто обязана закончиться краска! А в появившемся светлеющем промежутке я не упущу заветной возможности отыграться за всё и спасти маму… Обязана. Иначе, какой смысл в этом никчемном продолжении жизни?

Вытаскиваю телефон с намерением позвонить кому-то из знакомых, огорошив вместо приветствия зазывной фразой:

– Как ты смотришь на то, чтобы напиться сегодня?

Листаю контакты телефона и понимаю, что адресовать этот вопрос в моем окружении некому. Ваня? Рассчитывать на его дружескую поддержку врятле можно, да и в свете последних событий, вовсе не хочется представать пред ним столь уязвленной.

Взгляд натыкается на коротко записанное имя. Толи у меня не хватило времени, толи желания записать его полностью. В строке абонента, из всей информации, красуется лишь " Кир".

–Этому попробуй позвони – не будешь знать после как от него отделаться! – бурчу недовольно.

Придётся пить одной. Привыкать быть одной…

Спустя два дня маме сделали повторную операцию. Меньшее из того, что было необходимо. "Убрали" последствия черепно—мозговой травмы, если выражаться не медицинскими терминами, а человеческим языком. Необходимые манипуляции, как гарант того, что в итоге она не завершит свою жизнь в состоянии овоща, а пройдя курс восстановления,

вернётся к полноценной жизни… При условии, что и операция на позвоночнике завершиться успешно и она вновь сможет ходить… Все эти "если", словно невидимые звездочки в многотомных договорах, которые подписываешь, не удосужившись прочесть.

Наличность таяла, кренясь к значению нуля, а на поддержание организма в первые дни были нужны дорогостоящие препараты, которых, естественно, не могло быть в больнице. Да и без хороших связей их с трудом можно найти. Запас на карте не был бесконечным. Вдобавок ко всему добавились и ежемесячные платежи. Уведомление о необходимости внесения не малой суммы за машину, которая неприкаянно стояла под окнами во дворе.

В очередной раз, бесцельно нарезая очередной круг по квартире, остановившись у зеркала, критически оглядев себя со всех сторон, я подняла волосы вверх, растянув на губах лучшую из улыбок, с усмешкой во взгляде произнося:

– Три сотни за выход? Разве я не смогу получить от них больше? Должны же в подобной "сфере услуг" быть какие-то чаевые?

Главное не переступать черту, где заканчивается игра и приходится делать что-то большее, за что им захочется заплатить…

Не веря в то, что творю подобное, выбираю из последних вызовов номер блондинки, задумчиво глядя в зеркало. Слушая длинные, монотонные гудки. Если она не ответит: я на-

всегда забуду об этой безумной затее!

Ещё два гудка и…

– Я уже начала сомневаться, что ты позвонишь, – без приветствия, со скользящей издёвкой в словах, проносит надменно.

– Я и не собиралась, – отвечаю правдиво. – Но..

– Приезжай в студию в течение часа, – пребывает, не слушая моих изъяснений. – Сможешь? Необходимо создать портфолио.

– Конечно. Буду, – соглашаюсь на выдохе.

– Отлично. Жду.

Разговор обрывается, а я всё так же стою, не двигаясь с места. Гадая, правильно ли я поступаю? А разве у меня есть выбор? Через пять минут начинаю метаться по квартире, совершая несколько дел одновременно: ставлю кофе, вызываю такси, выискиваю в шкафу соответствующее платье, туфли. Наскоро сооружаю из непослушных волос подобие прически. Наношу макияж.

К дверям студии приезжаю с запасом в пару минут. Выхожу, переводя загнанное дыхание. Страшно даже думать о том, на что я иду. Убеждаю себя, что цель оправдывает средства, а подобный способ получения денег способен хоть немного помочь в моих бестолковых метаниях. На светских сборищах всегда достаточное количество обеспеченных людей. Надо только найти к ним подход. Как любил говорить папа: "Правильное знакомство – залог успеха любого начи-

нания." Глядишь, в толпе многообразия мне удастся завести хотя бы пару—тройку подобных…

Стеклянная дверь. Тот же администратор на входе. Встречает оценивающим взглядом, пропуская вперёд. Лукавая улыбка владелицы заведения. Распахнутые объятия и неожиданный поцелуй в щеку. Легкое прикосновение к коже щедро накрашенных губ. Со стороны может показаться, что это встреча близких друзей.

Собравшиеся вокруг, возможно, решили так же, осматривая меня с удвоенным интересом. А меня, от столь теплого приема, пересыщенного радушием, отчего-то ещё больше пробивает ледяная дрожь. Вокруг нет и капли правды. Каждый строит из себя то, чем в действительности не является… И в этой массе исключением я не являюсь. Подавляя возрастающую неприязнь к себе, растягиваю шире улыбку, стараясь убедить в своём довольствие происходящим не только обступивших меня людей, но и себя.

Визажист. Стилист. Костюмер. Фотограф… Предложения по созданию образов для съемки сыпятся с разных сторон. Илона, стоящая слегка в стороне, скрестившая руки под грудью руки, с подобием дьявольской улыбки, наблюдает за происходящим. От её взгляда передергивает, но я не снимая маски, стараюсь об этом не думать. Играю. Ради борьбы.

Часы приготовления. Съемка. Улыбка на публику. Соответствие образу. Привычная игра. Только в отличие от выхода на сцену, внутри разливается безграничная пустота. Бес-

чувствие.

Позы, эмоции, сменяющиеся под вспышками фотокамеры. Более откровенные наряды. Съемки в одном белье. Легкое ощущение смущения, скрытое от глаз толстым слоем пудры.

– Ты прекрасно справилась с поставленной задачей, – заключает довольным тоном блондинка. – Все свободны. Спасибо за работу.

– Легкая ретушь и лучшие снимки сегодня же в базу, – сменяя подхалимский тон на серьёзный, с оттенком стали, бросает в сторону фотографа, не глядя парню в глаза.

Рабочая обстановка, хмыкаю про себя. Ухожу в сторону ширмы, желая поскорее одеться и покинуть данное заведение. Снимаю блокировку с экрана, не находя ни одного пропущенного звонка. Не удивительно. В последние дни это вполне планомерно. Никто не беспокоит излишним вниманием. Недавняя трагедия будто бы стерлась из памяти, и я стала всем безразлична. Общение превратилось в тягость, а она никому не нужна.

Беру такси, намереваясь поехать в театр. По пути заскочить в институт. Пора бы вернуться к работе. К привычному укладу жизни, заставляющему вставать по утрам. Спать ночами, а не ломать голову в поиске выхода. После заеду к маме. В надежде быть допущенной в закрытые покои и… возможно, съезжу к отцу… Если найду в себе силы не развернуть машину на полпути к кладбищу, пугающему своим без-

молвием и гнетущим чувством вины.

Илона позвонила на следующий день. С самого утра, когда казалось, по привычке после бессонной ночи, я едва прикрыла слипающиеся глаза.

– Доброе утро, – послышалось в трубке слащаво, от чего моя уверенность в том, что оно является таковым, вмиг потухла.

– Надеюсь, у тебя нет планов на вечер? – поинтересовалась задорно в след на моё невнятное приветствие.

Пока я скептически оглядывала себя в зеркало, обдумывая ответ, она, явно приняв молчание за согласие, уже объясняла, куда и во сколько мне необходимо подъехать. В каком облике предстать и какое впечатление на клиента необходимо произвести. Роль проста до безобразия, хотя за неё и платят хорошие деньги. Подозреваю, что комиссионные превосходят мой гонорар в несколько раз, поэтому, не упав лицом в грязь, придется слегка потрудиться играть правдоподобно.

Записав адрес карандашом для глаз на поверхности зеркала, отбросив телефон в сторону, решив, что времени для подготовки ещё предостаточно, я отправилась спать. Синяки под глазами не лучшее украшение девушки, обязанной ближайшие полночи блистать.

Проснувшись в районе пяти с ужаснейшей головной болью, не предвещающей ничего хорошего в продолжении дня, через силу отправилась в душ, гадая, что из своего гардероба следует надеть. Образ должен соответствовать светскому ме-

роприятию, которое мне предстоит посетить. Выглядеть не вычурно, но и не выделяться скромностью среди жен, любовниц, подружек богатых мужчин, питающих страсть к накаченным силиконом красоткам.

Ярко алое платье с открытой спиной, v– образным вырезом на груди и струящимся подолом, предполагающим высокие каблуки, – первое, что из обилия нарядов в шкафу, бросилось в глаза.

Смутно припоминаю, когда и для чего оно было куплено. Столь вызывающее одеяние не пользовалось спросом в моей прежней жизни, но в этот вечер… должно быть почти идеальным. Чёрные туфли – лодочки на классической шпильке. Красный маникюр. Локоны, уложенные на одну сторону, манер американских шестидесятых. Смотрю на своё отражение, грустно вздыхая. Уроки мамы по созданию быстрых и элегантных причесок не прошли зря.

Закусываю губы, подавляя в себе желание разреветься от нахлынувших воспоминаний. Сжимаю ладони в кулаки, впиваясь ногтями в кожу.

– Всё будет хорошо, – твержу, успокаивая себя.

Слой корректора под опухшие глаза. Немного румян на бледную кожу. Выделяя скулы. Подводка. Невесомые тени, отражающие глубину взгляда. Алая помада в цвет платья, завершающая объем припудренных губ.

– Кому же подобная красота достанется? – презрительно фыркаю, целиком оглядывая себя в вертикальное зеркало.

Лет пять к цифре, прописанной в паспорте, я прибавила. Изменила привычному образу. И, вроде, вышло неплохо. А удовлетворения нет ни на грамм.

Восемь. Мне необходимо быть к девяти. Дополняю образ гранатовым кулоном, взятым из украшений мамы. Натянутая подвеской цепочка ложиться в ложбинку между груди, которой, по сути и нет. Волей—неволей, а выделиться среди остальных девиц я смогу…

Такси прибыло вовремя, отрезая тем самым мысли о возможном пути назад.

– Не понравится – уйду! – успокаивая дрожащие пальцы, уверяю себя, усаживаясь на заднее сидение автомобиля. Я не подписывала никаких документов, обязующих меня остаться. В мелком шрифте договора сотрудничества не припомню подобного пункта. А ведь Павел натренировал меня с усиленным вниманием вчитываться в пункты под звездочкой.

– Это здесь, – плавно тормозя в одном из переулков, возле дома с колоннами, подсвеченными софитами, произносит водитель.

– Подождите минутку, – прошу, набирая номер Илоны.

Отвечает мгновенно, сообщая, что сейчас меня выйдут встречать. Судя по всему, это тот, кого мне следует сегодня сопровождать.

Расплачиваюсь за такси, не особо надеясь, что эти расходы возьмёт на себя мой кавалер. "Только б это был не один из бизнесменов, с которыми когда-то знакомил отец…" Мыс-

ленно произносится в голове доля призрения к ситуации в целом. Вынести этот позор с высоко поднятой головой будет очень трудно!

– Чёрт! Что же я творю? – бормочу себе под нос, привлекая внимание водителя.

Дверь распахивается, обдавая оголенную кожу потоком прохладного воздуха. В перипетиях мыслей я и не заметила приближения мужчины. Выдавливаю из себя улыбку, должную выглядеть обольстительной. Томно прикрываю глаза, пытаясь не выдать гаммы чувств, зарождающейся внутри при взгляде на моего спутника. Подаю руку, надеясь, что сумрак вокруг скрывает от глаз ощутимую дрожь пальцев.

Прикосновение к его коже вызывает стойкую неприязнь. Сжимая зубы за широкой улыбкой, подаюсь вперёд, выходя из машины. Мужчина, представший пред мной, словно ушатом холодной воды, обдает меня взглядом масляных глаз.

" Надо было снять каблуки" проносится в голове, едва я касаюсь ступнями земли. Он едва достает мне до подбородка, хотя модельным ростом я вовсе не обладаю. Плотный. Низкий. С заметно развивающейся лысиной. Упакованный в дорогой костюм и массивные часы, оттягивающие вниз запястье. Как только они своим весом не переламывают его слоновую руку?

Не удосужившись поинтересоваться у водителя об оплате, охватывает меня за талию, разворачивая в сторону входа. Ясно. Лишние траты не приняты и мой жалостливый рас-

сказ врятли подействует, отозвавшись сочувствием в сердце. А оно у него есть? Или атрофировано под слоем жира как ненадобный орган?

Первый блин комом! Народная мудрость ошибается редко. Хотя, я уже сомневаюсь, что решусь повторить это безумие.

Играть! Подавляя инстинкт самосохранения! Пряча эмоции. Не этому ли меня учили последние года? Теория пройдена. Вот тебе и практика. Импровизируй!

– В жизни ты ещё прекраснее, чем на фото, – произносит слащаво, распаляя мою улыбку лишь шире. Проще прикинуться полной дурой, чем позволить себе сморозить что-то непозволительное в ответ.

– Валентин Петрович, – наигранно кланяясь и, едва не увлекая меня вниз за собой, произносит, точно делая мне бесценный подарок.

– Кристина, – с чувством благоговения, сжимаясь изнутри, парирую в ответ.

Деньги надо отрабатывать и чем довольнее будет "клиент", тем велика вероятность скорее сбежать домой.

– Интересное имя, а как тебя принято называть ласково? – томно произносит, утыкаясь мне в шею и перемещая руку немного ниже, прижимается плотнее.

– Что? – сбиваясь с шага, едва не подворачиваю каблуки от подобного сверхскоростного сближения. Хлопаю ресницами на манер глупой блондинки, недопонимающей ни од-

ного из услышанных слов. Активно улыбаюсь во все тридцать два.

– Перед друзьями мне необходимо как-то тебя называть, раз уж выдаю за свою подружку.

– Аааа, – невнятно протягиваю, стараясь хоть на сантиметры от него отдалиться. Сделать это как можно незаметнее, дабы не обидеть широкую душу и не выдать истинных чувств к своему ухажеру.

– Называйте меня как вам больше нравится, – ласково произношу в ответ, в последний момент понимая, что совершаю неимоверную ошибку, выбрав почтительное обращение вместо ответного "ты". Лицо визави искривляет гримаса недовольства, остро выделяющая многочисленные морщины. На пухлом лице это смотрится складками… Шарпей, мать твою, издевательски проносится в голове, едва не слетая с языка. А вечер ещё не начался…

– Как мне тебя называть при них, милый? – стараясь сгладить углы, проговариваю нарочито медленно, точно смакуя, растягивая слова.

– Котик, – озаряясь улыбкой, предлагает в ответ. – Моя бывшая девочка очень любила это прозвище и я к нему довольно привык.

– Очень мило, – достигнув заветной двери, цежу с придыханием в голосе.

Музыка, царящая на входе мало способствует продолжению разговора и я вновь растягиваю на губах обманчивую

улыбку, используя время пребывания в холе как передышку.

Поднимаемся по ступеням, ведущим на второй этаж. Рука "котика" скользит ниже, опускаясь на мою пятую точку. Сглатывая омерзение, возрастающее с каждой секундой, пытаюсь держать себя в руках, не вздрагивая от его наглых прикосновений.

Проходим в зал, увешанный чередой многочисленных картин. Официанты с услужливым поклоном предлагают разносортной публике спиртные напитки с небольшими тарталетками в виде закуски. Ниши у стен скрывают кучки уединившихся от общего потока людей. Жестом останавливая молодого парня с подносом, мой спутник, неудосужившись закусывать, опрокидывает залпом две рюмки водки. Наблюдаю за происходящем с презрительной улыбкой, отказываясь от поступающего предложения " пригубить по одной".

Чёрт! Этот вечер, пожалуй, покажется самым длинным во всей моей жизни!

Мгновенно напоминаю себе причину, по которой я здесь оказалась, призывая к спокойствию.

Хлесткий шлепок по моему заду, заставляет ошарашенно распахнуть глаза. Звук, кажется, заставляет обернуться большую часть присутствующих. Сдерживаю моментальный порыв залепить пощечину обезумившему мерзавцу, выдыхая и поджимая губы в улыбке, слыша задорное:

– Лапушка, а ты мне нравишься ещё больше!

Глава 8

Продвигаюсь в самую гущу людей, не переставая улыбаться. Стараясь особо не оглядываться по сторонам. Иду, гордо держа спину. Смотря перед собой. Его рука так и покоится на моей пояснице. Немного ниже точки, где заканчивается открытый вырез платья. Широкие бретели которого плотно скреплены под волосами неприметной цепочкой, не позволяя оголить ещё большую часть тела, чем задумано автором. И всё же я ощущаю на себе скользкие взгляды, раздевающие меня догола.

Надо же было добровольно отправиться в этот гадюшник! Мой спутник периодически останавливается, резко одергивая меня. Молча расточаю улыбки, призывая себя к спокойствию. Прикусывая язык, чтобы не высказать своего недовольства. Конечная точка достигнута. Вокруг нас с десяток толстосумов, подобных моему сопровождающему. Обвешанных, словно модными аксессуарами, молодыми девицами на любой вкус. Блондинки, брюнетки, огненно рыжие, со скучающим взглядом и белоснежной улыбкой. Выпячив кто грудь на всеобщее обозрение, кто, явно, перекаченный зад, обтянутый блестящей тканью. Без тени эмоций на лице, точно снизойдя до присутствия здесь, позволяют окружающим наслаждаться своей красотой.

Неспешные разговоры за бокалом шампанского. Кажет-

ся, что собравшихся здесь вовсе не интересует выставка, на которой они оказались. Был бы повод для выхода в свет… Сочувствуя стараниям, неплохого, кстати, художника, с грустью осматриваюсь по сторонам.

– Да, лапушка? – сжимая пятерню на моём бедре, произносит уже изрядно подвыпивший спутник.

– Конечно, котик, – игриво потрепываю его по редеющей шевелюре, сама не зная, на что даю согласие.

Масляные взгляды товарищей и, откровенно ехидные улыбки девиц, заставляют думать, что в момент моих размышлений прозвучала очередная пошлость. Высоконравственным темам подобная публика уподобляется редко.

– Добрый вечер, господа, – слышу позади себя знакомый ледяной тембр, разбавленный хрипотцой.

Сглатывая и, едва не зажмуриваясь от нахлынувшего чувства стыда, с трудом растягиваю на губах широкую улыбку, в пол—оборота взирая на того, кто пополнил ряды многочисленных гостей. – Дамы, – приподнимая бокал, приветствует остальную публику непробиваемым взглядом.

– Привет, – небрежно бросает в мою сторону, притягивая ко мне заинтересованные взгляды мужчин и полные презрения женской половины собравшихся.

На него они смотрят с придыханием, едва не облизывая сложенные "уточкой" губки. На меня, словно на никчемное создание, посмевшее стать преградой на пути к желаемому.

– Привет, – тихо вторю в ответ, отводя в сторону взгляд.

– Вы знакомы с моей красавицей? – растягивая слова, мой спутник похлопывает меня по бедру, точно бесстрашно метя территорию пред сильнейшим, весело обращается к Всеволоду, наблюдающему за происходящим с нескрываемым отвращением в глазах.

– Имел неловкость совершить такую ошибку, – бросает, зло ухмыляясь.

Машинально опускаю голову ниже, принимая невидимый удар. Стирая с губ улыбку в считанные доли секунды, слыша его стальной голос, проговаривающий медленно каждое слово. Насыщая фразу неразбавленной злостью.

– За сколько ты её снял, Петелин?

Вопрос заставляет замолчать всю компанию. Взгляды, которыми одаривают меня, чувствуются словно плевки, попадающие на кожу.

– Можешь не утруждаться, припоминая цифры, – бросает резче, чем мой спутник пытается что-то ответить. – Столь фальшивая игра не стоит подобных затрат, – заключает с усмешкой, уходя прочь.

Спустя пять минут всеобщее молчание в нашей группе не перебивает ничего, кроме нескольких возгласов подзывания официанта. В один из проходов обслуги, беру с подноса бокал с янтарной жидкостью, разбавленной льдом. Выпиваю пару больших глотков. Не морщась. Плавно убираю ослабленную руку со своего бедра, безразличным тоном, показывая наигранное хладнокровие, проговариваю достаточ-

но громко:

– Извините, мне необходимо отойти.

Подняв голову, держа осанку, следую в сторону туалета, сжимая пальцы вокруг прохладного стакана. Минуя толпу, исчезаю от взглядов за дверью уборной, со всей силы бросая об стену прозрачный бокал.

Осколки с кубиками льда усыпают пол, искрясь на нём россыпью бриллиантов. Выдыхаю, расслабляя плечи. Нервная дрожь достигает кончиков пальцев, отзываясь в сердце болезненными ударами. Опускаю руки под теплую струю воды, стараясь унять озноб. Выключаю кран, наскоро обтирая ладони салфеткой, намереваясь прямо сейчас покинуть данное заведение. Тяну дверь на себя, обходя многочисленные компании. Иду в сторону выхода. Опустив в пол глаза, спускаюсь по ступеням, замирая в самом низу. Натыкаясь взглядом на знакомый профиль, частично скрываемый нишей.

Стою, пытаясь разобраться с накалом эмоций. Что лучше сделать: податься вперёд, в надежде, что он меня не заметит или вернуться в зал, выждав пока Баженов покинет выставку?

– Я не ясно выразился о том, чтобы ты и близко не подходила к ней? – словно зверь перед прыжком, шипя, задаёт вопрос невидимому мне собеседнику, наклонив голову вниз.

Съеживаюсь, боясь жестом, вдохом, выдать своё присутствие. Точно сейчас эти глаза на живую готовятся разрезать меня.

– Севочка, я… – хриплый женский голос практически не узнать. И если бы не её пальцы с ярким маникюром, в районе его локтя, сжимающие под собой плотную ткань, я бы с трудом узнала его обладательницу, скрывающуюся за кирпичным выступом. Этот маникюр, с обилием блесток, привлек внимание ещё в мой первый визит в студию.

– Мало того, что ты перестала понимать смысл сказанных мною слов, так ещё посмела подложить девчонку под этого урода? Надеялась, что я ничего не узнаю и не сверну тебе шею?

Слова металлом входят под кожу, вспарывая сузившиеся от животного страха вены. Не понимая, что делаю, бесшумно шагаю вперёд, словно загипнотизированная, не отрываясь, смотря на открывшуюся взгляду картину.

Илона прижата к стене вытянутой вперед рукой Всеволода, сжавшего стальной хваткой пальцы на её длинной шее. Её тяжелое дыхание и хрипы, издаваемые на вздохе, вызывают мурашки на теле, покрывая ладони ледяным потом. Тушь под глазами блондинки размазана от слёз. Щеки, на фоне алых губ, смотрятся неестественно бледными. Илоне не хватает воздуха и, глядя на неё, мне кажется тоже… Словно это на моей шее лежит тяжелая, припирающая к стене рука.

Он, будто не замечая происходящих в ней изменений, продолжает нарочито спокойно. Не ослабляя захвата.

– Сегодня же удали всю информацию с сервера. И только посмей сохранить у себя исходники фотографий.

– Да, – хрипя в ответ, роняет согласие, беспомощно глядя в его глаза.

– А ты, – продолжает так же бесстрастно. Не оборачиваясь, но я с ужасом сжимая челюсти до ощутимого скрипа, понимаю, что ввиду он имеет меня. – Сейчас же выйдешь и сядешь в машину к Кириллу.

С пару секунд стою, не шелохнувшись, слыша более строгое, словно щелчок хлыста:

– Не заставляй повторять дважды.

Стуча каблуками, выбегаю за двери, в надежде сразу же поймать такси. От его тона сердце сжимается, будто попавши в стальные тиски, а от слов… Господи… не хочу даже вспоминать. Неужели мне это не послышалось?

Чёрный джип, припаркованный рядом, с моим выходом подъезжает к крыльцу. Дверь широко распахивается и моему взору предстаёт водитель, упакованный в стильный костюм. Едва не щелкая предо мной каблучками, ехидно произнося:

– И снова здравствуйте, – с поклоном отворяет заднюю дверь.

Молча сажусь, подбирая под себя подол платья. Весело насвистывая, занимает водительское место, подмигивая мне в зеркало. Отворачиваюсь в сторону, не желая вступать в дискуссии. Реагировать на внешние раздражители.

– Поехали, – едва приоткрыв дверь, строго бросает Баженов.

– Куда? – услужливым тоном интересуется Кирилл.

– Прямо, – отвечает односложно, будто это всё объясняет.

Не смею повернуть голову, смотря в темноту за окном, усиленную внешней тонировкой.

– До меня очередь в твоём списке ещё не дошла? – уточняет язвительно.

Молчу, кусая губы. Сжимая тонкую ткань платья меж пальцев.

– Решила, что проституткой стать проще? – презрительно фыркает, невольно притягивая мой яростный взгляд. – Конечно, – продолжает зло. – У тебя же гордость! Зато объехать полгорода, вымаливая копейки – это нормально. От безысходности ты б скорее на паперть пошла, чем приняла моё предложение. А тебя не претит, что первый взнос на лечение внёс именно я?

– Да, конечно! Ври больше! – едва не кричу в голос, сжимая кулаки. – Все расходы в первые дни взял на себя Павел!

– Не имею привычки лгать в глаза, – усмехается, будто устало отмахиваясь от надоедливого насекомого. – Три сотни, – наигранно закатывает глаза, – Пожалуй, Илона права: для твоей бездарной игры в утонченную обольстительницу цена подходящая. Больше за неё я б тоже не дал. Но за ночь – ты порядком продешевила.

– Прекрати со мной так говорить! – взрываюсь, желая дернуть на себя дверь. Пускай и на ходу. Автомобиль двигается достаточно медленно. – Я подписывалась лишь на эскорт, – буркаю тише. – Это банальное сопровождение.

– Наивная дура, – бросает брезгливо.

– Зато ты у нас больно умный, – проговариваю бесстрашно, поджимая дрожащие губы. Ещё одна колкая фраза и я разревусь. Отчаянно. Прямо здесь. На радость скучающей публике. – Ты понятия не имеешь, в какой ситуации я нахожусь… – твержу ощетинившись. Срываясь на дрожь в голосе на последних словах.

– Останови здесь, – произносит, точно охладев к разговору. Легонько хлопнув рукой по водительскому сиденью.

Кирилл услужливо выполняет указания, не говоря и слова. Всё это время создавая впечатление, словно его и нет в машине.

– Ты меня высадишь здесь? – боязливо всматриваясь в окно, нервно сглатываю. Ощущая, как холодеют руки, растеряв показное бесстрашие. Вздрагиваю от прикосновения пальцев к моему подбородку, заставляющему плавно повернуть голову, встретившись глазами. С трудом выдерживаю этот контакт, с силой зажимая дрожащие губы. Кровь приливает к щекам, опаляя их жаром. Сердце стучит в висках, затмевая звук его голоса.

– А у нас с тобой есть о чём говорить? – уточняет лукаво, приподняв в вверх бровь.

Превозмогая себя, едва заметно киваю в ответ.

– Выйди покурить, – бросает Кириллу и тот в мгновение ока, точно ожидая команды, захлопывает за собой дверь.

Почти не дышу, боясь пошевелиться. Баженов, затаив на

губах подобие ухмылки, разжимает пальцы на моем подбородке. Не разрывая зрительного контакта.

– Я могу оплатить необходимое лечение твоей матери и внести задаток в клинику Германии уже сегодня, – констатирует сухо, а я замираю, ожидая окончания фразы. Ухмыляется, точно считывая в моих глазах сомнение и мольбу одновременно. – Но я никогда не делаю хороших предложений дважды, – подытоживает, хмыкая. – С каждым отказом условия становятся более привлекательными. И знаешь, это учит людей относиться к предложениям более внимательно. Просчитывая свою выгоду с первого раза.

– Я готова выслушать твои условия, – выдав нервный смешок, обреченно опускаю глаза.

– Быть хорошим скучно. Не считаешь? – парирует приторно сладко. – Никакого удовольствия от благотворительности. А лелеять себя надеждами, что это где-то зачтется…

Лязг ремня брюк, в повисшей на секунды тишине, звучит оглушающе. Вздрагиваю, невольно приковывая взгляд к ширинке его брюк, собачка молнии на которой под пальцами плавно двигается вниз. Напрягаюсь как струна, автоматом зажмуриваясь. Шепча на выдохе вмиг пересохшими губами:

– Я не… – голос едва слышен, страх не позволяет выдавить из себя больше и звука.

– Не могу. Не умею, – продолжает, надменно усмехаясь, – Решила быть шлюхой – веди себя подобающе. Три сотни за ночь, – фыркает глухо. – Считай я приобретаю безлимит,

оплачивая всю сумму одним звонком.

Не разлепляя эти секунды ресниц, сжимаю веки сильнее, ощущая, как из-под них всё же пробиваются слёзы.

– У тебя десять секунд, – произносит излишне спокойно. – Следующее предложение будет выглядеть менее гуманно, чем минет на заднем сидении моего автомобиля.

Приоткрываю глаза, безжизненно глядя на то, как он поднимает левую руку, открывая себе обзор на массивные часы. Дьявольски произнося:

– Время пошло…

– Ты ведь шутишь? – произношу отрешенно, пытаясь изобразить подобие улыбки на непослушных губах. Они перекашиваются под взглядом холодных глаз, леденящих кожу, словно пары азота.

– Считаешь у меня есть чувство юмора? Давненько не слышал подобного бреда, – выдаёт сурово, отводя взгляд на часы. – Пять. Четыре, – констатирует сухо.

– Ты издеваешься, – произношу резко, но тихо. С надрывом. Моля прекратить эту суровую пытку. Усмехнуться, завершив творящееся в эти секунды безумие. Перестать поверять мою психику на прочность. Ведь это не может быть правдой? Господи… пожалуйста…

– Три. Два, – считает медленнее, чем стрелка на циферблате отмеряет шаги.

Заношу трясущуюся руку вперёд, иссушая губы сбитым дыханием. Страх перед ним достиг своего апогея. Инстинкт

самосохранения перекрывает мысль, напоминающую ради чего я живу последние дни… Это не я. Та, Кристина, что была прежде, никогда б не оказалась в подобной ситуации. Не позволила б считать себя шлюхой. А то, кем я предстаю сейчас… Безвольная кукла с пустыми глазами, в которых, за ненадобностью, высохли слёзы. Растворив в них остатки достоинства. Уничтожив на корню любые попытки к сопротивлению.

Не глядя вниз, касаюсь подушечками пальцев плотной ткани, скрывающей под собой молнию брюк. Выдаю невольный всхлип, роняя тихо:

– Я согласна…

– Тебе идёт думать, – произносит с долей иронии, в одно движение возвращая металлическую собачку на прежнее место. Отстраняя тем самым от себя мои пальцы.

Выдаю нервный смешок, наблюдая за тем, как он приоткрывает окно, совершая беззвучный жест вытянутой на улицу рукой. Через секунду Кирилл возвращается в машину. Не уточняя дальнейших указаний, плавно трогается с места. Стопорю взгляд на подлокотнике переднего сидения, пряча руки под широким подолом платья. Меня всё так же трясёт и, кажется, вибрация от тела настолько сильна, что проходит по сидению, легко ощущаясь скучающим рядом Всеволодом.

– Домой, – приказывает глухо, а я напрягаюсь сильнее, не зная чего ожидать.

Неблизкий путь проходит в полном безмолвии, сглажен-

ным лёгким шумом климат—контроля. Нервный озноб достигает кончиков пальцев, покрывая ладони слоем холодного пота. Дышу через раз, тщетно убеждая себя в том, что всё худшее уже позади.

Автоматические железные ворота у въезда в закрытый коттеджный посёлок. При приближении автомобиля плавно ползут в сторону, открывая обзор на безлюдную, ярко—освещенную улицу. Проезжаем в самую глубь, останавливаясь возле широкой ограды, выполненной из металлических прутьев на манер вьющегося плюща. Кирилл приспускает стекло, щелкая с небольшого пульта, напоминающего брелок, в сторону алого огонька. Резные створки дверей открываются внутрь, впуская на территорию машину владельца.

Завороженно смотрю вперёд, ощущая возрастающую тревогу от приближения к двухэтажному зданию цвета натурального камня. Тормозим возле ступеней, обрамляющих парадный вход. В тот же миг пульс, ощутимый под кожей, взлетает до значения максимума.

– На сегодня свободен, – произносит спокойно, открывая дверь. Точно забыв про моё присутствие рядом.

Сижу. Не шелохнувшись. Наблюдая, как Кирилл покидает водительское сидение. Перевожу дыхание, оставшись одна, слыша справа звук открывающегося замка. Безмолвно подаёт руку, обязуя вложить в неё свою ладонь. Подчиняюсь, выходя из машины. Вокруг тихо. Пугающе. Хотя участок и подсвечен ночными огнями. Территория поражает своим разма-

хом. Дом на фоне участка кажется неимоверно маленьким. Точно камень, посреди поля с коротко стриженной травой и редких туй, оформленных в причудливые фигуры.

Поднимаюсь за ним на небольшое крыльцо, резко стопорясь на месте от воя собак где-то поблизости. Ладонь скользит в его руке, сжимаясь настолько, что, кажется, на запястье плотными бугорками проступают вены. Чувство страха преобладает над всеми инстинктами. Главенствует, сковывая мысли и тело.

– Они в стальной клетке, – объясняет кратко, что ни на секунды не успокаивает. – И действуют лишь по приказу, – заключает размеренно. Не развивая тему, возобновляю шаги, желая скорее скрыться за дверью, которая вовсе не является гарантом моей безопасности.

Небольшой холл, отделанный в стиле минимализма. Несколько входов не оснащенных дверьми, расположенных по периметру. Объединенными в одно пространство первого этажа. Стою, осматриваясь по сторонам. Теряясь в догадках, чего от его показного спокойствия мне следует ожидать.

– Иди за мной, – расцепляет руки, ослабляя узел галстука, окольцовывающего шею.

Стараясь не шуметь, смутно представляя правила этого дома, аккуратно снимаю у входа туфли, ступая по плитке босыми ногами. Пол кажется тёплым, или это я настолько сильно озябла? Прохожу в первый проём, оказываясь в широкой кухне, отделанной без лишних изысков, медовым деревом,

на традиционный манер. Вокруг идеальная чистота. Светлые шторы на окне выделяются броским пятном. Небольшое количество мелочей на полках создают иллюзию обжитости, но не добавляют уюта. Баженов на фоне резных шкафчиков из лакированного дерева смотрится и вовсе аристократично. Статно. И вроде уже не так страшно… да обстановка настолько давит, будто стены медленно ползут к центру комнаты, сужая пространство вокруг овального стола. Захлопывая ловушку.

Наливает из тёмной бутылки два бокала, сдабривая напиток льдом. Ставит один из них на стол, плавно толкая вперёд и он, словно двигаясь по отполированной барной стойке, не расплескавшись, скользит в мою сторону, останавливаясь буквально в пяти сантиметрах от края. Принимая за данность, беру в руки, боясь не удержать в слабых пальцах хрустальный бокал. Наблюдает за происходящим с некой усмешкой в глазах. Достаёт из-под полы пиджака телефон, после первого гудка, без приветствия, произнося:

– Пополни счёт клиники на необходимую сумму и внеси задаток в Франкфурт.

Слов абонента мне не услышать, но судя по тому, что в такое время ответ последовал мгновенно, подчиненные Всеволода выдрессированы не хуже незримых собачек на входе.

– Найди реквизиты, – произносит строго. – Поставь за ночь на уши этот город, если потребуется. Отчёт и контракт должен лежать на моём столе в восемь утра. В одну минуту

девятого, в случае опоздания, ты будешь уволена.

Откидывает телефон в сторону, делая крупный глоток. Всё это время, сверля меня жестким взглядом, без тени эмоций на серьезном лице. Допивает бокал в один присест, наполняя его повторно. Стою, не шелохнувшись, скрепляя руки сильнее вокруг прозрачного дна. Мои губы поджаты, а взгляд просит пощады, не находя в его глазах подобного отклика.

В одно движение скидывает на столешницу пиджак, точно зверь, подкрадываясь ко мне. Сжимаюсь в комок изнутри, не удерживая в руках бокал. Он с грохотом падает на пол, заливая низ платья алкоголем, пары которого мгновенно расходятся по кухне, наполняя её древесным запахом. С прищуром качает головой, двигаясь нарочито медленно. Обходит стол, подходя практически вплотную. Не смею поднять глаза, упираясь взглядом в белоснежную рубашку. Движением ноги отбрасывает в сторону осколки, хрустя под подошвой мелким стеклом, сокращает оставшиеся сантиметры меж нами. Глубоко выдыхаю, ощущая вибрацию дыхания на своих губах. Шепот голоса проносится рядом с ухом, обдавая его горячим воздухом:

– Я заслужил твоей благодарности?

– Думаю, что взамен ты потребуешь больше банального "спасибо", – обреченно произношу, прикрывая глаза. Нос упирается в расстегнутую на несколько пуговиц рубашку, позволяя впитать в себя запах его кожи, вкупе с глубоким

ароматом парфюма. – Такие как ты не бросают деньги на ветер, – подытоживаю дребезжащим голосом.

– Умная девочка, – усмехается в ответ, – Хотя порой ведёшь себя точно полная дура.

Резко обхватывает мою талию руками, приподнимая в воздух. Разворачивает, усаживая на гладь стола. Теперь разница в росте становится незаметной, позволяя без лишних усилий смотреть друг другу в глаза. Облокачивается руками по обе стороны от меня, впиваясь взглядом, точно острой иглой. Со странным оттенком в голосе произнося:

– Ты такая маленькая, что порой кажется неловким движением можно сломать. – Ноздри слегка расширяются, будто он специально глубже вдыхает, пробуя на вкус мой запах.

– Ты это уже сделал, – произношу отчужденно.

– Даже не начинал, – поднимая вверх уголки губ, парирует в ответ.

Облизываю пересохшие губы, опаляемые его дыханием с привкусом алкоголя. Через секунду, после рефлекторного жеста, чувствуя на них обжигающее прикосновение языка, с напором раскрывающего для поцелуя. Зажмуриваю глаза, скованная страхом, не отвечая на активные манипуляции. Он напряжён. Это чувствуется тяжестью в воздухе. Жесты излишне резки и алкоголь вовсе не убрал раздражение, возникшее ещё на выставке, а лишь оголил его, сбросив внешний занавес непробиваемости.

Захватывает мой подбородок в тиски своих пальцев, про-

никая языком в самую глубь. Не позволяя оторваться. Впиваясь губами. Мощно. Напористо. Всасывая их до боли. Вызывая ощущение, что капилляры под кожей сейчас лопнут, не выдержав натиска… Я же… в этот момент хочу сдохнуть, отрешенно представляя, что ожидает меня в следующее мгновенье…

Резко отрывается, бросая тщетную попытку расшевелить непослушное тело. Обдаёт зудящие губы короткими выдохами горячего воздуха. Перед глазами ассоциативно проносится образ разъяренного быка, стимулируемого мулетой тореадора… Какая нелепость. В этой игре воображения мне отведена самая гнусная роль: тряпки. Наряд, кстати, выбран мною вполне подобающе.

Открываю глаза, наблюдая его злую ухмылку. В ней нет ни грамма удовлетворения от того, что клетка за моей спиной всё же захлопнулась. Сейчас Всеволод совершит ещё один звонок и отменит все ранее данные указания. Что мне делать тогда..?

– Дай листок, я напишу расписку на сумму и сроки, в которые обязуюсь вернуть деньги, – произношу, прикладывая огромные усилия для того, чтобы выглядеть спокойно.

Эмоции рядом с ним сменяются одна за другой. Словно шквальный ветер, сметающий всё на своём пути. Резко переходят от ненависти до… абсолютного бесчувствия. Ощущения пустоты. Взлетают вверх и падают наземь, рассыпаясь безликими осколками.

– Настолько уверена, что способна восполнить мои затраты? – ухмыляется, на секунды лукаво искривляя линию губ.

– Да, – роняю сухо. Смутно веря в то, о чём говорю. Внутри усиливается противоборство. Как мне следует вести себя в этот момент?

Его руки вновь ограничивают мне путь отступления. Напряженно упираясь в кромку стола. Точно готовые её продавить или, как минимум, оставить заметные вмятины. Глаза непрерывно смотрят в мои, находясь на одной линии. Взгляд настолько решительный, что говорить о возможности выбора вовсе нет смысла. Я уже приняла правила игры, и он ждёт озвучивания добровольного ответа… Есть ли смысл над прилагательным ставить кавычки?

Болезненно выдыхаю. Хреновая же ты актриса, Кристина! Столько лет теории в кружках, курсах, институте, а на практике… Не чувствуя, не сыграть достоверно. А не умея… мне грозит капитальный провал…

– Тебе ведь не нужны мои деньги? – произношу не особо выделяя во фразе вопросительную интонацию.

– От чего же, – парирует с иронией в голосе. – В своё время за две сотни я б совершил невозможное… И сейчас не настолько бескорыстен.

– Это я уже поняла, – цежу тихо, облизывая болящие от поцелуя губы. – Всему есть цена… – произношу отрешенно, ловя отклик согласия в его глазах.

Играть! Как учили! Умирая с улыбкой… Пытаюсь при-

поднять уголки онемевших губ, понимая, что затея провальна. Ни черта у меня не получится! Жизнь не заурядный спектакль. И всё же…

Аккуратно зажимаю меж пальцев галстук, несмело притягивая его к себе. Сердце вырывается из груди. Челюсть сводит от напряжения. Вдох. Выдох. Сквозь боль, вызываемую скованностью мышц. Баженов подаётся вперёд. Медленно. Точно делая одолжение. Слегка прищурив ледяные глаза. Только в этот момент в них сверкает какая-то искорка. Завуалированное довольствие? Усмешка? Выслеживание добычи опытным хищником.

Мои колени соприкасаются с его бедрами. Рефлекторно сжимаю их между собой плотнее. Сокращать расстояние больше некуда. А моя рука всё ещё тянет его вперёд. Замирая в воздухе в тот момент, когда его губы оказываются в сантиметрах от моих. Опускаю глаза, нервно сглатывая. Наблюдая за тем, как вибрирует в воздухе натянутый кусок ткани от дрожи, простреливающей мои пальцы.

Он не делает попытки сократить оставшийся минимум. Красивая обманка, будто всей ситуацией руковожу я.

"Это не так страшно как кажется", убеждаю себя. Небольшая жертва в пересчете на мамину жизнь, шанс на которую я покупаю.

"Это не страшно…"

Я могла бы лишиться девственности с каким-нибудь прыщавым подростком в подворотне у дома. Отдаться первому

встречному… Нет. Не могла бы. Кнопка "стоп" срабатывала в сознании даже с Ваней, когда казалось бы, я была в него влюблена. Или… Кривлюсь, смутно припоминая того парня из бара.

Всеволод так и стоит, неподвижно. С интересом наблюдая за сменой эмоций, меняющейся мимике на моём лице. Я всё ещё удерживаю его рядом. Слишком близко. Введя в границы межличностного пространства настолько, что слышу звук его сердца. Барабанную дробь, знаменующую мой выход на плаху. Раз. Два. Три… Слишком быстро. Невозможно сосчитать количество ударов, не сбившись, за десять секунд. У загнанной лошади, наверняка, оно бьется слабее. Делаю глубокий выдох, возобновляя движение рукой. На себя. Прикрывая глаза в сантиметре от соприкосновения губ. Без доли сопротивления, позволяя его языку проникнуть внутрь, жадно исследуя покорившуюся территорию. Отвечаю его губам, с удвоенным остервенением впивающимся в мои. Ощущая в горле горечь его дыхания с привкусом алкоголя. Машинально ослабляя руку, чувствую, как она безвольно падает вниз в тот момент, когда его пальцы оказываются на моих плечах, резко дергая в стороны шёлковые бретели. Оглушительно разрывая сковывающую их цепочку, разошедшимися звеньями царапающую кожу. Верх платья в секунды скатывается вниз, оголяя грудь, в ложбинке которой остается висеть лишь бордовый кулон.

Отрывается от губ, опаляя дыханием шею. Впиваясь в неё

так сильно, точно желающий вырвать кусок плоти, закусываемый зубами. Кратко дышу, пытаясь насытиться воздухом после его поцелуя. Боясь открыть глаза, ненароком встретившись взглядом. Вздрагиваю, зажмуриваясь сильнее от сжатия его пальцев, до боли массирующих мою грудь. Тело пронизывает мгновенная судорога, а руки молниеносно оказываются на его плечах в желании оттолкнуть. В висках пульсирует дикий ужас. Я не хочу! Не могу! Не готова! Это сильнее…

Скользит ладонями вниз по телу, рывком освобождая меня от остатка платья, обвившего бедра.

– Остановись… Пожалуйста… – молю, проговаривая с надрывом. Из последних сил. Он точно не слышит, покрывая поцелуями тело. Простреливая болезненными импульсами, идущими в мозг.

Лязг ремня, сквозь мои всхлипы, врезается в уши, стирая из сознания мысль о том, что всё ещё можно без потерь отыграть назад.

– Пожалуйста… – вторю, ощущая жжение от соли на губах.

Обхватывает мой затылок быстрым движением руки, болезненным нажатием второй разводит в стороны колени, оказываясь практически зажатым меж моих ног. Вдавливая своим телом, опрокидывает, словно куклу, на холодную гладь стола. Милостиво придерживая от удара рукой на затылке.

Зажимаю дрожащие губы, пряча глаза под веером распахнутых пальцев. Скрывая оголенную грудь сомкнутыми локтями.

– Вечером ты была шлюхой, – проговаривает охрипшим голосом, наполненным нескрываемой злостью, желанием, отдающимся ощутимой пульсацией, сквозь остатки ткани, разделяющие тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.